

9(с21к)г

А 65

Андреевский А.А.

Исторические
материалы из
архива Киевско-
го Губернского прав-
ления. Вып. 5

AP

3(с2)Wf 770610
AG5 | Андреевский
Ан. Исаакович
Материалы. Вып 5
8547 - 2 | К, 1882

LIBRARY

А. Данил

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

9(с21к)Г

А. 65

ИЗЪ АРХИВА

КИЕВСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ 5-й.

Сост. редакторъ неофициальной части

КИЕВСКИХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

А. Л. АНДРЕЕВСКІЙ.

КИЕВЪ.

Въ типографіи губернскаго правленія.

1888

Дозволено цензурою. Київъ, 14 сентября 1883 г.

770610

Державна Історична
К бібліотека УРСР

07

Дѣла о гайдамакахъ.

I.

1751 г. Дѣло К. Г. К. „о новопоявившихся гайдамакахъ“.

„Дѣло“ это представляет такой же разрозненный томъ официальной переписки „о сыскѣ, поимкѣ и искорененіи гайдамакъ“, какой описанъ въ 1 вып. „Ист. Мат.“ гл. I. Весь онъ состоитъ изъ множества доношеній, репортовъ, промеморій отъ разныхъ лицъ и изъ разныхъ мѣстъ о появленіи, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ (большею частью въ хуторахъ и ^и насѣкахъ) большихъ или малыхъ гайдамацкихъ партій и о безуспѣшномъ, большею частію, преслѣдованіи ихъ разъѣздными командами. Но изрѣдка встрѣчаются и доношенія о поимкѣ гайдамакъ. Такъ однажды было поймано 7 душъ гайдамакъ. (Грицко Григоренко, Афанасъ Кезаръ, Олистратъ Маломужъ, Иванъ Калюжный, Грицко Шелуховъ, Леска Кривокопенко и Иванъ Сердюченко), захваченные капитаномъ Быковымъ. На допросѣ они показали, что пристали къ гайдамакамъ „при грабленіи польской области мѣстечекъ и тамошнихъ

жителей и сожженіи домовъ, такожь и убійствѣ на пути жидовъ, мазура, да въ мѣстечкѣ Ржищевѣ ляха и при другихъ злѣхъ поступкахъ съ оными гайдамаками были, точію нигдѣ къ сожженію домовъ, такожь и смертному убійству не винились и онихъ жидовъ, мазура и ляха по именамъ не знаютъ, а показали, что де означенныхъ жидовъ и мазура покололи Кондратъ Бѣда, Иванъ Рудъ, Грицко и Иванъ Таранъ“. Во время же нападенія на мѣстечко Ржищевъ ляха убилъ В. Кисель, домъ же ляха Щенявскаго зажженъ Степаномъ Жевотаномъ. При взятіи перечисленныхъ гайдамакъ капитанъ Биковъ захватилъ и доставшуюся имъ по раздѣлу добычу и деньги; о чемъ они при допросѣ и заявили. Когда они уже послѣ допроса содержались въ полковой Переялавской канцеляріи подъ карауломъ, „то онъ, капитанъ Биковъ, пришедъ туда, билъ ихъ нещадно, чтобъ они по правдѣ, сколько онъ, Биковъ, взялъ у нихъ не казали, а уменьшали-бы“. И только вмѣшательство бывшихъ въ канцеляріи канцеляристовъ прекратило собственно-ручную капитана Быкова расправу.

Очевидно показаніе ихъ подтвердилось, такъ какъ въ одной бумагѣ встрѣчаемъ по этому поводу упоминаніе, что „поступлено съ нимъ, капитаномъ Биковымъ по силѣ Ея Им. В. указа“. Вещи и деньги были отобраны у Быкова и отданы на польскую сторону владѣльцамъ ихъ съ росписками, за исключеніемъ 2-хъ пушекъ и мортиры, за которыми отъ Терехтемировскаго старосты Щеняв-

скаго „въ присылкѣ никого не было“. Въ дѣлѣ имѣется однако письмо Щенявскаго къ ген.-губ—ру объ отдачѣ наконецъ ему хоть пушекъ и мортиры. „Будеть-ли тому дѣлу, столь справедливому и всему свѣту извѣстному, окончаніе или не будетъ“? писалъ Щенявскій: „когда я пріѣхалъ за пушками, то одна оказалась разорванною, а другихъ почему-то не отдали“. Въ томъ же письмѣ онъ проситъ оказать ему содѣйствіе въ отысканіи и выдачѣ его бѣглыхъ подданныхъ. Генераль-губернаторъ приказалъ выдать ему пушку и мартину, а за разорванную—заплатить, но ходатайство о бѣглыхъ отклонилъ: „извольте требовать изъ Переяславскаго полковаго суда, понеже оный судъ не въ моей командѣ“.

Есть въ „дѣлѣ“ одно доношеніе о бѣгствѣ изъ Переяслава изъ „камяницы“ 27 душъ гайдамакъ, но когда, кѣмъ и за что они были доставлены въ эту „камяницу“, и были ли по уходѣ своемъ поиманы—не видно изъ дѣла.

II.

1752 г. „Дѣло о разбойникѣ Василю Сѣромъ, который отосланъ для отдачи на польскую сторону въ пограничную комиссію“.

Графъ Разумовскій 9 октября 1752 г. препроводилъ разбойника Василю Сѣраго къ кievскому оберъ-коменданту при письмѣ такого содержания: „въ генеральномъ судѣ слушано дѣло о колодникѣ Василю Сѣромъ, бывшемъ въ польской области съ прочими гайдамаками на разбояхъ и грабительствахъ въ разныхъ мѣстахъ, который въ томъ виновилъ, и хотя за таковыя злодѣянія оный подлежитъ смертной казни, а по силѣ Высочайшаго указа 1751 г. окт. 16, ссылокѣ въ Рогорвикъ, по понеже оный колодникъ показалъ себя родимцемъ польской области, для того съ учиненнымъ изъ дѣла экстрактомъ, въ мою генеральную к—рію присланъ. А понеже о находящихся въ числѣ гайдамакъ польскихъ людяхъ, какъ съ ними поступать, посланъ изъ Пр. Сената указъ въ Кіев. Губ. К—рію, того ради Сѣрый съ экстрактомъ изъ дѣла присланъ въ Губ. К—рію за конвоемъ отправленъ для поступленія съ нимъ по указу. Что же въ ономъ генеральномъ судѣ приговорено: данные Сѣрымъ

въ состоящій въ російской державѣ, надъ рѣчкою Ирвинью близъ польскаго села Сосновки, мв—рь 20 руб. на церковь, взискать съ мв—ря для возвращенія обиженнымъ, то объ ономъ писано отъ мене къ митрополиту кievскому съ требованіемъ взискать съ мв—ря деньги и отослать въ Кіев. Губ. К—рію для отдачи пристойнымъ образомъ, чрезъ кого и какъ надлежитъ, обиженнымъ претендующимъ полякамъ“. При этомъ письмѣ приложенъ: Экстрактъ о гайдамакѣ Василю Сѣромъ такого содержанія:

„При ордерѣ гд—на гетмана Разумовскаго сего 1752 г. іюля 9-го гайдамака Василю Сѣрый въ судъ генеральный присланъ съ снятымъ съ него, іюня 17-го въ полковой трето охочокомоннаго компанійскаго полку канцеляріи, допросомъ. Означенный колодникъ въ допросѣ показалъ: лѣтъ ему отъ роду сколько, не можетъ звать, потому что онъ остался отъ родителей малолѣтенъ, родился въ польской области въ м. Дубнѣ, въ якомъ жилъ и у разныхъ обывателей въ службѣ находился лѣтъ 15, а оттоль пошелъ въ м. Немировъ, и тамо проживъ 2 недѣли въ 741 году послѣ Покрова дни, къ запорожскому козаку Федору Гаркушѣ, куренному Полтавскому, якои тамо былъ съ рыбою на арманку, присталъ и съ онымъ отлучился въ Сѣчь запорожскую, гдѣ заработками бавился до 751 г. Откуда въ Петровъ постъ онъ, Сѣрый, при ватагѣ жителя польскаго Панаса, а какъ ему прозваніе не вѣдаетъ, съ товарищи запорожскими козаками, коихъ

было 18 человекъ, а именно: Батуринскими куренными: Колозою, Хмарою, Петромъ Гнѣдымъ, Лукьяномъ Габелкомъ, куренными Щербиновскими: Дончиномъ, Строкачомъ, Ушпикомъ, Котимъ, куреннымъ Медвѣдомскимъ Козою, Сергѣевскимъ куреннымъ Майгуромъ, Донскимъ куреннымъ Бабаномъ, Татаровскимъ куреннымъ Прохоромъ, Корсунскимъ—Макаромъ, & какъ имъ прозванія и другихъ, кто они, именами и прозваніями не вѣдаеть, ходили въ польское село Левковъ, а какой оное губерніи не вѣдаеть, на разбой, гдѣ, напавъ ночью на домъ тамошняго владѣльца Стрибулю, взяли денегъ 300 рублей, кунтушовъ тонкихъ 4, простыхъ гранатоваго сукна 4, жолтый 1, каптановъ старыхъ матеріальныхъ квѣтчатыхъ 2, китаевыхъ приношенныхъ 4, полотна тонкаго швабскаго поставъ, поясовъ шалевыхъ черныхъ 1, другой красный шолковый, третій персидскій серебромъ и золотомъ затканый, павиліонъ дуклевый 1, шаравары красныя кармазиныя 1, шапокъ 3, чоботъ сапьянныхъ паръ 3, полумисковъ большихъ 3, малый 1. И со всѣмъ тѣмъ багажемъ пошли въ польское мѣстечко Радомъ, и тамо у ляха взяли разбойнически простыхъ шабель двѣ, и набравъ харчеваго запасу возвратился, и дойшовъ до лѣса, подъ селомъ польскимъ Житоміромъ состоящаго, въ ономъ тотъ весь багажъ подуванили, зъ якого довелось ему денегъ 20 рублей, кунтушъ каруновы жолтый, каптанъ матеріальный старый, полотна на кафтанъ, шаровары кармазиныя ветхіе. При якомъ дуванѣ того жъ

751 году послѣ Петра и Павла, въ мясницю, напавъ на нихъ ляхи съ польскими козаками, коихъ было до 700 человекъ, изъ нихъ четырехъ въ смерть, Козу, Василя Швеца, Магура и Прохора, убили, прочіе жъ всѣ его товарищи разбѣжались, между коими и онъ, Сѣрый, уткая ухватилъ точію денегъ 20 р., прочее жъ все награбленное имущество ляхами отбито. И съ тѣми деньгами онъ, Сѣрый, идучи прямо въ Сѣчъ, самъ одинъ, зашедъ по тракту въ монастырь, надъ рѣчкою Ирпинью, въ російской сторонѣ, въ лѣсѣ, близъ польскаго села Сосновки, тѣ 20 руб. на оный монастырь отдалъ, и поживъ тамо недѣль семь, послѣ Спасова поста третьей недѣлѣ одишелъ; и какъ пришелъ послѣ послѣдней Пречистой въ гардъ, когда гайдамацкій ватагъ, атаманъ куреня Конеловскаго, Семень Кувиль, собравъ гайдамакъ до 118 человекъ, то и онъ съ тѣми гайдамаками, козаками запорожскими, куренными: Батуринскими Иваномъ Рѣченкомъ, Михайломъ Шепелемъ; Каневскими—Матѣемъ Хитемъ, Завидюкомъ, Байбарзенкомъ, Герделемъ, Иваномъ Куликомъ, Яцькомъ Великимъ, Михайломъ Бойкомъ, Трохимомъ Крутемъ, Панькомъ Табанцемъ; Незаймаевскими—Карабутимъ, Хурзолемъ; Стеблѣевскимъ—Халепою; Деревянковскими—Зеленькомъ, Шкурою; Куренѣвскимъ—Шевцемъ; Щербинецкими—Котомъ, Сухимъ, Тарасомъ Протасомъ; Мишастовскимъ—Нечаемъ; Крилѣвскимъ—Евфимомъ Завидюкомъ, Лупою, Тимошевымъ, Сукуромъ, Оедоромъ Колесникомъ; Платвѣдовскими—

✓ Павломъ Квачемъ, Василемъ Шевченкомъ, Кузютою; Пашковскимъ—Алексѣемъ Пѣштою; Уманскимъ—Грицкомъ Великолузкимъ, прочихъ же всѣхъ именъ и прозваній показать не можетъ, предъ Пилиповымъ постомъ за три недѣли пошли прямо къ польскому мѣстечку Лисанцѣ. Но яко за усталю лошадей ихъ, и за многимъ числомъ тамо стоящихъ польскихъ командъ, къ тому мѣстечку дойти не могли, въ польскихъ селахъ Звенигородцѣ и Еркахъ весь скотъ рогатый и лошади заняли, вивокурные котлы и всякіе фанты и что сыскать могли и изъ денегъ забрали, а сколько чего именно онъ, Сѣрый, показать не можетъ. И какъ де со всею тою добычею слѣдовали они отъ предъявл. польск. селъ къ велик. Ингулу и сойшлись на рѣцѣ Висѣ съ партією великороссійскою и компанейскою, слѣдовавшею для учиненія надъ ними поиску и поимки, которая де въ намѣреніи ихъ разрушить хотя и наступила была на нихъ, но видя малое число команды своей, уступить и проходъ безпрепятственно имъ дать принуждена; ихъ же разбойническая чата, отшедши отъ того мѣста верстъ 15, какъ возимѣла ночлегъ, паки къ нимъ тажъ сыскная команда подошла, для чего де оные гайдамаки, той же ночи принуждены были одѣйти съ того мѣста въ Илетскій Ташлыкъ, гдѣ и роздохъ имѣть были намѣрены; и какъ де вознамѣрились въ томъ мѣстѣ всему тому пограбленному имуществу учинить раздѣлъ, и начали всякое имущество и скотъ собирать въ одно мѣсто, въ то время паки къ нимъ сыскная команда

отъ великороссійскихъ и компанѣйцовъ подошла съ намѣреніемъ ихъ разрушить, противъ которой отъ гайдамацкой ихъ чаты, нѣкоторое число гайдамакъ какъ выѣхало, страшая ихъ, чтобъ они болѣе на нихъ не наступали, а отъ той команды надъ оными гайдамаками учиненъ поискъ и настоящее собою и ружьемъ сраженіе, и въ тому ихъ сраженіи отъ гайдамакъ одинъ и убитъ, то оные всѣ гайдамаки и онъ, Сѣрый, собравшись въ кучу и напавъ на сыскную команду, постуая какъ съ настоящими непріятелями, ружьемъ и списами гоня и убивая самихъ и лошадей ихъ, надъ оною командою чинили поискъ, какъ надъ непріятельскою; при якомъ сраженіи ранилъ ли и онъ, Сѣрый, или убилъ кого изъ драгунъ и козаковъ и ихъ лошадей, или нѣтъ, за смѣшаніемъ и отъ ружейной пальбы происходящимъ дымомъ, не присмотрѣлъ; да и при разграбленіи сель никому смертнаго убійства, ни отъ него, ни отъ товарищей его, не приключено. По окончаніи же съ сыскною командою сраженія они, гайдамаки, со всѣмъ имуществомъ, разбоемъ въ Подышѣ взятымъ, отшедши къ Сухому Ташлыку, при рѣчцѣ Грузкой, всему скоту и имуществу учиня подѣлъ (съ котораго ему довелось денегъ 80 коп., скотинъ 3, сорочка и свитка бѣла), всѣ тѣ гайдамаки розно розойшлись, а иные, за прибытіемъ туда атамановъ изъ Сѣчи за сыскомъ гайдамакъ, оставя тотъ подѣленный скотъ, разбѣжались; оный же скотъ показанные атаманы съ собою въ Сѣчь погнали; а онъ, Сѣрый, отошелъ на великій Ингуль и былъ

въ зимовнику съ козаками куренными: Сукуромъ, Яцькомъ Шевцомъ и Бараномъ, чрезъ двѣ недѣли. Оттоль отойшовши, отъ пойску и поимки въ разныхъ мѣстахъ чрезъ всю зиму укрывался сего 1752 года до Воскресенія Господня; а тѣми святками пришелъ до великаго Ингула и тамо съ козаками, на рыбной ловлѣ находящимися, былъ до зеленыхъ святъ; зелеными жъ святками пошелъ къ селамъ, по малому Ингулу состоящимъ, съ намѣреніемъ, уворовавши лошадь, возвратиться паки къ великому Ингулу; и какъ пришелъ въ пасѣку, надъ малымъ Ингуломъ попа Табурнского Семена имѣющуюся, для взятія хлѣба, тамо его поймано и въ полковую канцелярію сотникомъ Якубовскимъ подъ карауломъ прислано. Болѣе же онъ, Сѣрый, по воровствахъ, разбояхъ не бывалъ, и гдѣ его прежніе товарищи нынѣ находятся, яко и объ обращеніи гайдамацкихъ партій, не вѣдаетъ и не слыхалъ.

Вышепрописанный допросъ, по опредѣленію генеральнаго войсковаго суда, Сѣрому 24 сентября читанъ, на которомъ, что праведно показалъ, онъ во всемъ утверждаетъ; а во изъясненіе показалъ, что монастырь, въ которомъ добыты 20 руб. отдалъ, находится отъ Кіева въ 7 миляхъ, и, какъ онъ слыхалъ, принадлежитъ до Кіево-золото-верхомихайловскаго мн—ра.

Означенный Василій Сѣрый изъ Кіев. Губ. Канц. отправленъ „въ учрежденную отъ малоросійскаго краю пограничную комиссію“ при указѣ, отъ 31 дек. 1752 г., такого содержанія: „понеже

указомъ Государственной Коллегіи Иностр. Дѣлъ 1750 г. іюля 16-го повелѣно: ежели найдется кто изъ злодѣевъ гайдамакъ, которые польскими подданными суть, тѣхъ немедленно руками польскимъ командирамъ отдавать; и того ради копія письма гетмана и экстракта и означенный гайдамака Сѣрый, для отдачи на польскую сторону, при семъ въ пограничную комиссію посланы“.

Пограничная комиссія рапортомъ отъ 7-го генваря 1751 года донесла въ Кіев. Губ. К—рію что указъ съ документами и гайдамакою Сѣрымъ „въ оной комиссіи 5 генваря полученъ и исполненіе учинено быть имѣеть“.

III.

Дѣло К. Г. К. 1752 г. до пойманныхъ польскимъ ротмистромъ Рокицкимъ двухъ разбойникахъ Григоріѣ Киселенкѣ да Григоріѣ Пархоменкѣ“.

Ротмистръ Ошмянскаго повѣту Францишекъ Рокицкій 19-го мая н. с. 1752 года писалъ Леонтьеву изъ м. Лоева: „10-го мая придворные мои жолнеры, будучи посланы изъ Лоева за разбойниками, которые, вышедъ изъ Кіева числомъ 22 чело-вѣка, въ нашей польской сторонѣ грабили, мучили, жгли невинныхъ людей, что и съ жидами моими лоевскими учинили, когда ихъ близъ границы, противъ мостицкаго караула догнали, помянутые мои жолнеры ни одного своего чело-вѣка, по милости Божіей, не потерявъ и не будучи ранены, трехъ разбойниковъ убили, нѣсколько ранили, а двухъ живцомъ взяли; а понеже большая часть тѣхъ разбойниковъ есть изъ Кіева и съ нѣкоторыми кіевскими шинкарями переводъ имѣютъ, о чемъ изъ допроса тѣхъ двухъ пойманныхъ ваша ясневельможность изволить выразишь, того для, дабы таковые люди безбожные были знаменито переказнены, прилежно прошу и тѣхъ которые бѣжали прикажите искать, ловить и казнить. При этомъ письмѣ при-

ложенъ допросъ гайдамакъ такого содержания: „сего 1752 г. мая 10 го н. с. два гайдамаки именемъ Грицько Киселенко, а другой Пархоменко пойманы съ товарищи на разбоѣ и въ допросѣ сего мая 15 въ лоевскомъ замкѣ показали:

1) Грицько Киселенко созналъ, что онъ родомъ изъ Березянки изъ подѣ Нѣжина, подданный г-на обознаго Нѣжинскаго, имѣеть тамъ домъ свой, матку и сестру, и съ швагромъ своимъ Андреемъ Колесникомъ прошлой зимы на масляной пошелъ въ Кіевъ, и былъ въ печерскомъ монастырѣ погонщикомъ у воловъ, а оттуду съ товарищемъ своимъ, въ томъ же монастырѣ бывшимъ, на проводной недѣлѣ, въ разбойническую на Лыбеди присталъ компанію.

2) Грицько Пархоменко показалъ, что онъ родомъ изъ польской украины, изъ деревни Карпиловки, изъ за Канева, и оттуду съ сѣчовыми казаками, ѣдучими изъ уманской ярмарки, добровольно поѣхалъ до Сѣчи и часто, съ прочими сѣчовыми козаками и малороссійскими, по разнымъ мѣстамъ грабилъ, а потомъ пойманъ на грабительствахъ съ добычею, и посаженъ въ тюрьму въ Прилукѣ, а оттуду ушелъ и съ атаманомъ Иваномъ Лосевымъ, въ Прилукѣ домъ, жену и дѣтей имѣющимъ, пошелъ до Кіева, а оттуду съ прочими разбойниками въ Польшу на грабительства; помянутый же Грицько не женатъ.

Тѣжъ обидва Грицьки показавали, что въ одномъ умышленіи было ихъ всѣхъ человекъ 23, да

два шинкари льбедскіе; и на тѣхъ разбойниковъ нижеслѣдующее показали:

1) Атаманъ Иванъ Лосевъ, родомъ изъ польской украины, имѣеть домъ въ Прилукѣ, жену и дѣтей.

2) Асаулъ Степанъ Кучеренко, родомъ изъ Кіева, не женатъ, въ печерскомъ монастырѣ былъ тертичникомъ.

3) Попъ Иванъ изъ Хвастова, имѣющій тамъ отца и матку, домою живучихъ, отошовъ отъ нихъ жилъ въ Кіевѣ два года, и уже былъ на грабительствахъ въ Польшѣ другой тому годъ; сей зимы спдѣлъ въ кievской губерніи въ кандалахъ, а въ великій постъ выпущенъ съ прочими колодниками.

4) Степанъ Сушеръ изъ сѣчи, будучи въ монастырѣ св Софіи за рыбалку, пошелъ на грабительства.

5) Якимъ Пильщикъ печерскаго монастыря, не женатъ.

6) Кучеръ Шило, живучи въ печерской слободѣ въ подсуздкахъ съ женою и съ дѣтьми, Ткачъ, грабилъ въ прошломъ годѣ Деражицкаго попа въ Лоювщинѣ.

7) Корнѣй Запорожецъ былъ за ключника въ печерскомъ монастырѣ и оттуду пошелъ до Польши на грабительства, и какъ тѣ Грицьки сознали, имѣеть онъ нѣкоторую поклажу у людей тогожъ мн—ря.

8) Андрей Пильщикъ отъ печерскаго монастыря атамана уговоренъ въ разбон.

9) Остапъ изъ кievскаго Подола, имѣющій тамъ отца и домъ на воздвиженской улицѣ, не женатъ, былъ предъ симъ на грабительствахъ, въ прошломъ годѣ, по па Деражицкаго въ разстояніи трехъ миль отъ Лоева грабилъ.

10) Того Остапа братъ Степанъ на Подолѣ, на той же воздвиженской улицѣ имѣеть домъ.

11) Андрей Портной на Подолѣ имѣеть жену и сына, а живетъ при тещѣ и уже неоднократно былъ на грабительствахъ въ Польшѣ.

12) Грицько Шархоменко—выше довольно прописанъ.

13) Алексѣй русскій человекъ, солдатъ кievскаго гарнизона, вышепомянутаго атамана, бывшаго 7 лѣтъ въ тюрьмѣ, выпустилъ и самъ съ нимъ бѣжалъ; нынѣ съ тѣмъ же атаманомъ изъ Прилуки до Кіева пришли наговаривать другихъ на разбой въ Польшу.

14) Захарко, не женатъ, живучій въ китаевскомъ мн—рѣ, подъ Кіевомъ, у мельника, пошелъ въ разбой.

15) Матѣй Пильщикъ изъ печерскаго мн—ря, не женатъ.

16) Иосифъ Пильщикъ съ тогожъ мн—ря, не женатъ.

17) Иванъ Бурлакъ изъ Кіева мастеръ ѣздить бойдаками и дубами.

18) Апанасъ Бурлака жилъ при волахъ печерскаго мн—ря.

19) Лукьянъ Запорожець изъ межигорскаго мн—ря,

20) Апанасъ Воскобойникъ, по всякую зиму живетъ въ братскомъ кievскомъ мн—рѣ, а лѣтомъ отпускается.

21) Лукьянъ, такожь съ мн—ря печерскаго воловикъ вдругъ съ помянутымъ Грицькомъ въ разбойническую присталъ компанію.

22) Грицько Киселенко—выше помянуто.

23) Апанасъ съ низу изъ за Городища, родомъ изъ м. Кобиляки, былъ въ услуженіи на пивоварнѣ печерскаго мн—ря, и имѣлъ съ нимижъ туда итти, но записався на Лыбедѣ у шинкаря Прача, оставили его и съ собою не взяли.

Упомянутыя выше лица показали вообще о своихъ похожденияхъ слѣдующее:

„Атаманъ съ Грицькомъ и съ Алексѣемъ солдатомъ, прїѣхавъ изъ Прилуки въ Кіевъ на Ѳоминой недѣлѣ, у Степана Прача и Ивана Гончара, лыбедскихъ шинкарей, тѣхъ гультяевъ въ разбой собирали и пойли ихъ, и тотъ атаманъ вечеромъ, съ своею компанією, къ тѣмъ шинкарямъ прихаживалъ, и чрезъ цѣлыя ночи тамъ пивали, и тѣмъ шинкари съ приготовленнымъ ужиномъ всегда ожидали у себя въ шинкахъ, а днемъ изготовивъ имъ кушанія въ лыбедской лѣсѣ посылали; тѣмъ шинки мн—ря Софїевскаго, на Лыбедѣ. И оттуду сговорясь и взявъ великій дубъ печерскаго мн—ря, поплыли въ верхъ Днѣпра на разбой въ Польшу, гдѣ сперва д. Хлибовку и корчму ограбили, жолнера гд—на Потоцкаго, старосты Тлумацкаго, до смерти закололи; оттуду миновавъ Чарнобиль, Теремце и Жары деревни ограбили, корчму съ двома домами мужичими сожгли, и тамошняго помѣщика гд—на Вышпольскаго били и подкололи. Изъ Жаровъ вышевъ, имѣвъ всякое къ пропитанію изобиліе, плыли Днѣпромъ до рѣки Брагинки и хотѣли прїйти до мѣстечка Брагина, но имѣя предосторожность, что были въ опасности, поплыли вверхъ Днѣпромъ къ Лоеву, мимо Любеча, гдѣ карауль ночью сдзлеча видѣли. Приблизясь на полторы мили къ Лоеву усмотрѣли, что пять дубовъ плыло, на которыхъ поручикъ съ лоевскаго караула съ солдатами и козаками и польскими людьми изъ

019077

лоевского замка находились, и оныхъ устрася бросили дубъ съ добычею на польскомъ берегу, пошли пѣшіе въ лѣса. Тѣмъ временемъ поручикъ, взявъ дубъ, повелъ въ радульскій караулъ, съ добычею въ трехъ мѣшкахъ, въ которыхъ находились разграбленные вещи російскаго купца, въ Теремцахъ ограбленнаго, мѣхи волчьи, лисьи и заячьи. Разбойники же, миновавъ ночью Лоевъ, на другой день, о полторы мили отъ Лоева въ частыхъ лѣсахъ, въ сторону дороги Козороги, чрезъ цѣлый день лежали; а на другой день пошли до лоевской деревни Моховъ, гдѣ увѣдавъ о лоевскихъ жидяхъ, близко той деревни на островѣ со всѣмъ имуществомъ обрѣтавшихся, разграбили и, переѣхавъ черезъ Днѣпръ, тѣ пожитки между собою раздѣлили, а подшивки изъ подъ платья жидовскаго сожгли. Съ того же мѣста чрезъ цѣлую ночь шли до деревни Хоминки, три мили отъ Лоева, надъ рѣкою Сожею, гдѣ на той сторонѣ противъ деревни стоитъ караулъ; въ той же деревнѣ, пока они кушаніе изготовили, послали тамошняго шинкаря и мужика за лодками, дабы они привели къ берегу; шинкарь, двѣ лодки сыскавъ, привелъ, а мужикъ, посланный съ нимъ, бѣжалъ до караула, за которымъ мужикомъ перебрався гайдамаки до караула, тамъ его немилостиво били, потомъ, запрося съ караула солдата, въ дер. Хоминку, на польскую сторону, поѣхали и тамъ подчивались. Гдѣ не мѣшкавъ долго пока лодки были приведены, съ солдатомъ поѣхали за Сожь и разлучились между собою при караулѣ“.

Такожь сказали, что „гдѣ караулы были безъ команды, тамъ они никакого не имѣли затрудненія, но паче солдаты и козаки караульные просили у нихъ хлѣба, но гайдамаки какъ сами были скудны не давали, а при возвратѣ обѣщались имъ дать и хлѣба и нѣчто изъ денегъ“.

Тѣжь самые два Грицьки сознали, что когда въ слѣдъ за ними изъ Лоева погонь была до дер. Хоминки и далѣе по надъ берегомъ рѣки Сожи, то тогда карауль россійскій, противъ Хоминки обрѣтающійся, далъ знакъ съ ружья нѣсколько разъ, что услышавъ разбойники, оставя лодки, пошли въ лѣса до Хомельской гуты на грабительство, о чемъ лоевскіе жолнеры, чрезъ своихъ шпионовъ вѣдая объ нихъ, поспѣшали за ними, но когда ночь наступила, принуждены были на берегу рѣки Сожи при перевозѣ ночевать; а между тѣмъ гайдамаки поманутую гуту и Рудню и корчму и деревню ночью разграбили; поутру же рано, въ три мили оттуду, взявъ лошадей и возы, нѣсколько шляхетскихъ домовъ ограбили подъ Гомлемъ, мучили и жгли; увѣдавъ, что погонь изъ Лоева приближается, свѣжихъ лошадей по дворамъ подъ себя и подъ телѣги брали, и къ россійской границѣ утикали, отъ которой то границы въ четверть польской мили, догнавъ лоевскіе жолнеры и тѣхъ разбойниковъ на глазахъ имѣли, послали къ караулу въ Мостищѣ, дабы они не были пропущены за границу, и зачали стрѣлять къ разбойникамъ, которые, отаборясь возами, взаимно къ лоевскимъ жолнерамъ стрѣляли и съ коніями выбѣгали; и

такъ по сраженіи чрезъ нѣскольکو часовъ жолнеры ни одного своего человѣка, по милости Божіей, не потерявъ и ни малѣйшей раны не получа, трехъ разбойниковъ до смерти убили, а нѣскольکو пострѣляли и ранили, а двоихъ взяли живцомъ, а другіе за границу бѣжали.

Таковой допросъ записавъ до книгъ лоевскаго замка, вельможнаго гд—на Францишка Рокицкаго гд—на моего, и съ нихъ экстрактомъ выписавъ выдаю, и для вящшей твердости подписую. Дано въ Лоевѣ 1752 г. мая 19. Осипъ Кохвовскій“.

Въ отвѣтъ на письмо Рокицкаго Леонтьевъ писалъ, что еще до полученія его письма сдѣлано распоряженіе о поимкѣ тѣхъ гайдамакъ, какъ отъ него, такъ и отъ гетмана Разумовскаго; „но токмо весьма необходимо для всякаго обстоятельства указанныхъ вышеобъявленныхъ пойманныхъ двухъ гайдамаковъ прислать ко мнѣ въ Кіевъ, подъ крѣпкимъ карауломъ“. Въ то же время, Леонтьевъ сообщилъ копіи письма Рокицкаго и вопроса гайдамакъ Разумовскому и отнесся къ намѣстнику лавры о присылкѣ въ губер. к—рію „подъ крѣпкимъ карауломъ“ людей, находящихся въ вѣдомствѣ лавры, на которыхъ показали „оба Грицки“ именно: Тертичника Степана Кучеренка, Якима Пильщика, кучера Шило, ключника запорожца Корнѣя, Андрея Пильщика, Захарку „который обрѣтался въ китаевскомъ мн—рѣ, а потомъ подъ Кіевомъ у мельника“, Матѳея и Іосифа Пильщиковъ, Ивана Бурлака, Аѳанасія Бурлака, „мѣстечка Кобеякъ жителя

атамана, а о имени его неизвестно, который былъ въ лаврѣ на пивоварнѣ и имѣлъ намѣреніе итти на разбой, но запылъ у шинкаря Прача и остался“. Въмѣстѣ съ этимъ, Леонтьевъ обратился къ кiev. митрополиту съ письмомъ, въ которомъ просить „запорожскаго козака Степана Суксера, который находится при Софійскомъ кафедральномъ монастырѣ за рыбалку, и обрѣтающихся на Лыбеди шинкарей Степана Прача да Ивана Гончара, кои тѣхъ гайдамакъ на разбой собирали и поили, тайными и весьма секретными способы сыскать и, забивъ въ кандалы, или въ ручные и ножные колодки, прислать въ кiev. ген.-губ. к—рію подѣ крѣпкимъ карауломъ“. О розысканіи и присылкѣ остальныхъ гайдамакъ, указанныхъ „Грицками,“ а также о производствѣ дознаній на мѣстѣ и повѣркѣ показаній Грицковъ посланы были отношенія въ братскій, михайловскій и межигорскій мн—ри, въ кievскій магистратъ и въ прилудскую войсковую канцелярію.

С 20-го мая присланы были изъ михайловскаго мн—ря Прачъ и Гончаръ, которые на допросѣ въ Губер. К—рію показали: „первый: зовутъ его Степаномъ Оедоровымъ прозваніемъ Деденко, онъ же и Прачъ, отъ роду 40 лѣтъ, родомъ изъ малоросійскаго города Прилукъ; назадъ тому лѣтъ восемь перешелъ съ женою Настасьею изъ Прилукъ въ Кіевъ и обрѣтался съ того времени, даже до взятія его подѣ карауль, вѣдомства Кіево-михайловскаго мира на Лыбеди въ пратвѣ, а въ прошломъ 751 году, неподалеку отъ оной пратвы, находился

оного жъ мнѣ—ря въ шинку одинъ годъ шинкаремъ, продавая хлѣбное вино; а когда отъ того шинку отсталъ и жилъ по прежнему въ пратвѣ, то на мѣсто его опредѣленъ въ шинкѣ шинкаремъ Иванъ Гончаръ. А въ бытность его, какъ въ пратвѣ, такъ и въ шинку, разбойническаго атамана Грицка съ солдатомъ Алексѣемъ въ разбой не собиралъ и хлѣбнымъ виномъ не поилъ, и по вечерамъ Грицко съ компанією къ нему не прихаживали, и чрезъ цѣлыя ночи не пивали, такожь и для оныхъ гайдамаковъ вечерять и обѣдать не приуговливалъ, да въ льбедской лѣсѣ никогда онымъ разбойникамъ кушанья не посылалъ, да и никогда съ ворами и разбойниками въ согласіи не былъ, и на воровствахъ и на разбояхъ и ни въ какихъ приводахъ не бывалъ, и съ воровскими людьми пристанища не имѣлъ, и ни про кого о томъ не вѣдаетъ. Другой сказалъ: Иваномъ его зовутъ, Сергѣевъ сынъ, прозваніемъ Кошинъ, онъ же и Гончаръ, отъ роду ему 27 лѣтъ, родомъ изъ города Стародуба, а въ прошлыхъ давнихъ годѣхъ, въ которомъ именно того не упоминать, принесенъ отцомъ и матерью, въ малыхъ лѣтѣхъ, въ Кіевъ, нижній городъ на Подолъ, обще съ роднымъ братомъ старшимъ Алексѣемъ; и обрѣтается отецъ его близь одного Подола въ кожемякахъ, въ гончарскомъ званіи, гдѣ будучи отецъ и мать его померли, а братъ его, будучи въ наймахъ въ работѣ, внизу рѣки Днѣпра, въ Мишурномъ рогѣ утонувъ, а онъ, Кошинъ, послѣ отца и матери обрѣтался въ оныхъ же кожемякахъ у

тамошняго жителя Ивана Плесуна, въ гончарской наукѣ лѣтъ 10-ть и болѣе, а потомъ находился близъ крещатской пристани, вѣдомства Кіево-софійской катедры для дѣланія кирпичевъ, гдѣ будучи на приставленной у оныхъ кирпичей старостою Ивана Кучера дочери Агафіи одружился; и въ прошломъ 1751 г., когда оный тесть его изъ одного Крещатика перешель на Лыбедь, вѣдомства Кіево-софійской катедры къ цегельнямъ, для дѣланія кирпича, то тогда и онъ съ нимъ перешель и находился при немъ болѣе года, а потомъ, въ томъ же году съ ноября мѣсяца, отъ теста отошелъ, и былъ съ женою на Лыбеди, вѣдомства Кіево-михайловскаго мн—ря, въ шинку для продажи хлѣбнаго вина да пива; и въ бытность его въ ономъ шинку, какъ разбойническаго атамана Грицка съ солдатомъ Алексѣемъ, такъ никого другого, въ разбои не собиралъ и хлѣбнымъ виномъ и пивомъ не поилъ, и по вечерамъ оный атаманъ съ компанією къ нему не прихаживали и чрезъ цѣлыя ночи никогда не пивали; такожь и для оныхъ гайдамаковъ вечерать и обѣдать не приуговаривалъ и въ лыбедской лѣсѣ не посылавалъ, да и никогда съ ворами и разбойниками въ согласіи не былъ и на воровствахъ и разбояхъ и ни въ какихъ приводахъ не бывалъ, и съ воровскими людьми пристанища не имѣлъ, и кто съ ворами и разбойниками знается, про то не вѣдаетъ“.

Означенные Прачъ и Гончаръ содержались въ кіевской крѣпости въ острогѣ до ноября мѣсяца. 2-го ноября отданы были въ михайловскій мн—рь

на поруки, въ виду того, что „они только по единому Рокицкаго письму, якобы они разбойниковъ на разбой собирали и поили, а точного, о томъ никакого ни отъ кого на нихъ доказательства и изобличенія не имѣется, и они во всемъ томъ запираются“. Въ приемѣ ихъ росписался монахъ Амвросій.

Разумовскій 24 мая изъ Борзны писалъ Леонтьеву, что онъ послалъ ордера во все малороссійскіе полки о розысканіи оговоренныхъ Грицками лицъ и о присылкѣ ихъ въ Губ. К—рію, и проситъ Леонтьева опять написать къ Рокицкому о высылкѣ въ Губ. К—рію пойманныхъ гайдамакъ „для дачи очныхъ ставокъ“.

Присланы ли были эти гайдамаки и розысканы ли прочіе оговоренные ими люди, объ этомъ въ разсмотрѣнномъ дѣлѣ свѣдѣній нѣтъ.

IV.

1750 г. „Дѣло“ (безъ заглавія) съ донесеніями форпостныхъ командировъ (форпостовъ Любецкаго, Сорочинскаго и Добрянскаго) и письмами Францишка Рокяцкаго о появленіи гайдамацкихъ партій.

Находившійся на Любецкомъ форпостѣ секмаіоръ Гальцомъ, рапортомъ въ кiev. ген.-губ. канцелярію отъ 23 іюля 1750 г., донесъ, что „іюля 17-го Любецкой волости подданный Семенъ Пицикъ шелъ иѣшій лѣсомъ, прозываемымъ Коптѣвщина, и напали на него два разбойника, росту большаго, оруженные и, взявъ ему руки назадъ, завязали и привели на свое становище, гдѣ имъ, Пицикомъ, усмотрено человекъ съ 13, такожь росту большаго и у всякаго по парѣ пистолей, по ружью и по великому долгову ножу и у нихъ головы и бороды поподголены до чиста и они, разбойники, называли себя запорожскими козаками; и того дня держали его, Пицика, связаннаго до самой ноци, а какъ ночь пришла, велѣли ему вести ихъ къ рѣкѣ Днѣпру въ урочище Нерядчю; почему онъ ихъ и повелъ съ немалого отъ нихъ ему пристрастія, сказываючи ему: веди поскорѣе, какъ бы имъ съ товарищи своими случица; и идучи чрезъ деревню Корабки и у тамошняго жителя взяли корову и два

человѣка ту корову, связавъ на дрюкъ, несли; а какъ стали къ рѣкѣ Днѣпру приходить, близко въ урочищѣ Иванахъ остановились и стояли чрезъ цѣлый день и ту корову, зарѣзавъ, пекли и ѣли; а 19 числа противъ 20-го изъ того урочища перешли еще ближе къ рѣкѣ Днѣпру у лозы въ урочище Нерядчу и 20 числа тѣ разбойники привели еще къ себѣ двухъ человѣкъ связанныхъ, изъ которыхъ одинъ подданный бунчуковаго товарища Ивана Лизогуба житель дер. Симановъ, а другой пограничнаго села Деряжичъ житель, а прозванія ихъ онъ, Пищикъ, не знаетъ; и по приводѣ тѣхъ мужиковъ и его, Пищика, разбойники стали спрашивать, кто вѣдаетъ подлѣ Днѣпра гдѣ есть лодки, чтобъ имъ на тотъ бокъ въ польскую область переѣхать и села Деряжичъ житель разбойникамъ показалъ: есть Любецкаго жителя здѣсь станъ рыбальскій Максима Звонка и у него имѣются лодки, почему де они, разбойники, пошедь на тотъ станъ, застали показаннаго Звонка съ сыномъ Афанасіемъ и взявъ ихъ связали и съ собою взяли и лодки у нихъ двѣ побрали и дождавъ ночи съ 20 противъ 21 числа на ту сторону въ польскую область переѣхали и ихъ съ собою перевезли на пристань Деряжицкую и Звонка съ сыномъ и Пищика, связанныхъ, положили въ лозы, а Симоновскаго и Деряжицкаго жителей взяли съ собою проводниками, которой ночи пограничнаго села Деряжичъ попа Артемія Кезева разбили и по возвратѣ помянутыхъ Максима Звонка съ сыномъ и Пищика развязали и свободныхъ от-

пустили, а сами, взявъ у того попа дубъ, внизъ или въ гору рѣкою Днѣпромъ поѣхали, про то Звонокъ съ сыномъ и Пищикъ не знаютъ. Почему отъ меня о таковыхъ разбойникахъ того жъ часу, опредѣленному надъ форпостными козаками и у прикрытія границы надъ сотенною командою козаками, отъ полку Черниговскаго сотни Любецкой сотнику Василю Силачу, ордеромъ на крѣпко предложено, чтобъ онъ за таковыми разбойниками имѣлъ бы крѣпкое и неусыпное къ поимкѣ предусмотрѣніе, чтобъ тѣ разбойники не могли пройти въ Россію; да и того же 21 числа о тѣхъ разбойникахъ въ м. Любичахъ во всенародное извѣстіе съ барабаннымъ боемъ опубликовано; а сего іюля 22 числа пограничнаго польскаго мѣстечка Лоева староста ко мнѣ писалъ, что вышеупомянутого попа Кезева подъ 21 число, а въ м. Брагинѣ жидовъ подъ 22 разбили тѣже разбойники“.

1-го августа того же 1750 г. находившійся на Сорокошицкомъ форпостѣ поручикъ Дадоновъ донесъ, что „іюля 31 числа пріѣхалъ къ форпосту изъ заграницы села Верхнихъ Жаровъ староста и объявилъ, что противъ 31 числа пришли во оное село ночнымъ временемъ разбойниковъ до 12 чловѣкъ и разграбили платья и нѣсколько денегъ у тамошнихъ священника и арендара жида и ушли и гдѣ нынѣ находятся неизвѣстно, почему отъ меня, для поимки тѣхъ разбойниковъ, по рѣкѣ Днѣпру на лодкахъ и между форпостами сухимъ путемъ, непрестанные разъѣзды чинятца“.

25 августа секундъ-маіоръ Галцовъ репортовалъ: „сего августа 19 поймано въ командѣ моей Любецкой близъ Зміевскаго форпоста, въ мельницѣ на Днѣпрѣ, ночнымъ разѣздомъ, два человекъ разбойниковъ, переѣхавшіе изъ Польши чрезъ рѣку Днѣпръ лодкою, жители Малой Россіи, одинъ атаманъ разбойническій, Лубенскаго полку, Глинской сотни, козацій сынъ с. фоминець Иванъ Васильевъ сынъ Павленокъ, а другой города Гадяча житель Гаврило Давиловъ сынъ Дубина, которые въ Польшѣ разбой чинили и мною допрашиваны, безъ всякаго пристрастія, а что въ допросѣ своемъ показали при семъ сообщается; и оныя разбойники содержатся въ Любичахъ подъ крѣпкимъ карауломъ и о присылкѣ оныхъ въ Кіевъ какъ повелѣно будетъ имѣю ожидать резолюціи“.

Пойманные разбойники на допросѣ показали: „зовуть де одного Иванъ Васильевъ сынъ Павленокъ, родился въ малороссійскомъ Лубенскомъ полку Глинской сотни козацкій сынъ, села Фоминець житель, отецъ и мать его померли и послѣ отца и матери жилъ съ дадею роднымъ Иваномъ Павленкомъ и пошелъ въ Кіевъ на богомолье, гдѣ остался и жилъ въ Кіевѣ бурлакою, ночевывалъ въ торговыхъ баняхъ и хаживалъ на байдакахъ въ работникахъ и подговорилъ такихъ же къ себѣ бурлакъ: одного зовуть Гаврилою прозваньемъ Дубина, а другого зовуть Василемъ, прозванія не знаю, и изъ Кіева въ Польшу пошли разбой чинить сего 1750 года передъ Петровымъ постомъ, и шли мимо

Межигорскаго монастыря форпостовъ, чрезъ болота; и пришли въ Польшу къ рѣкѣ Ирпени, а отъ Ирпени до Припети въ разныхъ мѣстахъ брали себѣ харчъ; а отъ Припети въ селѣ Ташковѣ жиды разбили и руку прокололи и взяли денегъ одинъ талеръ битой и набрали горѣлки довольно пить, а болѣе ничего; а оттуда пошли выше того мѣстечка гдѣ живетъ маршалокъ Оскирка; идучи встрѣтили на дорогѣ жиды, сняли съ него жупанъ а денегъ взяли десять (?), а оттолъ обратно къ рѣкѣ Припети вернулись и встрѣли мужика, котораго взяли въ проводники, который привелъ гдѣ стоятъ лодки и, сѣвъ въ двѣ лодки, поѣхали внизъ рѣки Припети и приплыли, гдѣ живетъ объявленный маршалокъ Оскирка; и сталъ быть свѣтъ, то свернули въ лугъ и пошли въ лозы и въ лозахъ стояли до обѣденной поры; а въ половину дня погоней къ намъ пріѣхали поляки и стрѣляли по насъ, но ничего намъ не учинили, почему отъ нихъ обороняючи, изъ нихъ одного поляка изъ рукъ списомъ заколовъ сидячаго верхомъ и отбили у тѣхъ поляковъ двѣ лошади и сѣвъ на нихъ поѣхали и взяли мужика въ проводники до деревни Бабичъ, куда пріѣхавъ въ ранду, стали насъ жиды спрашивать откуда, то мы имъ сказали, ѣдемъ отъ князя Родвила до границъ, то они намъ не повѣрили, отняли у меня списъ, гдѣ насъ двухъ съ товарищемъ Дубиною, подлѣ поясицы, на спинѣ поранили списомъ, то мы отъ нихъ, жидовъ, вырвались изъ рукъ и ушли, сѣвъ верхами поѣхали въ боръ и много

вѣхали, стали лошадей кормить и сами отдыхать, въ день праздника Успенія Богородицы, погоней на насъ еще поляки съ мужиками хотѣли взять, отъ которыхъ я съ Дубиною, съѣвъ верхами, уѣхали а третьяго нашего товарища Василя тѣ поляки съ добычею нашею взяли. А мы пріѣхали къ болоту, котораго переѣхать не могли, въ томъ болотѣ лошадей съ сѣдлами покинули, а сами пошли пѣшие и не доходя села Деряжи, встрѣли мужика и спрашивали, гдѣ намъ переѣхать Днѣпръ, то онъ намъ сказалъ: идите въ лугъ, тамъ есть озера и лодокъ смекать можно, почему мы къ озеру пришли и лодку взяли; и дождавъ ночи переѣхали на сію сторону и пошли въ мельницу, гдѣ насъ солдаты съ козаками поймавъ, руки связали и привели въ Любичъ, а болѣе насъ трехъ еще товарищей съ нами никакихъ не было. Другой разбойникъ Гаврило Даниловъ Дубина показалъ: „родомъ малороссійска города Гадяча, изъ двора своего отошелъ болѣе трехъ лѣтъ, пришелъ въ Кіевъ для богомолья, гдѣ и остался и жить въ печерскомъ монастырѣ на кухнѣ, на послушаніи года три, а сего 1750 г. передъ Петровымъ днемъ пошелъ, зговорясь съ товарищи, разбой чинить въ Польшу, гдѣ и чинили то, что показалъ Павленокъ“.

Ген.-губ. канц. указомъ отъ 31 августа предписала секундъ-майору Галцову: „злодѣевъ Ивана Павленка, да Гаврила Дубину во учиненномъ ими въ Польшѣ разбоѣ вновь распросить со обстоятельствомъ, и при томъ спросить, заповѣдливо ли они

малоросіяне или польскіе подданные, и содержать ихъ подъ крѣпкимъ карауломъ, а оныя распросныя рѣчи прислать въ канцелярію немедленно“.

Тотъ же секундъ-маіоръ Галцовъ 25 августа 1750 г. рапортоваль: „сего августа 25 дня писалъ къ нему польскаго мѣстечка Лоева, владѣльца конюшеннаго и ротмистра Антонія Рокицкаго мѣстечка Брагина управитель шляхтичъ Верига, что сего августа противъ 25-го числа разбойниковъ 12 ч—къ, въ ночи при селѣ Игрушинѣ попа Павла Лазниченка разбили и дворъ огнемъ спалили, и жида разбили и огнемъ сожгли, а жидовку до смерти скололи; да въ деревнѣ Сувидѣ жида разбили, а жидовку огнемъ же жгли и жиденка до смерти скололи, которое де село Игрушинъ и дер. Сувида разстояніемъ отъ Днѣпра противъ Любичъ съ 15 верстѣ“.

Ген.-губ. канц. предписала Галцову употребить всевозможныя мѣры къ поимкѣ разбойниковъ „и полякамъ, въ случаѣ за оными злодѣями погони, въ російскихъ границахъ оказывать вспоможеніе“.

Объ этомъ нападеніи на Брагинъ, Игрушинъ, Лоевъ и проч. гайдамакъ, писалъ къ ген.-губ—ру „конюшій и ротмистръ ошмянскаго повѣту Францисекъ Рокицкій, изъ Лоева 8 сент. н. с.“ слѣдующее: „Не только по партикулярному извѣстію, которое я получилъ отъ жены моей, но и по публичнымъ вѣдомостямъ извѣстись о разѣзжающихъ гультаяхъ въ нашей сторонѣ и о починенныхъ ими обидахъ въ моихъ отчинахъ, чинилъ я изъ Вильно отзывъ

къ ясневельможнымъ господамъ министрамъ нашего двора, прося о пристойное предстательство къ ясневельможному послу російскаго двора, обрѣтающемуся при томъ нашемъ дворѣ, дабы отъ имѣющихся при границѣ форпостовъ моглъ имѣть отпускаемый себѣ суккурсъ для искорененія и ускромленія таковыхъ гультаевъ, публичныхъ разбойниковъ; отъ которыхъ г.г. министровъ получилъ отвѣтъ, что всепресвѣтлѣйшая, непобѣдимая Государиня Россійская, какъ Государиня, всего свѣта монарховъ возвышающая щедротою и справедливою, удерживая добрую пріязнь и неразрывный союзъ съ всепресвѣтлѣйшею Рѣчію Посполитою, приказала выдать указы въ пограничныя полки, дабы форпосты караулами, таковыхъ разбойниковъ, возмущающихъ права народовъ, не только въ своихъ государствахъ, но и въ нашихъ границахъ, ловить старались. А поелику я въ моихъ пограничныхъ отчинахъ, а именно: въ Брагинѣ и въ Лоевѣ, не имѣю покоя отъ гайдамацкихъ компаній, ибо въ семь годѣ дважды нападеніе чинили на м. Брагинъ и на дер. Лоевку, и въ конецъ ограбили, христіанъ и жидовъ не малое число замучили, и до смерти покололи, и на Божіи церкви и поповъ таковыя жъ и тѣмъ подобныя злости оказали, ибо нынѣ, въ недавнемъ времени, двоихъ благочестивыхъ поповъ и церковь ихъ ограбили, а самихъ замучили, а дома ихъ сожгли, и мнѣ самому, чрезъ ограбленіе брагинскаго замка, до нѣскольکو тысячъ убытку учинили; а давешняго времени, ограбя нѣскольکو моихъ дере-

вень и мѣстечко Хельмечъ вотчины господина Волновича, рефендара вел. кн. литовскаго, около Лоева, при самой границѣ по ся поры разъѣзжая, безперерывные чинять обиды и не только Лоевъ зграбить и сжечь, но и на мое житіе напасть похваляются, и того для прошу В. Я. объ указѣ господамъ офицерамъ, имѣющимъ команду надъ Днѣпромъ, дабы ко удержанію злодѣевъ, во всемъ были помощниками подачею суккурса изъ карауловъ.

Р. С. Съ той же гайдамацкой компаніи, которая нынѣ около Брагина и Лоева разъѣзжаетъ, палить, грабить и невинныхъ людей мучить, посланы были подъ Норовку, отсюда въ разстояніи миль 18, гдѣ забивъ одного шляхтича, израднаго кавалера, два изъ нихъ бѣжали за Днѣпръ и пойманы въ Любечѣ, а именно: атаманъ Коржа и Дубина, третьего же разбойника люди господина Оскирки, маршалка мозырскаго уѣзда, тамъ же подъ Норовкою изловили; и понеже и тѣ, которые пойманы въ Любечѣ, надобны къ распросу, и гдѣ погрѣшность учинили, тамъ надлежитъ быть имъ къ смерти рѣшенію; и потому о присылкѣ тѣхъ двухъ разбойниковъ изъ Любеча покорво прошу“.

На это письмо ген.-губ. Леонтьевъ отвѣтилъ, что „о поимкѣ и искорененіи гайдамаковъ накрѣпко предписано веѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ и велѣно переловить ихъ или перестрѣлять непременно, для чего чинить непрестанные дневные и ночные разъѣзды; что же касается пойманныхъ двухъ челоуѣкъ работниковъ, которые содержатся нынѣ на

Любецкомъ форпостѣ подѣ карауломъ, то ежели они по слѣдствію явятся природные польскіе подданные, то, конечно, выдать ихъ за границу прикажу“.

Тотъ же Францишекъ Рокицкій 10 сент. н. с. вновь прислалъ Леонтьеву письмо, на польскомъ языкѣ, такого содержанія: „то неблагополучіе, которымъ со всѣхъ сторонъ мы окружены, чрезъ непрерывные разбои, грабительства и гайдамацкія нападеныя, побуждаетъ меня къ частой корреспонденціи съ В. Я., донося, что за тѣми разбойниками, которые въ сихъ часахъ вотчины мои ограбили, сожгли, невинную кровь пролили, нѣскольکو десятковъ людей и двухъ поповъ смучили и жестокою смертію забили, въ погоню людей моихъ посылалъ и оныхъ угнали надѣ рѣкою Сожею, гдѣ изъ ихъ компаніи двухъ гайдамакъ подстрѣлено, моихъ же четырехъ людей до смерти они убили, а нѣскольکو ранено; а то неблагополучіе воспослѣдовало чрезъ неустойку собственныхъ моихъ мужиковъ, ибо усмотря убитые тѣла, тотчасъ разбѣжались; тѣ же гайдамаки, перебрався черезъ Сожъ, ушли за границу, мимо караула команды г. капитана Добржанскаго, даже до деревни Лавинъ; ибо уже не первинка тѣмъ гайдамакамъ туда, на команду Добржанскаго, проходить; и потому прошу В. Я. тѣхъ гайдамаковъ, имѣющихся въ Малороссіи, приказать изловить и господамъ офицерамъ рекомендовать на караулахъ большее смотрѣніе имѣть, понеже имѣю подлинное извѣстіе, что тѣ разбойники, идучи къ намъ на грабительства, перебравшись около Кіева,

по узъ караулы, и такое нынѣ оглашеніе распустили, что за нѣсколько недѣль, съ разныхъ сторонъ, изъ за Днѣпра, приходятъ будутъ и огнемъ и мечемъ (якобы за вѣдомомъ вышней своей команды) нашу сторону пустошить будутъ; слышно же и о томъ, что въ той командѣ находятся два разбойника, которые въ Межигорьѣ около мура работали, такъ же съ компаніи прежнихъ разбойниковъ одного между ними усмотрено; и потому прошу приказать тѣмъ не потребности успокоить и насъ, на границѣ живучихъ, отъ бѣды и разоренія уберечь. P. S. Тѣмъ разбойники къ Деснѣ пошли, о которыхъ слышно, что къ Киеву или за Десну слѣдовать имѣютъ“.

Затѣмъ 13 сентября Рокицкій опять писалъ: „не такъ въ моей (хотя и я до нѣсколько десять тысячъ имѣю убытка чрезъ тѣхъ разбойниковъ, которые давешняго дни, рано поутру, въ шестомъ часу поузъ караулы команды г. капитана Свѣшнікова бѣжали за границу) яко наипаче въ публичной обидѣ, приходитъ мнѣ чинить прибѣжище къ В. Я., съ жалобою на помянутаго г. капитана, который, могучи тѣхъ разбойниковъ изловить, не велѣлъ далѣе за ними въ погоню итти, какъ только за нѣсколько верстъ отъ своихъ карауловъ; надѣюсь, что В. Я. для образца другимъ изволите опредѣлить казнь, дабы чрезъ наказаніе единого всѣмъ страхъ имѣли“.

Вслѣдствіе этихъ писемъ Рокицкаго, посланы были изъ ген.-губ. канц. „строжайшія“ предписанія

„недреманнымъ окомъ наблюдать, дабы гайдамаки отнюдь нигдѣ мимо форпостовъ пройти не могли и всячески ихъ искоренять вооруженною рукою“. Предписанія эти посланы 9 сент.: въ Сорокошицы поручику Дадонову, въ Лоевъ поручику Фролову, въ Тимошинской поручику Рыбникову, въ Сенковку поручику Ефремову, въ Вѣляны поручику Ковалеву, въ Краснозаборскъ капитану Алехину, въ Ольшанку прапорщику Есакову, въ Добрянку капитану Свѣшникову, отъ котораго, кромѣ того, потребовано было объясненіе по поводу жалобы Рокицкаго. Свѣшниковъ 21 сентября отвѣтилъ: „Мивувшаго августа 29 числа извѣстно учинилось мнѣ, что имѣются въ Польшѣ, неподалеку російскихъ границъ, разбойники, которые, якобы уже переѣхавъ польскій Дятловскій перевозъ, имѣютъ намѣреніе проѣхать въ Россію, почему я того часу послалъ солдата Ивана Кикина, чтобъ стоящіе на форпостахъ солдаты и козаки имѣли о тѣхъ разбойникахъ крѣпкую предосторожность и чинили бы отъ форпоста до форпоста безъ перерыва разъѣзды; а я, между тѣмъ, приказалъ собраться командѣ, съ кѣмъ бы можно было противъ разбойниковъ въ супротивленіе и поимку имъ учинить; егда же Кикинъ возвратился, репортовалъ меня, что тотъ мой приказъ солдатамъ и козакамъ объявилъ, токможь де между общего и горностаевского форпостовъ лѣсомъ проложена изъ Польши въ Россію дорога, и можно де видѣть, что только сейчасъ нѣкто воровски проѣхалъ, ибо де слѣдъ свѣжій; почему я

тотъ же ментъ съ командою, въ томъ числѣ и съ добрянскими жителями, поѣхалъ верхами на лошадяхъ къ той дорогѣ, и какъ приѣхалъ, взявъ тотъ слѣдъ, гнался за оными разбойниками разстояніемъ отъ Добрянскаго форпоста 18 верстъ, и догналъ ихъ Черниговскаго полку въ селѣ Александровкѣ; токмо помянутые разбойники весьма были вооруженные, что при каждомъ было за плечами, на погонѣ по одной фузи, да за поясами по два пистолета заряженныхъ и по одному копью, да на возахъ имѣлось запаснаго ружья, заряженнаго же, не малое число; и для того я съ малою командою, яко то токмо съ будучими при мнѣ шестью чело-вѣками солдатами, такой сильной оруженной руки взять было не можно; а далѣе я за ними погони не чинилъ затѣмъ, что уже было не рано, и чтобъ команды моей форпосты безъ командира, и безъ солдатъ, и безъ козаковъ остаться не могли, такожь чтобъ безъ бытности моей и солдатъ ночнымъ временемъ, отъ другихъ таковыхъ же мнимыхъ, позади оставшихся, разбойническихъ партій, чего надъ форпостами не учинилось, возвратился изъ оной Александровки съ командою на форпостъ; однако я изъ той Александровки отъ команды моей солдатъ трехъ, да козаковъ двухъ, да Лоевской команды урядника одного послалъ отъ себя со извѣстіемъ о тѣхъ разбойникахъ Черниговскаго полку въ пять мѣстъ, а именно: въ село Ловынѣ, Буровку, Тушичевъ, Листвинѣ да въ Городню, гдѣ посланные отъ меня объ оныхъ разбойникахъ извѣстіе бунчуко-

вымъ товарищамъ и сотникамъ учинили и по тому моему объявленію, мвѣ извѣстно, что тѣ разбойники въ Черниговскомъ и Нѣжинскомъ полкахъ съ пограбленными пожитками пойманы“.

V.

1752 г. „Дѣло о нападеніи гайдамакъ на шляхтича Журавлевича въ м. Демидовѣ“.

22 августа 1752 г. шляхтичъ м. Демидова Журавлевичъ писалъ Леонтьеву слѣдующее: „Неуповая болѣе въ живыхъ быть, но паче вида прекращеніе жизни чрезъ нападеніе, побои и головы побитіе чрезъ гайдамаковъ, симъ писаніемъ жалобу мою приношу на реченныхъ, вотчинъ дер. Демидова на домъ мой нападщиковъ, убойцевъ и имущества грабителей; а кто и какіе люди доношу В. Я., что иные изъ карауловъ Демидовскаго и Межигорскаго, а иные россійскіе люди и козаки съ команды гд—на прапорщика, обрѣтающагося въ Межигорьѣ, которые сей ночи, т. е. съ четверга на пятницу, напавъ на мой дворъ и нечаятельно насъ заставъ, отъ нѣкоторыхъ жизнь, а отъ другихъ здоровье взяли, а отъ меня жизнь совсѣмъ, почитай, отняли, и тѣло все мое въ ранахъ оставили, и готовыхъ денегъ червонцовъ золотыхъ 200 взяли, а съ вещей до нѣсколько тысячъ; тѣхъ же, бывшихъ въ разбоѣ людей, мои люди и прочіе опознали, и тѣжъ по грабительствѣ оставя топоръ и шапку, здѣсь въ Демидовѣ вѣстимую, и свое дубье,

прямо до Демидовскаго караула за мость пошли, и чрезъ мость палили съ ружья и по себѣ очевидный слѣдъ оставили, по которому до куреня ихъ бывшіе за ними въ погонѣ пришли; въ силѣ чего всепокорно прошу дабы все генерально съ форпостовъ Демидовскаго, Межигорскаго и прочія въ командѣ гд—на прапорщика, въ Межигорьѣ обрѣтающагося, стали и люди мои познавали бѣ и справедливыми бѣ люди мои доказательствами изобличали“.

Ген.-губ. Леонтьевъ указомъ отъ 23 августа предписалъ капитану кievскаго гарнизона Булгакову отправиться въ м. Демидовъ немедленно „и о всемъ противъ того письма, со всякимъ обстоятельствомъ, изслѣдовать и донести; а прапорщику Зубкову, находившемуся на Межигорскомъ форпостѣ велѣно по требованію капитана Романа Булгакова чинить ему всякое вспоможеніе“.

На другой день по полученіи письма Журавлевича, т. е. 23 августа, Леонтьевъ получилъ отъ архимандрита Кіево-межигорскаго мн—ря Іоасафа съ братіею письмо такого содержанія: „вѣдомства Кіево-межигорскаго мн—ря, села Вышгорода шинкаря Агриппина, жена Яцка Антовенка, сего 23 августа въ мн—рь пришедши, объявила, что 5 человекъ гайдамакъ, при шабляхъ и пистолетахъ, противъ сего 23 числа ночью къ ней пришедши, спрашивали: богатъ ли вышгородскій поць? и выпивши двѣ кварты горѣлки и набравши горѣлки и харчей на дорогу, подъ великимъ угроженіемъ за-

прещали оной шинкаркѣ, чтобъ объ нихъ въ мн—рѣ и никому не объявляла, и съ тѣмъ отъ оной шинкарки тѣ гайдамаки и отошли. Почему видно то, что оныя гайдамаки на мн—рѣ напасть и разорить намѣреваются. Того ради В. Вп. богомольчески прошу, для недопущенія мн—ря отъ гайдамакъ къ разоренію, съ команды кого пристойно опредѣлять“.

Вслѣдствіе этого письма ген.-губ. Леонтьевъ предписалъ прапорщику Зубкову „вышепоказанныхъ вновь появившихся злодѣевъ гайдамакъ всенайприлежнѣйше, недреманнымъ окомъ и неусыпно, какъ на межигорскомъ, такъ и на прочихъ вѣдомства вашего форпостахъ, предостерегать, и радѣтельное въ томъ, по присяжной вашей должности, стараніе приложить, дабы оныя, гдѣ-либо появятся, всеконечно пойманы быть могли, за что вы присовокупленіе себѣ чести присовокупить можете; такожь и межигорскій мн—рѣ отъ тѣхъ гайдамакъ всегда охранять, и въ случаѣ внезапнаго ночью, или днемъ нападенія, всячески оборонять и до разоренія не допускать“.

Объ этомъ распоряженіи своемъ Леонтьевъ увѣдомилъ арх. Иоасафа Маевского.

Затѣмъ капитанъ Булгаковъ 26 августа донесъ, что онъ „ѣздилъ въ м. Демидовъ и слѣдствіе производилъ, и при томъ слѣдствіи польскаго войска староста, корогвы сіятельнаго князя Казимірскаго, Иванъ Дзіера объявилъ, что команды его почтоваго поляка Станислава Есидскаго, который стоялъ въ Демидовѣ при польскомъ караулѣ съ четверга на

пятницу, били и грабили гайдамаки и, связавъ приведши ко двору Журавлевичову, близъ воротъ положили; какъ привязанъ былъ узналъ онъ, почтывый, что приставленъ былъ его караулить демидовскаго форпосту солдатъ Мина Прохаевъ, съ которымъ ему очные ставки чинены, токмо оный солдатъ въ томъ не признался; для лучшаго разсмотрѣнія учиненное мною слѣдствіе при семъ сообщая, а солдата представляю; а что Журавлевичъ просилъ чтобы солдаты и козаки собрались, изъ которыхъ бы люди его могли познать, оный Журавлевичъ не пожелалъ онаго чинить и для узнаванія людей никого не прислалъ“.

При этомъ доношеніи приложены показанія допрошенныхъ Булгаковымъ людей. Капраль Нѣжинскаго полка Петръ Павловъ показалъ, что въ ночь съ 20-го на 21 е августа „т. е. съ четверга на пятницу“ онъ и всѣ солдаты его команды безотлучно находились на форпостѣ. Въ полночь, стоявшій на часахъ Власъ Коваль услышалъ въ польскомъ мѣстечкѣ Демидовѣ крикъ и выстрѣлы изъ ружья и далъ знать ему, капралу, „и онъ того часу всѣмъ караульнымъ велѣлъ стать къ ружью, а на мостокъ къ перевозу, для предосторожности, послалъ солдата Мину Прохаева, да козаковъ Григорія Ближняка и Власа Ковала, которые и стояли при ружьѣ во всю ночь, и чрезъ Демидовскій форпостъ изъ той стороны ни единого человѣка не пропускали; а оное с. Демидовъ отъ російскаго караула, чрезъ перевозъ за водою болѣе 100 саж.,

да чрезъ островъ болѣе 200 саж., чрезъ польскій мостъ сажень со сто, и за такимъ разстояніемъ никакъ провѣдать послать было невозможно; а какіе люди Журавлевича били и грабили и куда бѣжали и гдѣ переправились, о томъ не знаетъ; а 21 августа рано с. Демидова староста Семень Кухмицкій съ обывателями приходилъ къ нему и объявилъ, что Журавлевича били и грабили; и искали слѣду и слѣду никакого не явилось и при осмотрѣ парома, лодки и шеста оныя оказались сухи“.

Житель м. Демидова Ѳедоръ Шивень показалъ: съ четверга на пятницу онъ ночевалъ въ полѣ и съ нимъ того жъ села житель Власъ Остаенко, да сынъ его Ѳедоръ, хлопецъ малой; въ полночь пришли незнаемо какихъ 6 человекъ, которые говорятъ по черкаски, связали его и Власа и хлопца; Власа и хлопца повязанныхъ оставили, а ему велѣли вестъ ихъ, гайдамаковъ, въ с. Демидовъ къ польскому караулу и дорогою спрашивали его: панъ вашъ и старая пани въ домѣ или нѣтъ? и онъ имъ сказалъ, что поѣхали въ Кіевъ; а гайдамаки ему сказали: брешешь, панъ и пани изъ Кіева приѣхали и мы де у нихъ горѣлку пили, а гдѣ, того не объявили; и велъ онъ ихъ къ караулу селомъ, мимо панскаго двора, когда пришли къ караулу, то они, гайдамаки, караульнаго мужика Прокопа Гапоненка, да сторожа Гордѣя связали и связанныхъ оставя на дворѣ сами пошедъ въ станю караульнаго поляка вязать, и какъ поляка вязали, Гордѣй ушелъ, а Прокофья Гапоненка связаннаго

оставили при польскомъ караулѣ, а его, Пивня, и поляка повязанныхъ повели къ Журавлевичеву двору; тамъ изъ двора вышелъ къ нимъ сторожъ Иванъ Гапоненко, котораго сторожа и его и поляка привязали къ забору и поставили надъ ними одного гайдамака караулить, а 5 человекъ пошли въ дворъ разбивать Журавлевича, который еще не спалъ, но со владѣльцемъ того села, паномъ Стецкимъ, онъ же и ловчій, и прочими поляками гуляли; и оные гайдамаки Журавлевича били и грабили и пограбя бѣжали и отъ польскаго караула они стрѣляли; изъ Демидовскаго форпосту солдатъ ни единого не было, а были всѣ гайдамаки".

Бывшій при польскомъ караулѣ сторожъ Гордѣй показалъ, что ночью съ четверга на пятницу, связанный мужикъ Пивень привелъ шесть гайдамакъ къ польскому караулу „и оные гайдамаки, связавъ его и Гапоненка, оставили на дворѣ и пошли въ станю вязать почтоваго поляка, въ то время онъ, развязавшись, ушелъ и, прибѣгши къ полу Григорью, сказалъ, что гайдамаки караулъ повязали и чтобъ звать на гвалть, и пощъ побоялся и сказалъ, чтобъ онъ шелъ къ козаку Марченку и съ нимъ къ старой пани Стецкой объявить, что гайдамаки караулъ повязали; Стецкая велѣла имъ бѣжать на дворъ къ Журавлевичу, гдѣ они увидѣли близъ воротъ поляка, Пивня и Ивана Гапоненка привязанныхъ къ забору, которыхъ караулил гайдамака; а солдата Минны Прохаева онъ не видалъ; и оный гайдамака его и Марченка на дворъ не

пустилъ и сказалъ: не идите, всѣхъ дѣтей пере-
стрѣляю до смерти, и о курькѣ изъ ружья на нихъ
щелкалъ; кои, убоясь того, молча бѣжали людей
будить; и какъ людей будили, слышно было, что
гайдамаки, отошедъ отъ Журавлевичева двора, близъ
польскаго караула изъ ружья стрѣляли, и потомъ
за ними погоня была, и слышалъ онъ якобы чрезъ
рѣку Ирпиль мостомъ пошли, на островъ, гдѣ мо-
настырскій дворъ, а на караулъ російскій ишли
или нѣтъ, того не видалъ, и поромъ и лодка и
шесть всю ночь стояли въ одномъ мѣстѣ и сухи
были, и во время его караулу изъ Демидовскаго
форпосту солдаты и козаки въ с. Демидовъ не при-
ходили“.

Прокопій Гапоненко показалъ, что когда гай-
дамаки, связавъ ихъ на польскомъ караулѣ, ушли
къ Журавлевичеву двору, то онъ „развязавшись
пошелъ въ домъ свой, а изъ дому ходилъ до ста-
рой пани Стецкой, которая до приходу его скры-
лась, и онъ скрылся; и какъ стало разсвѣтать, то
онъ былъ при томъ какъ слѣду искали, и знатно
было, какъ лодкою, такъ и поромомъ не ѣзжено
было, и слѣду точного не явилось; а какъ гайда-
маки бѣжали, стрѣльбу чинили на польской сто-
ронѣ; въ ту ночь изъ Демидовскаго форпосту какъ
солдаты, такъ и козаки въ Демидовъ не прижи-
вали, и ни отъ кого онъ не слышалъ, чтобы они
тамъ были“.

Солдатъ Мина Прохаевъ, на котораго указалъ
Журавлевичъ, показалъ, что онъ изъ Демидовскаго

форпосту въ ночь съ 20 на 21 ^{никуда} не отлучался, къ Журавлевичу не ходилъ, ^{полаяка} не привязывалъ, и кто грабилъ ^{онъ} не знаетъ, въ чемъ сослался на всѣхъ солдатъ, козаковъ и капрала.

Кіево-межигорскаго монастыря монахъ Дамаскинъ, который ^{отъ караулу} за перевозомъ на островѣ надъ тѣмъ трактомъ, которымъ ѣздить въ Демидовъ, и изъ Демидова въ Кіевъ, въ монастырскомъ дворѣ живетъ для собиранія за перевозъ денегъ, объявилъ, что слышалъ крикъ въ Демидовѣ, и какъ староста Семень Кухмицкій съ обывателями приходилъ къ порому слѣду смотрѣть, при томъ онъ былъ и слѣду свѣжаго не явилось, порома и лодки въ ту ночь никто не бралъ и черезъ перевозъ никто не ѣхалъ“.

Стоявшій на Межигорскомъ форпостѣ прапорщикъ Зубковъ показалъ, что всѣ солдаты и козаки его команды подъ 21 число находились при форпостахъ безотлучно „и никто ему не объявилъ, гдѣ гайдамаки чрезъ Ирпень переправились, токмо 23 августа увѣдомился онъ чрезъ межигорскаго архим. Іоасафа, что с. Вышгорода въ мн—рскій шинкъ къ шинкаркѣ Агафьи подъ 23 число августа въ ночи приходили 5 человекъ, изъ которыхъ на одномъ было платье краснаго кармазинаго сукна, а на прочихъ разныхъ суконъ добрыхъ; и всѣ были при шабляхъ, и во всѣхъ было по два пистолета и по одному копью; и оные, купя горѣлку, пили и съ собою кварти взяли, и шесть хлѣбовъ, и сала 17 кусковъ и за оное дали шинкаркѣ полтинникъ

VI.

Дѣло 1752 г. „по письму польскаго региментаря Ожга о нападеніи гайдамаками на польскую деревню и о подколеніи бывшаго тамо товарища команды украинской партіи и о забратіи у шеренговаго лошадей, мундира и о прочемъ“.

Польскій региментарь Ожга писалъ изъ лагеря „съ подь Хвещуръ“ *) отъ 27 августа (нов. ст.) 1752 г. къ кiev. ген.-губ. Леонтьеву:

„Ясневельможный господинъ генераль-аншефъ мой государь и сосѣдско дознавный пріятель! Получилъ я сегодня извѣстіе, что люди изъ заграницы своевольные, набѣжа въ наши границы и перелавъ около Снѣгуровки чрезъ Сорочій бродъ, напали на деревню Дидовщину и бывшего на форпостѣ товарища команды украинской партіи подкололи и шеренговаго лошадей и мундиръ взяли, арендаря тамъ же бывшего совсѣмъ забрали, тѣмъ же трактомъ обратно пошли, за которыми вслѣдъ гоняясь по вѣздѣ въ Снѣгуровкѣ господинъ капитанъ дозволилъ свободно гнаться, которой даже до Плесецкаго по надѣ Тясмомъ пришелъ и хотѣлъ далѣе гнаться, но тамошній городничій и бывший тамъ капитанъ далѣе гнаться не допустили; я же,

*) Теперь дер. Фаскря.

надѣясь на сосѣдскую и по многимъ случаямъ до-
знанную Вашей Ясневельможности пріязнь, сей мой
сосѣдской употребляю искъ, дабы В. Я. соблаго-
волилъ приказать тѣхъ воровъ искать и отыскавъ
ихъ выдать для возвращенія обидъ, ими учинен-
ныхъ. Письмо отъ пресвѣтлаго воеводства кіевскаго
прилагаю“.

Въ упомянутомъ же письмѣ Казиміръ Воро-
ничъ, кіевскій каштелянъ, писалъ изъ Житомира
отъ 24 августа н. с. 1752 г.

„Ясневельможный господинъ генераль-губер-
наторъ кіевскій, мой государь и братъ! Всегдаш-
нимъ увеселяясь покоемъ въ нашень кіевскомъ вое-
водствѣ (поелику отъ россійскихъ границъ добрая
пріязнь на фундаментѣ трактатовъ и союзовъ между
всепресвѣтлѣйшимъ россійскимъ дворомъ и пре-
свѣтлѣйшею рѣчью посполитою польскою воспо-
слѣдовавшихъ и утвержденныхъ соотвѣтствуетъ)
сѣхалъ я на сеймикъ предъ сеймовый до Жито-
мира для выбора пословъ къ наступающему гене-
ральному сейму въ Гроднѣ и къ тому времени
сеймикования господа жители воеводства нашего,
не опасаясь заграничныхъ набѣговъ, сѣхались, но
нечаянно гайдамаки, выѣжавъ изъ россійскихъ
границъ, вчерашней ночи нападеніе учинили на
деревню Дѣдовщину въ разстояніи отъ Фастова въ
едной милѣ и бывшего тамъ на форпостѣ у рѣки
Ирпани товарища покололи, шеренговаго ранили,
лошадей и ружье взяли, въ деревню вѣжавъ арен-
даря совсѣмъ ограбили, а когда за ними погоня

пошла и Тясмою пришла до Сибтинки, офицеръ, содержащій форпостъ команды Вашей Ясневельможности, дозволилъ нашему поѣзду дагѣ уганять въ россійскихъ границахъ тѣхъ злыхъ грабителей и когда Тясмою пришли до Плесецаго, то обрѣтающійся тамъ офицеръ не допустилъ нашихъ болѣе за тѣми нападателями итти. Разсуди жъ Вана Ясневельможность каковое наступаетъ нарушеніе трактатовъ и вѣчнаго покоя чрезъ россійскихъ людей. Я, какъ сенаторъ кievскаго воеводства, для вѣдома нашей терпѣливости и почитая сосѣднюю пріязнь, пишу къ В. Я. съ нынѣшняго сеймика, именовемъ цѣлаго воеводства прося, дабы учинили намъ сатисфакцію съ людей, въ наши границы вбѣгающихъ, обиды приключаящихъ и покой нарушающихъ; почему ожидаемъ скорой резолюціи и увѣдомленія, которой ежели бы не могли получить, то принесемъ жалобу чрезъ господъ пословъ, нынѣ на сеймъ выбранныхъ, предъ всепресвѣтѣйшимъ королемъ государемъ нашимъ милостивымъ и всею Рѣчью Посполитою, гдѣ вѣдаю что по генеральной радѣ цѣлаго сейма помыслятъ впредь о лучшей безопасности нашихъ границъ; однако уповаю, что В. Я. не упушая такъ великой обиды нашей въ публичное оглашеніе учините намъ партикулярное удовольствіе, котораго желательно ожидать буду“.

На это письмо Леонтьевъ отвѣтилъ: „добрая сосѣдственная пріязнь и съ россійской стороны на фундаментъ трактатовъ и союзовъ содержится неотмѣнно; что же изволите жалобу приносить на

бевѣстныхъ злодѣевъ гайдамаковъ, о томъ сердечно сожалѣю, что ваша погоня, которая и въ россійскую границу свободно пропущена была, таковыхъ злодѣевъ не переловила и гдѣ оныя злодѣи обрѣтаются неизвѣстно, ибо и до сего никого изъ нихъ въ поимкѣ неимѣется; а что до того касается, что Плесецкій городничій означенную вашу погоню далѣе за ними злодѣями гвать не допустилъ, о томъ по командѣ къ его преосвященству митрополиту кievскому отъ меня писано, а ежели оныя злодѣи пойманы будутъ, то поступлено съ ними будетъ безъ пощаденія“.

Копіи полученныхъ имъ писемъ Леонтьевъ сообщилъ кievскому митрополиту, въ вѣдомствѣ коего состоялъ Плесецкій городничій; а къ находившемуся на Свѣтинскомъ форпостѣ капитану Кузнецову послалъ указъ съ требованіемъ донесенія о случившемся нападеніи гайдамаковъ. Митрополитъ Тимофей 28 августа въ отвѣтъ на письмо Леонтьева препроводилъ копію со снятаго съ Плесецкаго городничаго въ дух. консисторіи допроса такого содержанія: „сего августа 16 числа въ недѣлю съ іеромонахомъ Димитріемъ, того жъ братскаго монастыря палатнымъ, ѣздилъ онъ, городничій, по околичныхъ селахъ за нуждою господарскою монастырскою и пріѣхали въ село Плесецкое августа 19 числа въ среду, а 20 числа въ четвертокъ, пришелъ къ нему въ вечеру капраль (а какъ имя ему не вѣдаетъ), кой въ засѣлкѣ въ Плесецкомъ на караулѣ обрѣтается, и при палатному объявлялъ:

что де были въ его капрала въ засѣвки ляхи, искали слѣду гайдамацкаго, а потомъ же въ село Плесецкое купно съ нимъ же, капраломъ, поѣхали и хотѣли оныя ляхи село трусить, то де онъ, капраль, сказываль имъ, ляхамъ, теперь де людей по домамъ не имѣется, но только де дѣти поужаете, а смотрѣть де по селу гайдамаковъ онъ, капраль, имъ, ляхамъ, не забороняль; оныя жъ ляхи того жъ 20 числа прямо въ Кіевъ и поѣхали; а какъ прежде, такъ и сего августа въ селѣ Плесецкомъ гайдамаки не бывали и никогда ихъ онъ, городничій Теофилакть, не видалъ, и ни подъ какимъ и малѣйшимъ укрывательствомъ не содерживаль и не содержитъ“.

Капитанъ Кузнецовъ репортомъ отъ 25 августа донесъ: „сего августа 11-го поутру прибыль изъ заграницы польской шляхтичъ Александръ Бояковскій съ товарищы тридцать человекъ и объявилъ, что были въ той прошедшей ночи въ польскомъ селѣ Дѣдовщинѣ гайдамаки и бѣжали изъ заграницы въ Россію яко бы команды моея между форпостами, котораго шляхтича съ командою для погони и поимки помянутыхъ гайдамаковъ, съ даннымъ отъ мене билетомъ, тако жъ для лучшаго вспоможенія солдатъ и козаковъ, даже до Кіева тотъ же часъ чрезъ Снѣтинскій форпостъ я пропустиль и велѣль имъ, ежели они въ Кіевѣ будутъ, явиться съ тѣмъ билетомъ въ кіевской генераль-губернаторской канцеляріи, а стоящій въ Плесецкой засѣкѣ капраль и посланные отъ меня съ онымъ шляхтичемъ солдаты и козаки объявили, что помя-

нутый шляхтичъ со всею командою доѣхалъ до Плесецкаго и по тому селу ѣздили, притомъ и капиталь съ ними былъ и остановясь подлѣ шинку спрашивали шинкарку и обывателей о гайдамакахъ, которые шинкарка и обыватели объявили имъ, что де мы никого не видѣли, то оная погоня не похотѣли далѣе того села ѣхать, возвратились ко мнѣ въ Свѣтинку и данный отъ меня билетъ привезли обратно, а сами поѣхали за границу; а послѣ оныхъ того жъ дня часа за два или менѣе до вечера прибыла ко мнѣ другая погоня, шляхтичъ же Лукьянъ Подбѣльскій съ двадцатью челобѣки и прежнюю погоню 30 челобѣкъ обратно изъ за границы возвратилъ и просилъ, чтобъ я имъ далъ билетъ на 50 челобѣкъ, почему я имъ тотъ же часъ билетъ написалъ и когда они всѣ 50 челобѣкъ собрались въ Свѣтинку и шляхтичъ Подбѣльскій очень ихъ просилъ, чтобъ они ѣхали еще погонею даже до Кіева, то они противъ ночи ѣхать не захотѣли и обѣщали ѣхать на другой день поутру и оставя у меня билетъ, сами поѣхали обратно за границу, изъ которыхъ уже болѣе я ни одного не видалъ, а возпрещенія и недопусканія онымъ польскимъ погонямъ, какъ чрезъ Свѣтинскій форпостъ, такъ и въ Плесецкой засѣкъ и въ селѣ Плесецкомъ да и вгдѣ не происходило“.

Объ отвѣтѣ митрополита и рапортѣ Кузнецова Леонтьевъ сообщилъ regimentарю письмомъ отъ 31 августа 1752 года.

VII.

Дѣло 1752 г. „два польскаго гетмана Браницкаго письма и съ оныхъ переводы, въ которыхъ объявлено, что захваченныхъ полковникомъ Ортынскимъ дву человекъ запорожскихъ козаковъ отдать въ Россію обѣщаетъ и притомъ требовалъ сатисфакціи о угнаномъ злодѣями гайдамаками скотѣ, и по оныхъ куда надлежало писано и о прочемъ“.

Документы, заключающіеся въ настоящемъ дѣлѣ, относятся не только къ указанному въ заглавіи его случаю, но вообще къ тѣмъ мѣрамъ, какія принимало правительство къ искорененію гайдамакъ. Для удобства обозрѣнія всей заключающейся въ этомъ дѣлѣ переписки разбиваемъ ее на двѣ части, выдѣливъ во 2-ую то, что касается собственно къ упоминаемому въ заглавіи дѣла набѣгу п. Ортынскаго.

1.

22-го ноября 1751 г. ген.-губ. Леонтьеву данъ былъ такой Высоч. указъ: „Изъ доношенія вашего отъ 28-го октября нынешняго 1751 г. не безъ удивленія усмотрено, что вы на полученное отъ турецкаго очаковскаго пашы письмо, о побитіи въ нынешнемъ лѣтѣ въ ихъ границѣхъ близъ Кинбурна нѣкоторыхъ турокъ

и армянъ и пограбленныхъ притомъ товарахъ и вещахъ будто бы нашими запорожскими козаками, отвѣтствовали къ пашѣ, что войско запорожское не у васъ, но у гетмана въ командѣ; и просите указу, какъ въ томъ дѣлѣ лучше поступить. Такимъ вашимъ отрицательнымъ отвѣтомъ къ пашѣ и другимъ тамошнимъ командирамъ вы неоспоримо подали причину и поводъ, что до запорожцовъ, по тому и другимъ дѣламъ, такожь и до малороссіянъ касается, не къ вамъ уже, но къ помянутому гетману писать и нарочныхъ присылать. А вы въ томъ краѣ пограничнымъ главнымъ командиромъ, и по пограничнымъ дѣламъ и запорожскіе козаки у васъ въ командѣ; и о вышеписанномъ дѣлѣ, о которомъ наша къ вамъ писалъ, вы отъ запорожскаго кошевого, на свой ордеръ репортъ уже имѣли, что онъ съ старшиною о ссыску убійцевъ и пограбленного, у себя въ войскѣ во всѣхъ мѣстахъ приказъ отдали, токмо не чаютъ, чтобъ оное отъ запорожскихъ козаковъ за давностію и великими водами, учинено было и прочее; почему къ пашѣ и отвѣтствовать въ той силѣ могли, а не отговариваться; еже при случаѣ или и нарочною посылкою вы и нынѣ учинить имѣете, а къ запорожскому кошевому съ старшиною еще подтвердить, чтобы они всѣми способы, какими лучше сами знаютъ, убійцевъ и пограбленное сыскать старались; ибо съ турецкой стороны, по письму паши, такое дѣло на запорожскихъ козаковъ взыскивается по свидѣтельству оставшагося при томъ раненаго и неубитаго

человѣка и по слѣду къ ихъ запорожскимъ жилищамъ, въ чемъ имъ себя оправдать весьма надлежитъ; вамъ же, по сношенію съ гетманомъ, надлежитъ изыскивать тѣ средства и способы, чрезъ которые бѣ и другіе, у запорожцевъ съ татары, ссоры стараться прекратить и впредь своевольниковъ отъ продерзостей воздержать, тако жъ и съ турецкой стороны требовать, и съ ханомъ крымскимъ и очаковскимъ пашею, и еще съ кѣмъ надлежитъ, переписку имѣть и въ прочемъ пограничныя дѣла по командѣ управлять вамъ; и къ воздержанію козаковъ запорожскихъ кошевого съ старшиною побуждать и при семъ вамъ къ извѣстію и наставленію въ копіи прилагается; что же касается по вашимъ доношеніямъ отъ 2 и 12 октября о взятыхъ польскимъ полков. Ортинскимъ, въ нашихъ границахъ, изъ запорожцевъ, Буго-гардовой церкви ктитора съ 5-ю человѣки, изъ коихъ ктитора отданъ, а изъ козаковъ трое повѣшены, а два удержаны, вамъ о томъ въ Польшу еще писать и отдачи двухъ козаковъ, а въ прочемъ сатисфакціи требовать; ибо не надлежало имъ въ наши границы, безъ позволенія, и толь наипаче вооруженною рукою, вѣзжать и нашихъ людей брать и казнить; ибо, по трактату вѣчнаго мира, и о достойныхъ казни постановлено, отдавать пограничнымъ командирамъ, для учиненія онымъ казни, по правамъ той стороны, изъ которой будутъ; и сихъ людей, буде бѣ они въ какомъ воровствѣ и у себя поймали, безъ сношенія съ здѣшнею стороною, не казнить, но

предъявить и отдать нашимъ комиссарамъ или къ вамъ прислать надлежало; а что при полякахъ, которые ктиторасъ товарищи брали, командиромъ былъ воръ и измѣнникъ Яцко Табанецъ, а чей онъ подданный, польскій или россійскій, и когда и какимъ образомъ измѣнилъ или ушелъ, о томъ неизвѣстно, то о семъ вамъ у себя въ канцелярїи и съ запорожскою справясь, буде тотъ Яцко россійскій подданный, его у поляковъ требовать и о происхожденїи оного обстоятельнѣе сюда репортовать“.

Одновременно съ этимъ данъ былъ такой же Высочайшій указъ и гетману гр. Разумовскому (копія съ котораго прислана и Леонтьеву).

„Учиненная отъ васъ диспозиція объ искорененїи гайдамакъ всемилостивѣйше отъ васъ апробуется; и чтобъ въ войскѣ запорожскомъ по посланнымъ отъ васъ ордерамъ дѣйствительно исполнено было, вы на старшинѣ, кошевомъ атаманѣ съ товарищи взыскивать, къ тому ихъ принуждать, и для подкрѣпленїя изъ малороссійскихъ командъ, кому надлежитъ поручить не оставите; и мы на васъ, по вашей вѣрности и прилежанїю, благонадежны и вновь чрезъ сіе вамъ объ ономъ рекомендуемъ; и понеже гайдамаки, наворовавъ въ Польшѣ и возвращаясь оттуду, проходятъ чрезъ границу не тайно и не обходя форпосты, но атакуя оныя и, супротивляя командамъ, уѣзжаютъ въ запорожскую сѣчь, и тамо скрываются, которыхъ за многолюдствомъ и супротивленїемъ, обрѣтающїяся тамъ команды удержатъ и переловить не въ состоянїи,

какъ-то и недавно на Петровоостровской дистанціи учинено, что гайдамаки, разбивъ карауль, проѣхали чрезъ гравицу силою и команды ихъ не нагнали, и они уѣхали въ запорожскую сѣчь, о чемъ отъ ген. Леонтьева сообщено, и о приумноженіи на тую Петровоостровскую дистанцію, на нужные форпосты, гдѣ наиболѣе гайдамаки силою проѣзжаютъ, добронныхъ и оруженныхъ козаковъ требовано, а о приумноженіи же драгунъ къ командѣ предложено; чего ради, по оному требованію, приказать вамъ на Петровоостровскую дистанцію изъ малорос. добровооруженныхъ козаковъ команду приумножить, дабы гайдамаки впредѣ чрезъ форпосты проходить не могли, и опредѣлить такое число, чтобъ въ состояніи были сильныя гайдамацкіе проходы пріудерживать и толь наипаче оныхъ до ихъ воровскихъ пристаней въ запорожскіе мѣста не допустить. Что же касается о насильственномъ взятіи поляками Буго-гардовскаго ктитора съ 5 козаками, изъ которыхъ ктитора отдали, а изъ козаковъ трехъ повѣсили, а двоихъ удержали, то представленіе о томъ при королевско-польскомъ дворѣ учинить и сатисфакціи требовать, нашему полномочному министру графу Кейзерлину велѣно; о чемъ и вновь подтверждено. Извѣстно вамъ о имѣющихъ у нашихъ запорожскихъ козаковъ съ татары обоюдныхъ претензіяхъ и въ томъ жалобахъ, которые та и другая сторона только лживять, а противъ уликъ, оправданія толь мало предъявляется, что оныя остаются не рѣшенными и сумнительству и опас-

ности изъ того давностей подтверждено, чтобъ татары больше къ обидамъ тѣмъ не были побуждены и не стали вымещать на здѣшнихъ правыхъ, бывающихъ у нихъ людяхъ. Черезъ сіе рекомендуется вамъ, о совершенномъ прекращеніи съ тѣхъ прежнихъ претензій и о воздержаніи запорожцевъ впредь отъ всѣхъ не позволенныхъ поступковъ и продерзостей стараніе приложить; и какимъ бы образомъ удобное оное учиниться могло и впредь для содержанія пограничнаго покою, и свободнаго и безобиднаго проѣзду и пребыванія въ обоихъ сторонахъ купечеству и инымъ добрымъ людямъ такъ наши запорожскіе козаки, какъ и татары отъ воровства и обидъ воздержаны были, о томъ ваше разсужденіе ген. Леонтьеву сообщить, чтобъ онъ о томъ, что до татаръ касается, и къ хану крымскому писать имѣлъ, въ чему ему по сношенію съ вами поступить и равномѣрно стараться и указомъ нашимъ подтверждено“.

Въ упомянутомъ же выше доношеніи гетмана Разумовскаго отъ 22 октября 1751 г. излагались мѣры, принятыя имъ въ исполненіе Высоч. указа отъ 30 сентября. Гетманъ писалъ: „къ малороссійскимъ полковникамъ строгими ордерами найкрѣпчайше подтверждено, ко искорененію гайдамакъ всевозможные способы употреблять; шатающихся гдѣ либо въ тѣхъ полкахъ безпаспортныхъ и невѣдомыхъ людей, не давая имъ нигдѣ никакой пристани, заразъ имать и куда надлежитъ на уряды представлять; а кои уже во оныхъ полкахъ имѣ-

ются въ содержаніи гайдамаки, и объ оныхъ дѣла еще не рѣшены, оныя привести въ окончаніе крайнимъ рѣшеніемъ въ силѣ малороссійскихъ правъ, въ самой скорости, и для того онымъ полковникамъ и старшинамъ полковымъ имѣть сессіи ежедневно, не точію по утрамъ, но и послѣ полудни, и которые гайдамаки приговорены будутъ смертной казни или политической смерти, съ таковыми поступать будутъ по силѣ В. И. В. повелѣнія, отсылкою ихъ на работу въ Рогорвикъ; въ заднѣпровскихъ же мѣстахъ, еще до полученія В. И. В. грамоты, для искорененія гайдамакъ, поставленъ компанейскій полкъ Павловъ, при командирѣ осаулѣ полковомъ, а нынѣ на перемѣну того другой полкъ командируется туда жъ, при настоящемъ полковникѣ компанейскомъ. Что принадлежитъ до запорожскихъ козаковъ, то прошедшаго сентября 21-го предложено атаману кошевому и всему войску посылать команды въ потребныя мѣста, для чиненія повсюду надъ собирающимися и бродящими гайдамацкими партіями; нынѣ же имъ все то найкрѣпчайше подтверждено съ такимъ дополненіемъ: 1-е, дабы онъ, кошевой атаманъ, строгіе отъ себя далъ приказы всѣмъ атаманамъ куреннымъ, чтобъ всякій изъ нихъ, въ своемъ куренѣ, сколько у него числится козаковъ, содержалъ имянной списокъ, и буде кто вновь въ оный курень приставать имѣлъ, въ тотъ списокъ записывалъ и смотрѣлъ накрѣпко, чтобъ оныя никуда изъ куреней безъ дозволенія и отпуску его, кошевого, и атаманскаго и безъ паспорта не

отлучался; а если кто безъ вѣдома командирскаго отлучаться будетъ, таковаго сыскать, наказывать по войсковому обычаю, безпоблажно, дабы и другіе, видя то, страхъ имѣли; 2-е, ежели кому изъ Сѣчи, за какимъ промысломъ и за необходимою нуждою дастся паспортъ, то въ ономъ писать, куда онъ и за чѣмъ отпущенъ и назначать срокъ, дабы онъ болѣе сроку не медлилъ и нигдѣ, по мѣстамъ непотребнымъ, не шатался и съ подозрительными людьми, никакого сообщенія не имѣлъ; 3-е, понеже запорожскіе козаки имѣютъ свое жительство не въ одной Сѣчи, но въ зимовникахъ, и пасѣбахъ и прочихъ запорожскихъ угодьяхъ, а особливо надъ рѣкою Бугомъ въ гарду и около онаго, по разнымъ мѣстамъ и уходамъ, однако всѣ оныя состоятъ подъ вѣдомомъ и командою атамана кошевого, старшины войсковой и атамановъ куренныхъ; для того и отѣхъ, гдѣ кто находится, такіе жъ вѣдомости иманые кошевому атаману и при каждомъ куренѣ атаману имѣть, дабы по такимъ вѣдомостямъ ему, кошевому, съ старшиною легко было кого надобно сыскать и надъ оными командиры накрѣпко смотрѣли бъ, дабы безъ вѣдома и безъ паспорта никуда отнюдь не бродили; 4-е, всегда опредѣлять съ одной стороны, отъ Сѣчи, а съ другой отъ гарду довольные команды переменнo съ добрыми и надежными командирами, и чинить разъѣзды денно и ночью, къ поимкѣ шатающихся злодѣевъ и своевольцевъ, а по поимкѣ ихъ слѣдовать, и ежели они уличатся, что были въ польской сторонѣ для гра-

бительствѣ, оныхъ отдавать, имѣющимся тамо, великороссійскимъ и малороссійскимъ командамъ; а кои, хотя бы въ польской сторонѣ и не были, но что они шатаются самовольно, такихъ отсылать въ надлежащія, гдѣ кто вѣдомъ, команды, для наказанія по обыкновенію Сѣчи Запорожской; и тѣмъ командамъ быть въ разъѣздахъ всякой съ своей стороны даже до тѣхъ мѣстъ, при коихъ состоятъ великороссійскія команды и полкъ компанейскій, и каждой командѣ, при своихъ дистанціяхъ, тамъ наипаче разъѣзжать и команды держать, гдѣ гайдамакамъ способный есть въ польскую сторону переходъ; 5-е, какъ въ Сѣчи, во всѣхъ куреняхъ, такъ и въ принадлежащихъ ей зимовникахъ, пасѣкахъ, рыболовляхъ и другихъ мѣстахъ, строгіе приказы дать, дабы волочаевъ и подозрительныхъ людей въ свое собраніе отнюдь, ни явно, ни тайно, не принимали и пристани не давали; а гдѣ какой сумнительный человѣкъ съ пожитками какими, польскими или другими невѣдомыми вещми, явится, такового, взявъ подъ карауль, отсылали бѣ къ своимъ командирамъ; буде жъ кто бродягъ и злодѣевъ укрывать сталъ, таковъ и самъ, яко сообщникъ, тому жъ наказанію какъ и злодѣй подверженъ быть долженъ; и чрезъ такіе способы умножившееся злодѣйство, и оттого сосѣднихъ державъ людямъ и здѣшнимъ подданнымъ В. И. В. разореніе, вовсе пресѣчено и добрымъ людямъ безопасность возстановлена быть могла, а на ихъ войско запорожское болѣе такова безславія и пороковъ наносимо не было, и для того

атаману кошевому съ старшиною, не точию всё предписанныя повелѣнія исполвять, но и другія отъ себя возможныя изыскивать мѣры, чтобъ въ конецъ такое злодѣйское гнѣздо истреблено было, и о всемъ томъ ко мнѣ репортовать“.

Получивъ вышепронисанный Высоч. указъ изъ Г. К. И. Д. съ вышепоказанными копіями грамоты Разумовскому и репорта Разумовскаго, ген. Леонтьевъ 3 декабря послалъ предложеніе кош. атаману употребить всевозможныя мѣры къ разысканію виновныхъ въ убійствахъ и разбояхъ, совершенныхъ близъ Кинбурна, и пограбленнаго имущества, а также разслѣдовать, кто такой Яцко Табанецъ, „какимъ образомъ измѣнилъ онъ, есть ли онъ русскій или польскій подданный“. На это предложеніе кошевой атаманъ Якимъ Игнатовичъ 15-го декабря изъ коша отвѣтилъ, что „о вышеписанныхъ убійцахъ и во отысканіи вещей, всеприлежнѣйшее старательство прикладывалъ, но нигдѣ ничего не смысано и никакого слѣда не найдено; Яцко же Табанецъ польскаго государства, и когда былъ въ 749 году на пастбѣ лошадей, съ прочими войска запорожскаго козаками въ горномъ Ташлыцѣ, то уманскій полковникъ Ортинскій, напавъ на ихъ, товарищей его порѣзалъ, а его, Табанца пожаловалъ надъ козаками уманскими сотникомъ, гдѣ и по нынѣ обрѣтается“.

Въ дополненіе къ этому доношенію Игнатовичъ 7 января 1752 писалъ Леонтьеву, что совершенныя подъ Кинбурномъ разбои „не надежно

чтобъ отъ запорожской стороны послѣдовали, но токмо, чаю, отъ ногайскихъ татаръ приключены, ибо въ самой дальней турецкой землѣ козаки наши жительства не имѣютъ и на добычахъ рыбныхъ не бывають, кромѣ одни только въ тѣхъ мѣстахъ татары жительствають“.

2.

Переписка, давшая заглавіе настоящему „дѣлу“, возникла по слѣдующему поводу: въ 1751 году войско запорожское подало гр. Разумовскому жалобу на уманскаго полковника Ортынского, который, во время наѣзда своего въ предѣлы Запорожья захватилъ нѣсколько человекъ и трехъ изъ нихъ повѣсилъ. Кіев. ген.-губ. Леонтьевъ письмомъ отъ 17 декабря 1751 г. къ гетману Браницкому требовалъ выдачи захваченныхъ и удовлетворенія за повѣшенныхъ. Браницкій отвѣтилъ Леонтьеву письмомъ изъ Львова отъ 26 генваря 1752 года (приводимъ его въ переводѣ), въ которомъ, говоря, что объ упоминаемомъ фактѣ онъ слышалъ и лично отъ командира украинской партіи, писалъ, что все то „случилось пристойнымъ образомъ, когда упомянутый полковникъ былъ въ подѣздѣ за гайдамаками, то напалъ на тѣхъ козаковъ и что они гайдамаки были то и дѣломъ оказалось, почему какъ безпаспортныхъ людей приказалъ взять и смертью казнить, и такъ тотъ его поступокъ не должно почитать за поврежденіе и нарушеніе сосѣдней пріязни, которую мы всегда какъ возможно найпри-

лежнѣ хранимъ и желаемъ. О козакѣ же запорожскомъ Иванѣ Калюженкѣ, который по сіе число содержится подъ карауломъ, дабы я показалъ образецъ пріязни моей, для В. Я. и всякую удобность на ваше предстательство, то я г. Ожгѣ старостѣ бышевскому, командиру украинской партіи, рекомендовалъ, дабы былъ тотъ же козакъ уволенъ и отправленъ къ вамъ, нимало о томъ не сумнѣваясь, что прозорливость В. Я. сыщеть способъ тово жъ козака удержать болѣе въѣздить въ наши границы; впредь же дабы таковыя не были случаи и причины къ жалобамъ, то ежели кто изъ заграничныхъ людей въ польскія границы возжелаетъ пріѣздить, нужно дабы имѣлъ пашпортъ отъ васъ или отъ другихъ пограничныхъ командировъ, за которымъ всякъ пріѣзжающій имѣть будетъ свободу и безопасность; а какая продерзость тѣхъ заграничныхъ людей, то примѣромъ есть послѣднія дѣйствія, когда болѣе 300 гайдамаковъ собрався и до 1000 скотинъ въ нашей сторонѣ захвата и на російскіе форпосты, возбраняющіе имъ переходъ, ударить осмѣлились и то намъ есть къ великому удивленію, что такъ не малое число гультаевъ и съ знатнымъ грабежемъ по ся поры въ російской сторонѣ сыскупаютъ способы скрываться. Что ни есть по сей окрестности отъ достойной вашей команды зависѣть будетъ, прилежно прошу приложить стараніе къ удовольствованію нашу сторону по сей обидѣ и дабы помянутая скотина была возвращена. Не упущу взаимно приложить стараніе съ нашей

рой сосѣдственной пріязни и самъ В. Я., по справедливомъ разсужденіи, несумнѣнно признаешь, что инако онъ не могъ поступить, ибо напрасное было бы утружденіе воинскихъ людей и тѣмъ бы болѣе непрерывно умножалась гультяевъ продерзость, ежелибъ пойманые неимѣли наказанія; весьма же изрядно поступилъ полковникъ, что для доказательства и дальнего впредь о починенныхъ чрезъ тѣхъ козаковъ пакостяхъ изслѣдованія, одного съ тѣхъ Ивана Калюженка оставилъ и тотъ былъ ставленъ въ пограничную комиссію, видно что онъ виновенъ, когда его не выпущено, но велѣно подъ карауломъ до предбудущей комиссіи содержать, который по пріятельскомъ вашемъ требованіи, дабы былъ уволенъ и отосланъ, я рекомендовалъ гд—ну Ожгѣ; нынѣ же повторное отъ В. Я. получаю требованіе о другомъ козакѣ, который по приговорѣ былъ веденъ на смерть, но чрезъ прикрытіе платкомъ по обыкновенію нимало непотребномъ остался уволеннымъ отъ смерти, то охотно склоняясь на ваше требованіе опредѣляю и того другого козака выдать, желая при тѣхъ команды моеѣ начаткахъ явить образцы склонности и совершенную по предстательствамъ В. Я. удобность, не меньше надѣясь, что подобнымъ образомъ, по обидамъ нашей стороны, т. е. въ забраніи скота, справедливая восполѣдуетъ сатисфакція. Дабы же пограничная комиссія чрезъ выдачу тѣхъ двухъ козаковъ не возимѣла объ нихъ требованія и не привлекала ихъ на оную ставить, то соблаговолите дать реверсъ, что

ихъ по своему требованію отбираете и что во всякое время ставить прикажете ежели нужда когда того востребуетъ. Прочіе же всѣ, которые бы могли быть по какимъ винностямъ въ нашихъ губерніяхъ пойманы, то неинако имѣютъ быть выданы, какъ по рѣшенію пограничной комисіи, только болѣе надлежитъ, дабы отъ російской стороны комисіа имѣла власть на смерть осуждать, для удержанія развратившагося ко всякому злу гультайства“.

По поводу набѣга Ортинскаго на наши границы и повѣшенія козаковъ, Коллегія Ин. Дѣлъ дѣлала сношенія съ королевскимъ дворомъ, о чемъ и сообщила ген.-губ. Леонтьеву грамотою отъ 31 марта 1752 г. такого содержанія: „Каковы нынѣ, по доношеніямъ изъ Дрездена нашего дѣйств. тайн. сов. гр. Кейзерлинга и изъ Варшавы секретаря посольства Ржичевскаго по пограничнымъ дѣламъ о извѣстномъ набѣздѣ въ нашу границу полковника уманскаго Ортинскаго и по пограничной украинской комисіи о крививальныхъ дѣлахъ и по онымъ о колодникахъ и гайдамакахъ къ опредѣленному на мѣсто графа Кейзерлинга чрезвычайнымъ посланникомъ нашимъ дѣйств. ст. сов. Гросу и къ секретарю Ржичевскому, такожъ къ комисарамъ Миронову съ товарищи, указы, а вслѣдствіе того къ нашему подданному малороссійскому гетману грамота, отправлены; при семъ прилагаются копіи, по которымъ усмотрите о данной имъ резолюціи, которая и вамъ въ наставленіе быть имѣетъ и пограничную комисію сверхъ того о чемъ надлежитъ

вы по командѣ отъ себя ордеровать имѣете. Что же касается по жалобѣ съ польской стороны на гайдамакъ и требованіи угнатога скота, о которомъ короннаго гетмана гр. Браицкаго отъ 29 генваря сего года письмѣ и секретарю Ржичевскому показано, то вамъ о искорененіи ихъ, сыскѣ и возвращеніи скота симъ вновь рекомендуется и съ короннымъ гетманомъ, съ которымъ вы корреспонденцію уже имѣете о лучшихъ средствахъ къ искорененію гайдамаковъ можете соглашаться и что надлежитъ въ томъ съ ихъ стороны требовать и о всемъ происходящемъ при границѣ его увѣдомлять и что вы вновь о семъ отъ насъ найкрѣпчайшій указъ получили и о своемъ раченіи и что въ сыску скота учините о томъ ему дать знать и въ прочемъ съ своей стороны равномерно обнадежить и весьма нужно для бѣдныхъ разоренныхъ отъ воровъ обывателей и прошенія гетманскаго для удовольствія ихъ изъ пограбленнаго сыскать и имъ возвратить и въ томъ всевозможное стараніе приложить также въ поимкѣ и искорененіи гайдамакъ въ наступающую весну и въ лѣтнее время, которое удобнымъ къ тому есть и о томъ ордеры въ командѣ вашей подтвердить и намъ доносить. Данъ въ С.-Петербургѣ марта 31 дня 1752 г.

Упомянутыя въ этой грамотѣ копіи были слѣдующія:

а) *Копія съ рескрипта, отправленнаго изъ Коллегии Иностр. дѣлъ въ Дрезденъ къ д. с. с. и чрезв. посланнику Гросу 31 марта 1752 года:*

„Сообщается вамъ прв семъ копія съ указа, отправленнаго въ Варшаву къ секретарю Ржичевскому

на доношеніе оногo о погравичныхъ дѣлахъ, содержаніе котораго и вамъ для изъясненія и равномернаго требованія, у кого надлежитъ въ вашемъ мѣстѣ, о лучшемъ поправленіи во оныхъ съ польской стороны служить, а секретарю Ржичевскому велѣно о всемъ происхожденіи у него по симъ дѣламъ васъ увѣдомить, почему и вы съ своей стороны можете его къ лучшему исправленію въ семъ наставленіями снабдѣвать.“

6) *Копія съ указа, отправленнаго изъ Коллеіи Иностран. дѣлъ въ Варшаву къ секретарю посольства Ржичевскому 31 марта*

„На доношеніи твои № 33, 52 прошлаго № 2, 5 и 7 нынѣшняго году о дѣлахъ пограничныхъ въ резолюцію тебѣ симъ объявляется: апробуется представленіи твои объ оныхъ учиненныя, по полученнымъ отсюда указомъ, короннымъ канцлеру и вице-канцлеру и коронному гетману противу не дѣльныхъ жалобъ ихъ на російскихъ пограничныхъ отъ украинской стороны комисаровъ въ надлежащее послѣднимъ оправданіе, такожъ о впаденіи Ортинскаго въ здѣшніе границы и чего еще отъ нихъ въ тѣхъ дѣлахъ по требованію твоему неучинено, въ томъ тебѣ такъ у сихъ, какъ и у прочихъ польскихъ вельможъ, дальнѣйше потребное стараніе имѣть, а отсюда здѣшнимъ комисарамъ знать дано; и копія съ ноты при письмѣ твоемъ къ гетману отъ 13 декабря о проволочкахъ въ пограничныхъ судахъ, отъ польскихъ а не отъ здѣшнихъ комисаровъ чинимыхъ, послана.“

Что касается до отвѣту на письма къ тебѣ коронного гетмана отъ 12 и 29 генваря, сверхъ того, о чемъ отъ тебя къ нему уже писано:

1. Объ Ортинскомъ, что онъ здѣшнихъ людей

взялъ не въ польской, но въ россійской границѣ про- дерзостнымъ впаденіемъ въ оную, о томъ явствуетъ и доказано въ прежнемъ сообщеніи, и коихъ онъ умерт- вилъ, буде бъ на нихъ оговоръ былъ, долженъ онъ, не казня людей, о томъ комисіи сообщить и оныхъ отдать, пбо въ Польшѣ здѣшнихъ людей казнить и наказывать безъ нарушенія трактата невозможно, на сихъ же мертвыхъ людей всякъ сказывать свободно можетъ, что хочетъ; а пашпортовъ они не имѣли для того, что были на своей, а не на чужой землѣ.

2. Что здѣшніе пограничные комисары отъ из- слѣдованія криминальныхъ дѣлъ никогда не отрека- лись, но ихъ польскіе комисары что когда малое и рѣшатъ и то отмѣняютъ и ничего не дѣлаютъ, о томъ такожде доказано быть имѣеть по вмѣющимъ у тебя прежнимъ и по послѣдному, при семъ посылаемому, рапортамъ, оныхъ и вновь обнадежить можешь, что здѣшніе комисары достаточно инструктованы, и чтобъ они отъ того отрекались, о томъ на нихъ сказано не- основательно.

3. Что же касается до экзекуціи по тѣмъ дѣламъ надъ колодниками, и оная надъ ними производится безъ послабленія и о доброжелательствѣ со стороны Е. И. В. къ Рѣчи Посполитой сами поляки предо- вольно удостовѣрены; какое же бы сумнѣніе находи- лось въ сокращеніи съ россійской стороны плутовъ, о чемъ при Императорскомъ дворѣ не безъ прискорбія и досады слышать принуждено, за толкое здѣшнее о пограничномъ сискойствіи попеченіе должно было съ польской стороны благодарить, а не нарѣкать, а и колодниковъ изъ россійскихъ подданныхъ по отдачѣ въ россійскую сторону, хотя бъ въ тамош-

немъ мѣстѣ и не казнены были, но оныя по жестокомъ розыскѣ и наказаніи будутъ въ такое мѣсто, яко въ Рогервикѣ, отвезены и въ такую работу опредѣлены, которая непремѣнная но вѣчная имъ въ наказаніе и другимъ въ страхъ весьма тягостнѣе единовременной смертной казни, откуду уже не возвратятся и воровства болѣе отъ нихъ не будетъ, о чемъ можешь съ короннымъ гетманомъ и съ другими съ кѣмъ надлежитъ взъясниться и съ ихъ стороны о лучшемъ направленіи въ свихъ пограничныхъ дѣлахъ пристойно требовать и домогаться.

Изъ здѣшнихъ при границѣ въ украинѣ командировъ, яко главные въ Глуховѣ малороссійскій гетманъ и въ Киевѣ ген. Леонтьевъ, о искорененіи гайдамацкаго воровства довольно указами снабдѣны и вновь имъ подтверждено объ отысканіи угнатаго гайдамаки въ Польшѣ скота, хотя оное здѣшней сторонѣ никакъ причитаемо быть не должно, однакожъ стараніе имѣть, и буде бѣ нашелся оный, въ польшу въ дѣлости возвратно отдать велѣно, и для прекращенія такихъ жалобъ, о лучшихъ способахъ въ искорененіи гайдамакъ поручено ген. Леонтьеву сношеніе имѣть съ короннымъ гетманомъ и о случающихся при границахъ безпорядкахъ оного увѣдомлять, съ которымъ онъ и до сего въ корреспонденцію уже вступилъ и о семъ послѣднемъ и ты къ коронному гетману отписать можешь.

Впрочемъ надлежитъ тебѣ обо всемъ, касающемся до пограничныхъ дѣлъ, опредѣленнаго нынѣ при королевско-польскомъ дворѣ посланника нашего Гросса увѣдомить и, въ чемъ потребно, вспоможенія и наставленія его требовать и сюда въ Коллегію доносить.

в) *Копія съ грамоты, отправленной изъ Кол. Ин. дѣль къ ид—ну малороссійскому гетману гр. Разумовскому въ 31 день марта 1752 г.*

„Когда намъ отъ васъ, въ прошломъ 1751 году, о жалобѣ нашего войска запорожскаго на польскаго уманскаго полковника Ортинскаго, въ наѣздѣ онаго въ наши границы и взятїи нашихъ людей, изъ коихъ оныхъ трехъ у себя повѣсилъ, донесено было, въ то же время о представленїи о томъ съ требованїемъ сатисфакціи при королевскомъ дворѣ и у магнатовъ польскихъ въ Дрезденъ къ нашему дѣйств. тайн. сов. графу Кейзерлингу и въ Варшаву къ секретарю посольства Ржичевскому указы крѣпкіе посланы, по которымъ отъ нихъ и учинено и что объ ономъ напоследѣи отъ 26 генваря къ Ржичевскому гетманъ Браницкій отвѣтствовалъ съ письма онаго сообщается вамъ копія, изъ которой увѣдомитесь вы, коимъ образомъ оныя вначалѣ Ортинскаго извиняетъ, будто бы оныя тѣхъ людей на польской стени и по подозрѣнію, яко не имѣвшихъ нашихъ паспортовъ, взялъ и коихъ изъ нихъ казнилъ, оное учинилъ по изобличенїю въ гайдамачествѣ, представляя, чтобъ впредѣ для безопасности въ Польшѣ нашимъ людямъ имѣть паспорта, и жалуясь при томъ, какіе у нихъ отъ гайдамакъ заграничныхъ людей, то есть нашихъ запорожскихъ козаковъ, великое разореніе происходитъ, особливо жъ что оныхъ гайдамакъ предѣ двумя мѣсяцы, еже имѣло быть въ прошедшую осень, болѣе 300 впадши въ край ихъ до 1000 разнаго скота отогнали и сами ушли въ наши границы, и просятъ о строжайшихъ указѣхъ къ чиненїю по вску надѣ тѣми гайдамаками и о возвращенїи отогнатаго ими изъ Польши скота и прочее.

И что надлежитъ по тому письму до взятыхъ Ортинскимъ здѣшнихъ людей и объ оныхъ уже послѣ взятія ихъ было дѣло (какъ и вамъ извѣстно) на пограничной Брацлавской комисіи, при которой двое изъ нихъ отъ польскихъ комиссаровъ нашимъ отданы, а достальной по обнадеживанію короннаго гетмана можетъ быть въ Кіевъ къ генералу Леонтьеву присланъ или пришитца, о чемъ вы отъ одного увѣдомитесь, а чтобъ изъ нашей Имперіи никого безъ пашипортовъ не отпускать, о томъ вамъ и ген. Леонтьеву подтверждено, и что вы, какъ предъ симъ намъ доносили, по причинѣ умножившагося гайдамаческаго воровства запорожцевъ въ Польшу и пускать не велѣли, то сіе отъ насъ всеялостивѣйше апробуется, однако жъ объ ономъ въ Польшу отсюду не дано знать въ томъ разсужденіи, чтобъ тамъ по сей деклараціи подъ именемъ запорожцевъ и гайдамакъ съ кѣмъ инымъ изъ нашихъ подданныхъ непристойно поступлено не было.

А что касается до угона гайдамаками толь многого скота, оное по здѣшнему чаянію учинено при разбоѣ ими польскаго мѣстечка Лысянки, о чемъ вамъ извѣстно, и изъ тѣхъ гайдамакъ, за повѣшеніемъ атамана въ Сѣчи, достальные по поимкѣ симъ временемъ чаятельно уже въ Глуховъ къ вамъ привезены, которыми изслѣдовать можно, отъ нихъ ли или отъ другихъ такихъ оное учинено: и когда и на границѣ съ ними при возвращеніи ихъ изъ Польши у командъ сраженіе было, то и со оными, о чемъ потребно будетъ, справиться и въ сыску и возвращеніи скота и прочаго пограбленнаго ими тамо надлежащее стараніе приложить мы всеялостивѣйше вамъ симъ рекомендуемъ, ибо наше намѣреніе о польскихъ разоренныхъ

обывателяхъ и особливо въ разсужденіи прошенія польскаго гетмана такое есть, чтобъ въ удовольствію ихъ нашей стороны всевозможное показать стараніе, и вы того учинить не преминете. Впрочемъ же о поискахъ надъ гайдамаками и совершенномъ искорененіи оныхъ и воровства ихъ вы прежними нашими грамотами наставлены и ваше въ томъ прилежное стараніе признаваемъ и вновь о томъ симъ рекомендуемъ, чтобъ всѣ тѣ мѣры брать, коибъ къ достиженію успѣха служить могли и толь наипаче въ наступающемъ вѣшнемъ и будущемъ лѣтнемъ времени, которое къ поиску надъ ними пособивѣйшимъ есть, и что по сему учинено будетъ, мы отъ васъ доношенія для извѣстія и сообщенія въ Польшу ожидать имѣемъ“.

Ген.-губ. Леонтьевъ, по полученіи писемъ гет. Браицкаго и вышеприведеннаго указа Иностр. Коллегіи съ копіями, отнесся къ гетману Разумовскому 26 апрѣля 1752 г. съ письмомъ такого содержанія:

Понеже о вышеобъявленномъ угнатомъ съ польской стороны скотѣ и о прочемъ надъ пойманными гайдамаками слѣдствие производится въ командѣ вашего сіятельства, и для того, сколько ового скота и прочаго ссыскано и на польскую сторону возвращено или впредъ возвращено будетъ, и что къ дальнѣйшему обнадеживанію касается, о томъ я никакого извѣстія не имѣю и затѣмъ въ письмо къ коронному гетману внести и обнадеживанія учинить не изъ чего, чего для и отзывомъ моимъ къ нему гетману я и удержался; и того ради не соизвоитель ваше графское сіятельство повелѣть о вышеписанномъ ко мнѣ сообщить, почему бѣ можно мнѣ

въ силу высочайшаго Е. И. В. указа къ польскому гетману письменнымъ отзывать въ состояніи быть⁹. При этомъ письмѣ Леонтьевъ приложилъ копиі писемъ Браницкаго и указа Коллегіи.

Гр. Разумовскій отвѣтилъ письмомъ изъ Глухова отъ 6-го мая 1752 г., въ которомъ, извѣщая о полученіи приславныхъ бумагъ, пишетъ: „по справкѣ въ г. в. к. прошедшаго 751 году ноября отъ 16 и 17, по сообщеніямъ ко мнѣ отъ В. Вп. о усиленномъ переѣздѣ задѣйрскихъ мѣстъ при Петрово-островскихъ форпостахъ съ польской стороны въ запорожскіе дачи гайдамакъ до 50 человекъ и прогонѣ съ собою тамо награбленнаго скота рогатаго и лошадей множественнаго числа, а противъ чинившей надъ ними поноскъ російской партіи о непріятельскомъ сопротивленіи; да декабря отъ 23 чиселъ по письменной жалобѣ польской области княжны Теофілы изъ Сивявскихъ Яблоновской, великой короны хоружиной, эконома добръ ея волости Лисявской Георгія Сурича на запорожскихъ козаковъ, о нападеніи будто ими при ватагу, прозываемому Кудиму, на разныя польскіе села и о разграбленіи и разореніи оныхъ, такожь о занятіи въ Стебномѣ и Ерковцяхъ воловъ на 80 и разнаго скота съ лошадьми на 240 штукъ и въ прочихъ обидахъ: посланными отъ мене къ атаману кошевому войска визового запорожскаго съ старшиною и то вариствомъ ордерами найкрѣпчайше подтверждено всѣхъ тѣхъ злодѣевъ всепрілежнѣйше сыскивать и сюда ко мнѣ присылать за карауломъ, а

заграбленное ими въ польскихъ селахъ имущество, скотъ и прочее, по отысканію, все обиженной стороны претендентамъ польскимъ, кому въ томъ повѣрено будетъ, отдать за роспискою безъ всякаго удержанія; по которымъ ордерамъ съ тѣхъ злодѣевъ гайдамакъ поймано точію десять человѣкъ въ Сѣчи запорожской нарочными командами, и отъ кошевого атамана ко мнѣ прислано въ Глуховъ, а бывший надъ ними ватагъ Иванъ Кудимъ тамо въ Сѣчи запорожской по ихъ обычаю въ страхъ другимъ повѣщенъ. При учиненіи же надъ тѣми десятию человѣки гайдамаками въ судѣ войсковомъ генеральномъ слѣдствіи, оные гайдамаки въ томъ разграбленіи польскихъ пожитковъ скота и прочаго винились и показали, что они съ товарищи (коихъ всѣхъ при означенному ватагу Кудиму находилось 116 человѣкъ) разграбили польское село Звяногородку и побравши у тамошнихъ жителей деньги и различныя фанты, такожь рогатый скотъ и прочее отогнавъ съ собою, раздѣлили межъ себя тое все при рѣчкѣ Грузной, по которому де подѣлу съ тѣхъ пожитковъ изъ скота довелось на всякаго человѣка по трою поголовя, да на десяти человѣкъ по одной лошади, а денегъ по 30 копѣекъ, и другіе пожитки, что кому довелось, и изъ той же добычи, что надлежитъ до пожитковъ, то едни попродали, другіе поносили, а деньги и скотъ въ некоторый болшею частію въ прокормленіе себѣ употребили, а въ некоторый роздаровали, распродали, прочій же въ Сѣчи запорожской разнымъ куреннымъ атаманамъ и ко-

закамъ оставили; и по учиненномъ въ судѣ войсковомъ генеральномъ рѣшеніи, изъ оныхъ десяти человекъ гайдамакъ, какъ за тѣ ихъ чинимые въ польскихъ мѣстахъ грабительства, такъ и за неприятельское ихъ противъ російскихъ командъ сраженіе, приговорены девять человекъ смертной казни, а вмѣсто одной отправлены въ ссылку въ Рогорникъ, а единъ точію изъ нихъ оставленъ за болѣзнію и нынѣ адѣсь при судѣ генеральномъ подъ карауломъ содержится; а сего мая 2-го хотя атаманъ кошевой Іакимъ Игнатовъ мнѣ репортовалъ, что де изъ означеннаго заграбленнаго въ польскомъ селѣ Звинигородкѣ изъ отбитаго отъ нихъ гайдамакъ посланными за есыскомъ ихъ партіями рогатаго скота 131 штуку возвращено отъ Сѣчи въ польскую сторону звинигородскимъ обывателямъ Кондрату Зарѣвненку съ товарищи за роспискою, съ которой и конія при томъ приложена, однако и нынѣ посланнымъ отъ мене къ оному атаману кошевому съ старшиною и товариствомъ ордеромъ найстрожае подтверждено и достальной весь скотъ, оставленный гайдамаками въ Сѣчи запорожской у куренныхъ атамановъ и козаковъ по приложенному при томъ реестру, яко они именно въ роспросахъ своихъ показали, у кого сколько какого скота оставили либо продали или даровали, самую екоростію отыскавъ, а у кого по тому реестру не могло бы быть чего въ наличествѣ, за то все деньгами настоящею цѣною безъ всякой поблажки донравя, содержать въ цѣлости въ добромъ смотреніи при

кошѣ и о томъ прислать ко мнѣ репортъ немедленно; въ прочемъ же о поискахъ надъ гайдамаками и совершенномъ искорененіи оныхъ и воровства ихъ найприлежнѣйшее имѣть старательство и всѣ тѣ мѣры брать и способы изыскивать, кои бы къ достиженію въ томъ желаемого успѣха служить могли, и толь наипаче въ настоящемъ вѣшнемъ и будущемъ лѣтнемъ времени, которое къ поиску надъ ними способнѣйшимъ есть; а что принадлежитъ до не пропуска никого изъ запорожскихъ козаковъ ни для чего въ польскую сторону, о томъ бы всемъ поступалъ по силѣ прежнихъ многихъ данныхъ отъ мене ему кошовому наставленіевъ со всякою ревностію неотмѣнно; вашему впр—ву для извѣстія сообщаю, а въ Госуд. Кол. Ин. дѣль обо всемъ семъ отъ мене писано“.

Но полученіи этого письма Леонтьевъ увѣдомилъ гетмана Браницкаго 1 іюня, что „131 штука скота отысканы и отданы звинигородскимъ обывателямъ Кондрату Заривненку съ товарищи; что же касается до поимки и искорененіи гайдамаковъ, то неинако какъ сильныя въ російскихъ заднѣпрскихъ мѣстахъ, драгунскіе и гусарскіе и козацкіе команды и по всѣмъ воровскимъ ихъ слѣдамъ весьма частыя учреждены партіи и заставы и непрерывныя разъѣзды, о чемъ уповаю и польское пограничное шляхетство и управители засвидѣтельствовать могутъ“.

Изъ дѣлъ о польскихъ выходцахъ.

Между многочисленными выходцами изъ Польши, православными посполитыми людьми, о которыхъ сохранилось множество „дѣлъ“ прошлаго вѣка, встрѣчаются и шляхтичи поляки, искавшіе „вѣчнаго подданства“ въ Россіи и поселявшіеся на лѣвомъ берегу Днѣпра въ вышней полтавской губерніи. Имѣя въ виду особо коснуться какъ издававшихся въ прошломъ столѣтіи много разъ правилъ относительно приѣма выходцевъ изъ Польши, такъ и практическаго примѣненія этихъ правилъ, сообщаемъ здѣсь пока свѣдѣнія о привилегированныхъ такъ сказать выходцахъ изъ Польши.

1.

Дѣло ген. войск. канц. 1754 г. „о вышедшемъ съ польской области тамошнему родимцу Ольшевскому на жительство въ полкъ переяславскій для вѣчнаго въ Россійской Имперіи подданства“.

1753 года 30 ноября полковникъ переяславскій Сулима подалъ въ генер. войсковую канцелярію „доношеніе“ такого содержанія: „Сотникъ трахтеміровскій Савва Гриневиць доношеніемъ полковой переяславской канцеляріи представилъ, яко съ той

стороны Днѣпра съ села Зарубинець полякъ Иванъ Ольшевскій съ женою его, кой де шляхтичу тамошнему Войцеху служилъ, пришелъ и желаетъ российскому государству служить; въ чемъ оный сотникъ Гриневичь отъ полковой канцеляріи переяславской просилъ опредѣленія. А сего жъ теченія 23 дня Фелиціанъ, чесникъ мстиславскій, и Іосифъ Куровскіе пишутъ въ полковую канцелярію, показывая, что оный Ольшевскій, будучи де въ с. Зарубинцахъ, брата ихъ умершаго Войцеха Куровскаго, скарбника нурскаго, у смотрѣнія оного села, яко въ откупѣ состоящаго, чрезъ двѣнадцать годъ все имущество оного ихъ брата растирять; а наконецъ де жена оного Ольшевскаго чародѣйствомъ показаннаго же брата ихъ смерти предала, и требуетъ Ольшевскаго съ женою его присылки и отдачи. Но напротивъ того ноябра 27 д. отъ упомянутого Ольшевскаго подъ высокимъ его ясневельможности графа Кир. Григ. Разумовскаго именемъ въ полковую переяслав. канцелярію въ какомъ содержаніи подано доношеніе, оное съ его сообщеніями также и письмо предпоказанныхъ Куровскихъ, съ польскаго на российскій діалектъ переведенное, генер. войск. канц. подъ разсмотрѣніе при семъ докладую, и что отъ ген. войск. канц. опредѣлено будетъ, дожидаясь на то резолюціи; а донеле она послѣдуетъ, показанный Ольшевскій здѣсь задержанъ быть имѣеть“.

При „доношеніи“ Сулимы приложено два письма: одно Куровскихъ и другое выходца Ольшев-

скаго. Куровскіе въ письмѣ, на имя судьи полка переяславскаго, заявляютъ, „что покойный братъ ихъ Войцехъ Куровскій, скарбникъ нурскій, содержалъ тутъ надъ Днѣпромъ с. Зарубинцы, въ которомъ на правленіи будучи Иванъ Ольшевскій съ женою своею Анною чрезъ двѣнадцать годъ все имущество умершаго брата нашего въ ничто обращая, такъ деньги, яко и прочіе пожитки, терялъ; и наконецъ оная жена Ольшевскаго, хотючи смерти предать, очарованіями своими, брата нашего жизни лишила, которыхъ мы подъ арешть и въ кайданы взяли, откудава чрезъ волшебства своя и сатанинскую помощь за границу убѣжали въ Переяславль. О чемъ покорно просимъ вельможныхъ м—цѣ пановъ добродѣевъ зъявить милостивый респектъ, и оныхъ, яко точныхъ убійцовъ, воровъ и истребителей житія людскаго, приказать выдать, яко жъ такое безчиніе нигдѣ въ защищеніи не долженствуетъ быть; ибо и у насъ дѣлается, что равныхъ злочинцевъ, убѣгающихъ за границу, выдаемъ, какъ и нынѣ я. м. панъ рейментаръ нашъ выдалъ трехъ солдатовъ и сербовъ, которые убѣжали были, какъ ихъ до границы конвоевано. Почему и мы чаятельное по ласковой вельможныхъ м. пановъ милости въ занесенномъ отъ насъ иску получить вадлежащую расправу, а мы обовязательны быть имѣемъ къ услугѣ; ежели жъ бы мы тое получить не могли, то объявляемъ, что принуждены будемъ средства искать, и въ кiev. губернію занести искъ, занеже намъ не малая нужда состоитъ

не токмо о пожитку, но и о пресѣченіи житія покойнаго брата нашего, понеже разныя имѣнія и деньги завременно за границу поывадали, о которыхъ документально и знать не можемъ, только что нынѣ предъ умертвіемъ брата нашего дала въ Зарубинцы Михайловѣ къ сохраненію сорокъ руб., на что имѣются свидѣтели и готовы присягты, что тое видѣли, и самъ Михайло объявилъ въ корчмѣ зарубинской: „только бѣ моя панѣ Ольшевска здорова, то у мене деньги будутъ“, и нынѣ взялъ сорокъ руб.; на что охотно ожидаемъ разсмотрѣнія отъ вельможныхъ м. пановъ добродѣевъ“.

Иванъ Ольшевскій въ письмѣ, поданномъ въ полк. переяслав. канц. на имя графа Разумовскаго, говоритъ: „я нижайшій съ женею моею не могъ отколѣ снабдѣть себѣ пропитаніе; къ провскамъ того принялъ былъ службу въ шляхтича Куровскаго, отъ коего въ пограничное с. Зарубинцы опредѣленъ былъ по тамошнему губернаторомъ, а по здѣшнему обыкновенію старостою. Какъ же оной Куровскій сего году въ сентябрѣ отѣхалъ въ Польшу къ брату своему съ намѣреніемъ жениться, гдѣ болѣе десяти недѣль болѣзнію волею Божію умре, и я, неизвѣстенъ будучи о его умертвіи, по чая его въ живыхъ, зборные съ той его откупной маентности деньги сто двадцать пять руб. къ нему въ с. Воини повезъ, то его братья Иванъ, Филиппъ и Іосифъ Куровскіе, тѣ всѣ деньги тамо отъ мене отобравъ, и заразъ такъ цервѣ мене, яко посла съ оныхъ Куровскихъ Іосифъ поѣхалъ въ с.“

Зарубинцы и тамъ нечаянно ночью жену мою взявъ подъ караулъ въ с. Коробочки, гдѣ онъ жительствуетъ, и заковавъ въ желѣза, подъ крѣпкимъ карауломъ тѣснили, устрашая разными немалыми страхами и мученіемъ смертнымъ безъ всякой и малѣйшей нашей вины весьма напрасно. Позосталое жъ умершаго ихъ брата Юрія Куровскаго разное имѣніе и кромѣ того мое собственное, съ женою моею нажитое и заслуженное въ ономъ с. Зарубинцахъ, все безъ остатка забрали себѣ насильно. И яко я нижайшій неннако польскій родимецъ, по тамошнему обращенію довольно предъувидѣвъ, вѣдать могу совершенно тамошнія крайнія непорядочества и самоуправіе таково, яко богатые шляхтичи убогихъ не только въ желѣза ковать и въ крайнюю неволю заключать, но въ удовольствие свое и до смерти всякими мучительствами безвинно мордировать имѣютъ волю, и то дѣйствительно тамо въ нихъ происходитъ, какъ то и паче безпомощному мнѣ съ женою моею явно видно мнѣ неминуемо слѣдовало, — для того, егда мнѣ отъ оныхъ оковъ и неволи свобода учинена, въ больше время сохраняя свой животъ, и изымая жену мою отъ напрасной смерти, особливо же предъубѣгая тамошнихъ самоуправій и самовольныхъ прогресовъ, пожелалъ въ правосудномъ и всеславномъ государствѣ житьствовать, взявъ жену мою съ подъ караулу, подъ высочайшую и всемоцнѣйшую всероссійскую державу нынѣ перешелъ, и за своемъ переходѣ въ г. Переяславѣ безукрывательно обрѣтаюся“. Далѣе

Ольшевскій, говоря объ обвиненіяхъ, взводимыхъ на него Куровскими, объясняетъ ихъ местию за переходъ свой изъ Польши въ русское подданство. Въ заключеніе своего письма Ольшевскій проситъ: „во всероссійскую державу мене низайшаго съ женою моею принять; а о той напаственно и злобно показываемой отъ Куровскихъ претензіи, чего я къ отводу съ женою моею безсумнителенъ, буде оное доказывать пожелають; тако жъ и о заграбленномъ ими моемъ имуществѣ, о коемъ у сего реестръ представляю, изслѣдовать, съ чего бъ все явственно оказаться могло, по пограничной польской коммисіи и по слѣдствію въ удовольствіе справедливой стороны учинить высокомилостиво повелѣть“.

Генер. войск. канц. въ докладѣ графу Разумовскому по дѣлу Ольшевскаго представляетъ: „въ полученномъ въ генер. канц. 749 г. мая 14 д. съ правит. сената указѣ между прочимъ изображено: прав. сенату коллегія иностр. дѣлъ объявила о вышедшемъ въ подданство на житіе въ Малую Россію изъ польскаго мѣстечка Шклова поповичу Ивану Орловскому, о которомъ, такожъ и впредь о такихъ же польскихъ жителяхъ, приходящихъ въ вѣчную службу, по приѣмѣ отъ той Коллегіи Иностр. дѣлъ ген. войск. канц. требовала указу; а въ трактатахъ де между Россійскою Имперією и королевствомъ польскимъ вѣчнаго мира 1686 г. постановлено: перебѣзчиковъ и прочихъ непослушныхъ людей изъ другой стороны не принимать, а о прочихъ же умолчано. Поляки, какъ извѣстно, русскіихъ

людей не только бѣглыхъ, но и самыхъ воровъ въ противность трактата принимаютъ и по требованію не выдаютъ, и хотя же, по мнѣнію той Коллегіи Иностр. дѣлъ, тѣмъ полякамъ, кои въ Россію изъ Польши не уходятъ, но яко свободные, и такъ най-паче, что они изъ вольного народа, на житіе и въ подданство приходятъ будутъ изъ польской стороны, объ нихъ претензій не послѣдуетъ, отказывать въ томъ и отгонять ихъ видится не для чего; однако же собою оная Коллегія учинить не можетъ и для того объ ономъ къ резолюціи представили правит. сенату, а въ генер. канц. изъ оной Коллегіи писано, чтобъ впредь о такихъ выходящихъ изъ Польши на житіе въ Малую Россію и въ подданствѣ быть желающихъ тамошнихъ свободныхъ, изъ польской стороны нетребуемыхъ людяхъ, къ резолюціи доносить въ правит. сенатъ съ надлежащимъ представленіемъ объ нихъ мнѣнія и съ объясненіемъ, какъ напредъ сего въ Малой Россіи съ таковыми выходцами поступано; а изъ перебѣзчиками поступать по трактату, и велѣно тѣмъ правит. сената указомъ о приходящихъ польскихъ жителяхъ въ Россію на житіе въ подданство не уходятъ быть по мнѣнію оной Коллегіи Иностр. дѣлъ, а съ перебѣзчиками поступать по трактату, а сколько ихъ всѣхъ выйдетъ, о томъ въ сенатъ репортовать; особливо же въ прошломъ 1710 году февраля 27-го государственный великій канцлеръ графъ Головкинъ письмомъ своимъ къ покойному гетману Скоропадскому объявлялъ: извѣстно де Его Царскому Ве-

личеству учинилось, что изъ Литвы изъ сенаторскихъ и шляхетскихъ маестностей крестьяне многіе бѣгутъ и селятся на украинѣ, и за тѣмъ предлагалъ указомъ Его Царскаго Величества, чтобы онъ, гетманъ Скоропадскій велѣлъ ихъ обнадеживать, дабы оныя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поселились, жили безъ всякаго опасенія; да и онъ же государственный канцлеръ къ нему гетману Скоропадскому въ 718 г. генваря 15 д. писалъ, что де, въ 717 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ будучи въ Санктпетербургѣ, присланный отъ чиновъ великаго княжества литовскаго посломъ воевода Троцкій-Огнискій просилъ Его Царское Величество съ докучностію, что изъ маентности его съ Польши и Литвы многіе подданные его сбѣжали за рубежь въ малороссійскіе города, и дабы о сѣиску оныхъ дать указъ; и потому де его многomu прошенію дана ему изъ посольской канцеляріи о сѣиску и объ отдачѣ бывшихъ подданныхъ его, ежели жъ оныя явятся въ малороссійскихъ городѣхъ, и къ нему гетману грамота, и онъ, гетманъ, когда съ него отъ помянутаго воеводы Троцкаго кто къ нему прибудеть о сѣиску бѣглыхъ его подданныхъ, поступилъ бы по своему разсмотрѣнію, и ежели де въ Малой Россіи и явятся гдѣ изъ подданныхъ его бѣгле, то въ удовольство ему, воеводѣ Троцкому приказалъ бы отдать изъ нихъ нѣскольکو, а обо всѣхъ въ глубь не сыскивать; и буде много и россійскихъ поданныхъ бѣглыхъ въ Польшѣ и Литвѣ обрѣтается, и о выдачѣ оттуда хотя де многократно и королевскому величеству

грамоты Царского Величества о томъ посланы, но нимало не воспослѣдовало. И хотя россійская генер. канц. къ наблюденію мнѣнія Государ. Иностр. дѣль Коллегіи того, которое значится въ указѣ правит. сената 749 г. о поповичѣ Орловскомъ, состоявшемъ по другимъ вышезначающимъ обстоятельствамъ, содержать такое разсужденіе, что тѣхъ поляковъ, кои въ Россію съ Польши не уходятъ, но яко свободные, и толь найпаче, что оныя изъ вольного народу на житіе и въ подданство приходятъ будутъ, отгонять ихъ не слѣдуетъ, яко еще о семъ нѣтъ ниоткуда точнаго повелѣнія, чтобъ отдавать обратно такихъ, кои изъ шляхты по своей волѣ перейти имѣли бѣ и обовязались бы вѣчною службою въ россійской державѣ; а что касается до исполненія трактата, то оный въ его силѣ и содержанъ быть можетъ; яко оный въ томъ больше разумѣется, что принадлежитъ до бѣгающихъ изъ подданства людей, объ которыхъ и претензіи бывають. Если жъ принадлежитъ до того, что есть жалоба и на сего нововышедшаго шляхтича Ольшевского отъ шляхтичей же Куровскихъ, то, какъ и самъ Ольшевскій сего желаетъ и просить, можно точно разобрать слѣдствіемъ при пограничной польской комисіи, куда и самого его Ольшевского отправить слѣдоватиметь. Однакъ понеже сіе касается до собственного благо-разсмотрѣнія В. Я., того ради генер. войск. канц., сообща при семъ доношеніе полковника переяславского съ приложеніями, въ томъ числѣ и съ тѣмъ Ольшевского доношеніемъ, которымъ онъ обовязи-

вается быть вѣчно въ службѣ Ея Императорскаго Величества, представляет обо всемъ ономъ подъ высокое Я. В. благоусмотрѣніе и что повелѣно будетъ, ожидаетъ высокоповелительной резолюціи“. Этотъ докладъ подписали 1753 г. декабря 15-го Семенъ Кочубей и Михайло Скоропадскій.

Графъ Разумовскій, согласно докладу генер. войск. канц., сдѣлалъ представленіе въ Коллегію Ин. дѣлъ о принятіи въ русское подданство Ивана Ольшевскаго. На его представленіе 1754 г. 18 апрѣля послѣдовала высочайшая грамота такого содержанія: „на листъ вашъ, отъ 4 генваря сего года, въ резолюціи объявляется: понеже посланнымъ изъ нашего Сената, отъ 13 мая 1749 г., въ генер. войск. канц. указомъ велѣно приходящихъ въ Россію на житіе и въ подданство поляковъ такихъ принимать, которые изъ Польши не уйдомъ, но яко изъ вольнаго народа свободные приходятъ будутъ, и съ польской стороны претензій объ нихъ не послѣдуетъ, а съ перебѣзчиками поступать по трактату между Россійскою Имперіею и королевствомъ польскимъ вѣчного мира, въ 1686 г. заключенному, въ которомъ выставлено: перебѣзчиковъ и непослушныхъ людей одной и съ другой стороны не принимать. А вы въ упомянутомъ листѣ своемъ представляете, что польскіе шляхтичи Филиппъ и Осипъ Куровскіе въ переясл. полк. канц. писали съ требованіемъ выдачи оного Ольшевскаго въ ихъ польскую сторону, показывая, что онъ, будучи въ означенномъ с. Зарубинцахъ смотрителемъ, все имѣ-

ніе брата ихъ Войцеха Куровского, скарбника нурского, растерялъ, и что жена его, Ольшевского, показанного брата ихъ чародѣйствомъ смерти предала; за что онъ, Ольшевскій, съ женою его и арестованы были, токмо бѣжали въ Переяславль; да и оной Ольшевскій самъ въ поданномъ въ переясл. полк. канцелярію доношеніи всемъ показалъ, что онъ съ женою его въ службѣ означенныхъ Куровскихъ у брата Юрія *) въ пограничномъ его селѣ Зарубинцахъ прикащикомъ былъ, и яко бы по нападкамъ братьевъ Куровскихъ, сохраняя себе и жену свою отъ напрасной смерти, изъ Польши бѣжалъ. Того ради повелѣваемъ вамъ, нашему гетману, приказавъ оного Ольшевского, яко бѣглеца и несвободнаго и къ выдачѣ требуемаго, въ наше подданство и службу не принимая, выслать и съ женою его за границу въ Польшу безъ замедленія, и о таковой высылкѣ означеннымъ требователямъ Куровскимъ изъ переясл. полк. канц., куда они писали, пристойнымъ образомъ дать знать. А впредь съ выходящими въ Россію на житіе и въ подданство поляками поступать по вышеписанному, посланному изъ нашего сената 13 мая 1749 г. указу, непременно“.

Иванъ Ольшевскій при письмѣ въ переясл. полк. канц. представилъ слѣдующую вѣдомость о своемъ имуществѣ, оставшемся у Куровскихъ: „ре-

*) Куровскій, у котораго Ольшевскій былъ управляющимъ, называется то Войцехомъ, то Юріемъ: вѣроятно, по обычаю католиковъ, онъ носилъ двойное имя.

есть, что Куровскіе нашихъ движимыхъ добръ забрали, значится по сему, а именно: лошадь шерстью половая шестой паши цѣна 10 р., пистолетовъ пара подь оправую 3 р., карабинъ добрый 5 р., сабля добрая 2 р. 50 к., шкура нечиненная шкапска 70 к., лошакъ однолѣтокъ 1 р. 50 к., волось пара 11 р., коровъ чтыри съ тремя телятами 15 р., овецъ старыхъ одинадцать, молодыхъ десять 7 р. 50 к., хомуть добрый 1 р. 30 к., возъ воловій съ шворнемъ желѣзнымъ 50 к., хутро подь бѣлыми баранками новое 1 р. 50 к., камизелька, дымова сподница 9 р., сукенка каламайкова 3 р. 50 к., сподница и камизелька каламайкова 1 р. 50 к., сорочекъ женскихъ пятнадцать, да полотна пять аршинъ 8 р. 25 к., килимъ простой работы 40 к., хутро сѣрое подь сукномъ 1 р. 50 к., мониста каралей три шурка 2 р., хутро заячье подь сукномъ 1 р., лѣтникъ суконный 1 р. 50 к., вовны пряденой два локотника 14 к., постель съ пирникомъ и подушками 2 р., кошуль мужскихъ пять 1 р. 20 к., чеботы жевтые турецкіе сафьяновые 1 р., дарованный отъ Юрія Куровского кунтушь, да жупанъ кармазиновый 2 р. Далѣе пересчитывается, сколько осталось какого хлѣба у Куровскихъ и наконецъ слѣдуемаго за три года жалованья—30 руб.

II.

Дѣло 1753 г. «за грамотѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ съ присякою Ивана Цибулевскаго, также челобитыя его и приложеніемъ разныхъ».

Это весьма обширное дѣло, о бывшемъ въ Миргородскомъ полку смотрителемъ вадъ посполитными людьми при свободныхъ войсковыхъ мѣстностяхъ Иванъ Цибулевскомъ, обвиняетъ періодъ времени съ 1742 года по 1760 г. Въ него вошло 28 дѣлъ по жалобамъ обывателей Миргородскаго полку на Цибулевскаго и по жалобамъ его на козацкихъ старшинъ „съ ихъ подкомандными“. Интересна исторія этого Цибулевскаго, описанная имъ самимъ въ одной челобитной. Уроженецъ и подданный Польши, онъ, при вступленіи русской арміи въ Польшу въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, перешелъ на сторону русскихъ и „чинилъ арміи вспомошествованіе, многажды посылавъ былъ для провѣдыванія сопротивныхъ партій и для поимки неприятелей, а въ 1737 году, во время съ турками войны, отъ генерала Неплюева посылавъ былъ къ туркамъ шпіономъ, для провѣдыванія ихъ намѣренія, гдѣ о вступленіи турецкой арміи и согласность поляковъ, кои провіантъ на урочищѣ рѣчки Мака-

рихи туркамъ производили и, какъ шпионовъ 7 человекъ въ Малороссію отправляли, я (пишетъ Цибулевскій), нижайшій, провѣдавъ о всемъ томъ ему, Неплюеву, по должности своей вѣрно представилъ, то онъ, Неплюевъ, за оными шпионами, для провѣдыванія внутри малоросейскихъ городовъ и мѣстъ нижайшаго изъ Кіева отправилъ, которые шпионы неусыпными моими трудами и сысканы и по приводѣ ихъ въ г. Переяславль къ генералу Румянцеву, по розысканію дѣла, отъ Липлявскаго до Секирянскаго фарнестовъ надъ Днѣпромъ оныхъ шпионовъ повѣсили; за которые мои вѣрнорядѣльные Е. И. В.—ству службы оный ген. Румянцевъ опредѣлил въ полку Гадячкомъ въ м. Груни быть мнѣ дозорцею⁴.

Козаки и посполитые, привыкшіе подчиняться только выборнымъ изъ своей среды начальникамъ, не могли отнестись дружелюбно къ человеку такой сомнительной нравственности, каковъ былъ Цибулевскій, и потому на него стали во множествѣ поступать жалобы „въ бывшую канцелярію министерскаго правленія отъ многихъ жителей мѣстечка Груни и сель, до оного принадлежащихъ, такъ козаковъ яко и посполитыхъ, до замку Гадячскаго вадлежащихъ, о починенныхъ Цибулевскимъ тѣмъ козакамъ и посполитымъ обидахъ“. По всѣмъ этимъ жалобамъ, въ войсковомъ генеральномъ судѣ іюня 18-го 1742 г. состоялось рѣшеніе: „по нѣкоторымъ пунктамъ оного Цибулевскаго съ удовольствіемъ обидимыхъ обвинено, въ нѣкоторыхъ непорядочныхъ

поступкахъ, а именно: въ употребленіи забраннаго овса, въ взятѣ съ обывателей накладныхъ и другихъ денегъ, въ побояхъ людей, въ заборѣ отбѣжескихъ хатъ и въ прочемъ Цибулевскій самъ виновился, для того онъ долженъ быть за тѣ непорядочныя поступки отъ дозорчества отставленъ“; рѣшеніе это сообщено въ канцелярію министерскаго правленія, въ вѣдомствѣ коей состоялъ Цибулевскій. Цибулевскій обратился въ Прав. Сенатъ съ прошеніемъ, въ которомъ писалъ: „въ разсужденіе моего иностранства и учивенныхъ Россійской Имперіи услугъ, за оставленіе мое въ Польшѣ грунта, движимаго и недвижимаго имущества, для безнужднаго мнѣ съ женою и дѣтьми пропитанія, опредѣлить въ Малой Россіи къ какому дѣлу съ надлежащимъ жалованьемъ“. Указомъ Пр. Сената 1746 г. Цибулевскій опредѣленъ былъ смотрителемъ „надъ посполитыми людьми, которые въ то время были въ вѣдомствѣ комисіи экономіи, въ Миргородскомъ полку въ сотняхъ Власовской, Кременчугской и Потоцкой, при свободныхъ войсковыхъ маетностяхъ, описныхъ на Ея И. В.“ Гр. Разумовскій, принявши гетманство, уничтожилъ эти должности въ 1750 г. и Цибулевскій „вмѣстѣ съ прочими бывшими при другихъ свободныхъ маетностяхъ такими жъ смотрителями отрѣшенъ и остался безъ дѣла“.

Въ бытность Цибулевскаго смотрителемъ, поступило на него въ генер. войск. канц. множество жалобъ въ 1748, 49 и 50 годахъ. Обыватели жаловались на „гвалтовное“ нападеніе на дома, за-

владѣніе имуществомъ, грабежи, побои, смертоубійства, незаконное содержаніе въ тюрьмахъ, подъ карауломъ, поборы, насильственное принужденіе козаковъ къ отбыванію повинностей, лежавшихъ на посполитыхъ, оскорбленіе Миргородской полковой канцеляріи, употребленіе „подданныхъ описныхъ въ свои партикулярные работы“ и проч.

Такъ какъ Цибулевскій состоялъ въ вѣдѣніи „экономіи комисіи“ которая подчинена была канцеляріи министерскаго правленія, то всѣ эти жалобы переданы были въ означенную комисію, которая, по указу министерской канцеляріи, поручила полтавскому смотрителю совѣтнику Голенищеву-Кутузову „при нарочно опредѣленномъ отъ полковой Миргородской канцеляріи“ произвести по этимъ жалобамъ слѣдствіе.

Производилъ ли какое слѣдствіе Голенищевъ-Кутузовъ или нѣтъ, объ этомъ свѣдѣній при дѣлѣ не имѣется.

Въ концѣ 1750 г. Цибулевскій вмѣстѣ съ прочими смотрителями былъ уволенъ отъ должности и съ этого времени сталъ осаждать Императрицу, Госуд. Кол. Иностр. дѣлъ и гр. Разумовскаго жалобами на козацкихъ старшинъ и просьбами о мѣстѣ и о награжденіи за оказанные Россіи услуги. 9-го августа 1750 г. писалъ онъ (въ генер. войск. канц.) что сотники тѣхъ мѣстечекъ, гдѣ былъ онъ смотрителемъ, заграбили его имущество, „пчелы, тарадайку, шкуры, коверецъ да приготовленнаго на отхожихъ посполитскихъ поляхъ до 5

скирдъ сѣна“. По требованію генер. канц. Миргородская полк. канц. произвела разслѣдованіе и донесла, что пчелы и тарадайка удержаны по ордеру суди полковаго Остроградскаго „за набрана съѣстныхъ и питейныхъ речей въ разныхъ обывателей, за оковку будки и за разныя работы“, что сѣно накошено Цибулевскимъ не на свободныхъ земляхъ, а на козачихъ и посполитыхъ и не наемными людьми, а посполитыми, для переходящихъ полковъ, что никакого имущества Цибулевскаго не заграблено. Цибулевскій подалъ жалобу въ Государ. Кол. Ин. дѣлъ и приложилъ реестръ ограбленнаго у него имущества; въ этомъ реестрѣ означено: „1) омельницкій попъ Саговецъ“ взялъ у него двѣ лошади цѣною въ 40 р.; 2) потоцкій житель Саговецъ, напавши, отнялъ саблю турецкую „добрую“ и хотѣлъ „умертвить“ его; 3) кременчугскій житель Панченко напалъ на сына его и отнялъ сѣдло; 4) потоцкій сотникъ Юрій Сахатовъ своимъ табуномъ выбилъ 30 конь пшеницы и взялъ вола сѣраго; 5) „видя я свое несчастіе, что мнѣ въ Малороссіи за нападеками прожить невозможно, ѣхалъ къ генералу Глѣбову, чтобъ онъ принялъ меня въ свое охраненіе, то писарь Коталѣвъ напалъ и сорвалъ съ меня эпанчу добраго сукна съ золотыми пуговицами; 6) потоцкій козакъ Павелъ Кобзарь содралъ съ моей живой коровы шкуру, да и прочихъ обидъ многими обывателями много мнѣ причинено, о которыхъ и вспомнить не могу“. Жалоба эта передава была гр. Разумовскому, который пре-

проводилъ ее къ полковнику Миргородскому Троцкому. 16 января 1752 г. Цибулевскій опять подалъ жалобу, что „по его жалобѣ никакой резолюціи не učinено, что не точію арештованныхъ старшиною его пожитковъ не возвратили, но еще въ отсутствіи его изъ дому разныя обиды и озлобленія приключили и въ крайнее разореніе привели“, и при этомъ просилъ „въ разсужденіе моего иностранства и учиненныхъ къ сторонѣ россійской имперіи услугъ, для безнужднаго съ женою и дѣтьми пропитанія опредѣлить въ малой россіи къ какому дѣлу съ надлежащимъ денежнымъ жалованьемъ“. Высочайшею грамотою изъ коллегіи иностр. дѣлъ поручено гр. Разумовскому „черезъ нарочныхъ, достойныхъ людей“ произвести разслѣдованіе по жалобамъ Цибулевскаго и опредѣлить его къ какому дѣлу „дабы онъ яко чужестранецъ съ женою и дѣтьми безъ пропитанія неостался“. Разумовскій предписалъ Миргородской полковой канцеляріи произвести разслѣдованіе и заграбленныя вещи возвратить Цибулевскому безъ удержанія. Такое направленіе дѣла было не по душѣ Цибулевскому; онъ зналъ, что всѣ власти Миргородскаго полку ненавидятъ его и не надѣялся на ихъ справедливость. Подавая свои челобитныя, онъ разсчитывалъ, что Государ. Кол. Иностр. дѣлъ предпишетъ отдать ему его имущество безъ всякаго слѣдствія, а главное надѣялся на полученіе мѣста. Получивши изъ генер. войск. канц. ордеръ къ „миргородской старшинѣ“ о производствѣ слѣдствія по его жалобамъ, Цибулевскій 21 генваря

1752 г. пришелъ въ ген. канц. и хотѣлъ войти въ контору „самовольно; караульный сказалъ ему, что въ контору входить съ докладомъ, то онъ, не слушая, тронулъ караульнаго, набраня каналью, сильно ворвался и, пришедъ въ контору, гдѣ генеральная старшина имѣетъ засѣданіе, сталъ продерзостно и досадно говорить, что меня посылаете въ руки моихъ обидителей, и данный ему ордеръ къ миргородской старшинѣ отдалъ обратно“; на это объявлено ему, что жалобы его отправлены въ Миргор. полк. канц. по приказу гетмана и что въ рѣшеніи его дѣла не будутъ участвовать старшины, на которыхъ онъ жалуется, но „другіе полковая старшина разсмотрѣніе учинять“, однако онъ на то продерзостно съ великимъ крикомъ говорилъ, яко онъ не поѣдетъ съ тымъ ордеромъ, вы де мене хотите задавить или я самъ себе зарѣжу; за якіе его продерзости и непристойные, бранные слова приказано ему изъ конторы выйти прочь; а когда онъ упрямялся и кричалъ, то велѣно караульнымъ вывести; когда начали его выводить, то онъ кричалъ и бранилъ караульныхъ и хотѣлъ выхватить саблю свою, но караульные не допустили и силою вывели“. По докладу объ этомъ Разумовскому, ордеромъ отъ 23 ген. сообщено имъ въ канцелярію, что хотя за эти дерзкіе поступки и слѣдовало бы наказать Цибулевскаго, но во вниманіе того, что онъ былъ арестованъ, то этотъ арестъ вѣннить ему въ наказаніе, изъ подъ караулу освободить, саблю возвратить; а такъ какъ Цибулевскій присланъ изъ Кол-

чію безъ вѣдома комисіи оногожъ числа невѣдома куда тайно уѣхалъ и притомъ объявлялъ, что онъ уже никогда, хочай сколько будетъ нарочныхъ за нимъ посланно, въ ту комисію не поѣдетъ, а отъѣдетъ въ Москву“. Канцелярією велѣно смыскать Цибулевскаго и обязать подпискою никуда не отлучаться, а „чтобы онъ не проѣхалъ тайно въ Москву и тамъ не наносилъ бы гдѣ либо нареканія, что дѣлу его конца нѣтъ, донестъ Ясневельможности о невѣдомой отлучкѣ и укрывательствѣ Цибулевскаго отъ слѣдствія“. Разумовскій, сообщая о полученіи этого дозвѣнія, пишетъ, что Цибулевскій 7 февраля 1754 г. явился къ нему въ Москвѣ и подалъ жалобу, что слѣдователи производятъ слѣдствіе „съ посяжкою на него, ибо по его жалобамъ ничего еще не начинали и разграбленныхъ его пожитковъ доселѣ не отыскивали, а требуютъ его къ отвѣту по однимъ на него жалобамъ, а обыватели его грабятъ и угроживаютъ бить его, жену и дѣтей до смерти, что ему изъ двора выйти нельзя, слѣдователь же Пирятинскій, пріѣхавъ въ Потокъ, приказалъ всей громадѣ бить челомъ на его, а канцеляристъ Чернавскій, находящійся при томъ слѣдствіи, составляетъ многіе ложные на его прошенія, хотя въ комисію онъ и являлся, но никого изъ слѣдователей не заставлялъ и по такимъ затѣйкамъ оная комисія и по жизнь его окончится не можетъ, и просилъ объ отрѣшеніи тѣхъ слѣдователей и о взысканіи пожитковъ и сатисфакціи за бой его самого, жены и дѣтей“.

Разумовскій 9 марта 1754 г. велѣлъ ген. к—рію назначить новыхъ слѣдователей и велѣть то слѣдствіе производить не въ м. Сорочинцахъ, которое, какъ жалуется Цибулевскій, удалено отъ его жилья, „но въ другомъ какомъ ближнемъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ Цибулевскій и тѣ обыватели, до коихъ слѣдствіе касается, жительство имѣютъ, сотенномъ мѣстечкѣ; и окончить слѣдствіе не далѣе какъ въ три мѣсяца всеконечно, для чего слѣдователямъ до окончанія слѣдствія никуда неотлучатся, дабы о семъ болѣе доуки отъ Цибулевскаго не было, а дабы онъ, Цибул., притомъ слѣдствіи былъ неотлучно, вторично обязать его подпискою“. На основаніи этого генеральная к—рія поручила слѣдствіе бунчуковымъ товарищамъ Кулябкѣ и Максиму Жуковскому, съ строгимъ предписаніемъ немедить производствомъ онаго. Юля 2 го 1754 г. Цибулевскій донесъ въ ген. к—рію, что слѣдствіе до сихъ поръ не начато и что онъ совсѣмъ разорень, к—рія опять строжайше предписала назначеннымъ слѣдователямъ окончить слѣдствіе „въ самомъ кратчайшемъ времени“.

Между тѣмъ Кулябка заболѣлъ, на мѣсто его назначень былъ Богдановичъ, а слѣдствіе все таки не начиналось. Ген. к—рія требовала объясненій отъ назначенныхъ слѣдователей, изъ коихъ Жуковскій донесъ, что онъ не зналъ о назначеніи Богдановича въ комиссію, а съ Кулябкою хотя и сносился о производствѣ слѣдствія, но Кулябка отвѣтилъ ему, что за болѣзнію не можетъ приступить къ слѣдствію.

Такое объясненіе Жуковскаго ген. к—рія признала неуважительнымъ, сдѣлала ему выговоръ и предписала окончить дѣло въ самой скорости „подъ неопускнымъ штрафомъ“.

Коммисія, открывъ свои дѣйствія въ Потокѣ, много времени потратила на приѣмъ дѣлъ отъ Миргородской полковой канцеляріи. Когда же въ концѣ 1754 г. потребовала она къ допросу Цибулевскаго, то изъ сотни Потоцкой получилъ рапортъ, что Цибулевскій 4-го генваря 1755 г. отлучился изъ дому въ г. Гадячъ, „а оттоль якобы наемными лошадьми въ Москву отъѣхалъ“.

16-го февраля Ц. явился опять къ Разумовскому въ Москвѣ и подалъ челобитную, въ которой подробно описываетъ свою біографію и всѣ претерпѣнныя имъ въ Малороссіи бѣдствія. Между прочимъ пишетъ онъ, что полковникъ миргородскій Остроградскій прислалъ къ нему въ домъ команду, которая все въ домѣ разорила, что по его приказу потоцкіе жители „мнимые запорожники, воровскіе Иванъ Мизинъ съ тремя братьями, напавъ на домъ, стреляли изъ ружья и выбили окошка, взявъ жену, били немилостиво, напавъ на мене на дорогѣ, желѣзными келепами били до смерти и кунтушъ и кафтанъ въ лоскутья избили, коимъ цѣна 16 руб. На показанный гвалтъ посылалъ я на всевысочайшее Е. И. В. имя въ полковую миргородскую канцелярію челобитье, то Остроградскій не принялъ и сказалъ: пожалься Боже, что въ смерть его не убили. По доношенію моему В. Я. повелѣли обнаде-

жить меня, яко иностраннаго челоуѣка вѣчнымъ прочитаніемъ съ опредѣленіемъ ранга и съ денежнымъ жалованьемъ, но генеральный писарь Безбородко, изъ одного ко мнѣ недоброхотства, по прошенію полк. Остроградскаго и прочихъ старшинъ, хваляся: я де тебѣ дамся знать, отправилъ меня въ полковую миргородскую канцелярію. Видя, что въ Г. В. К. за злобыми на меня умышленіями писаря Безбородко, сыскать правости не возможно, принужденъ я былъ въ Коллегію Иностран. дѣлъ подать челобитвную, по которой коллегія повелѣла объ обидахъ изслѣдовать и учинить по прежнимъ грамотамъ. Реченный писарь Безбородко, получивъ грамоту коллегіи, обязалъ меня подпискою подъ наказаніемъ двухъ сотъ кіевъ, явится къ слѣдствію въ Миргород. полк. шетную комиссію къ бунчуковому товарищу Пирятинскому и велѣно ему прозвѣсть слѣдствіе о обидахъ, приключенныхъ якобы мною обывателямъ. Означенный Пирятинскій, согласясь съ полк. Остроградскимъ и съ полковою старшиною, посылали по мѣстечкамъ, чтобы обыватели били на меня челомъ, а кто того не похотѣлъ, клали штрафу по 1 р. 20 к., кто похочеть на меня искать, тѣмъ велѣли являться въ слѣдственную комиссію, которая для одной мнѣ волокиты и разоренія отъ жилья моего за 160 верстъ въ г. Сорочинцахъ, и хотя я являлся туда, но изъ слѣдователей никого не заставлялъ, и чрезъ 1753 и 1754 годы по многократнымъ явкамъ ничего не получилъ. Обыватели, съ наученія Остроградскаго,

грабятъ меня и въ конецъ уже разорили и угроживаютъ бить до смерти, и мнѣ за дворъ нельзя выйти, и обрѣтаюсь я аки плѣнникъ въ Малоросію; видя, что въ Малоросіи всѣ согласились меня разорить, и прожить мнѣ невозможно, я ѣздилъ въ Москву къ В. Я. съ прошеніемъ; увѣдомая о семъ, Остроградскій послалъ ложное доношеніе, что я отъ слѣдствія бѣжалъ. Писарь Безбородко угроженіемъ и сумнительными похвалками мнѣ говорилъ, я же что хочу надъ тобою учиню и выгналъ меня изъ Москвы. Того ради прошу за оставленіе во отечествѣ моемъ капитала и наслѣднаго имѣнія и за мои вѣрноподданническіе въ турецкую войну радѣтельные службы и сохраненіе Е. И. В. не малыхъ интересовъ, для моего иностранства, повелѣть, по благоутробному милосердію, чѣмъ набудь наградить, дабы я не могъ понести въ дневной пищи нужду, а заграбленные мои пожитки возвратить, такожь за приключенные мнѣ отъ старшинъ гвалты, грабительства, разоренія учинить съ ними какъ указы Е. И. В. повелѣваютъ“. Въ отвѣтъ на эту жалобу послѣдовалъ ордеръ Разумовскаго въ Ген. К—рію 18 февраля 1755 г., въ которомъ, прописывая жалобу Ц., гетманъ между прочимъ пишетъ, что Ц., обязанный подписками не отлучаться, не долженъ былъ являться въ Москву, но онъ, „презирая тѣ подписки, отъ слѣдствія убѣгаетъ, а въ закрывательство того, являясь здѣсь, подаетъ намъ доношенія, якобы не по его винѣ слѣдствіе не производится, но за небытіемъ слѣдо-

вателей; ежели бы и такъ было, то надлежало ему представить о семъ въ Ген. К—рію, а не сюда безъ вѣдома и пашпорта ѣздить“. Такъ какъ грамотами Кол. Иностр. дѣлъ велѣно „накрѣпко и въ скорости слѣдствіе произвести, того ради онъ взять здѣсь подь караулъ и при семъ подь карауломъ скованнымъ въ Ген. К—рію отсылается и егда привезенъ будетъ отправить въ полкъ Миргородскій къ слѣдствію и велѣтъ содержать его безотпускну, дабы болѣе не убѣгалъ, и, опредѣля вновь слѣдователей добрыхъ, накрѣпко имъ приказать по всѣмъ дѣламъ както о убійствѣ имъ Ц. козацей жены и по другимъ обывательскимъ жалобамъ тотъ часъ изслѣдовать и, учиня экстрактъ, представить съ мнѣніемъ въ Ген. К—рію, а оной, къ вамъ съ своимъ мнѣніемъ. Что же оный Ц. въ доношеніи своемъ порицаетъ генеральнаго писаря Безбородко, то яко оными непристойными рѣчами снago писаря честь порочить и на резолюцію нашу безрезонно и напрасно наводитъ подозрѣніе, то по окончаніи слѣдствія разсмотрѣтъ сіе и учиня выписку съ приличныхъ указовъ и правъ, какому онъ подлежитъ за то штрафу, представить намъ съ мнѣніемъ“. Между тѣмъ Ц., узнавъ о распоряженіи гетмана взять его подь караулъ, ушелъ въ Петербургъ и подалъ въ Кол. Ин. дѣлъ жалобу, что хотя и было нѣсколько разъ приказано о скорѣйшемъ производствѣ и окончаніи слѣдствія, „но и по нынѣ еще никакого начатія слѣдствію нѣтъ отъ поваровки Миргород. полк. канцелярією тѣмъ старшинамъ, отъ

которыхъ ему обиды учинены“, и что у него „вновь обывательми разграблены пожитки, коимъ приложилъ реестръ и проилъ чтобъ о немедленномъ произведеніи слѣдствія подтвердить, а для лучшей бы справедливости къ тому слѣдствію опредѣлить одного изъ великороссійскихъ офицеровъ“. Вслѣдствіе этого прошенія послѣдовала высочайшая грамота такого содержанія: „Повелѣваемъ нашему гетману о скорѣйшемъ произведеніи и окончаніи слѣдствія такими людьми, на которыхъ онъ, Ц., никакого подозрѣнія не имѣетъ, накрѣпко подтвердить пограбленные его пожитки возвратить; а въ депутатахъ отъ его, Ц., стороны быть одному изъ великороссійскихъ оберъ-офицеру изъ Глуховскаго гарнизона, чего ради и оный Ц. посылается при семъ, а дабы онъ отъ слѣдствія болѣе не убѣгалъ, держать его при томъ слѣдствіи въ вѣдомствѣ означеннаго офицера безъотпускно. Мая 19-го 1755 г.“

Разумовскій на эту грамоту отвѣтилъ 23 мая, что онъ съ своей стороны употреблялъ всѣ мѣры къ скорому окончанію слѣдствія, но Ц. самъ умышленно укрывается отъ слѣдствія; что по этой грамотѣ сдѣлалъ онъ нужные распоряженія, но „что касается до бытія при томъ слѣдствіи депутатомъ оберъ-офицеру, то повеже о семъ въ Государ. Кол. Ин. дѣль опредѣленіе состоялось въ предосужденіе и недовѣренность мнѣ и всей малороссійской націи, да и въ отмѣнность постановленныхъ съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ статей, высочайшими В. И. В. грамотами, за подписаніемъ собст-

венныя В. И. В. высочайшія руки о избраніи въ Малой Россіи гетмана и утвержденіи мене въ гетманскомъ достоинствѣ состоявшими и утвержденными; ибо въ оныхъ статьяхъ права и вольности войсковые подтверждены были, якъ изъ вѣковъ бывало въ войску, что своими правами суживались и вольности свои имѣли въ добрахъ и въ судахъ, чтобъ ни воевода ни бояринъ, ни стольникъ въ суды войсковые не вступовались, но отъ старшинъ и товариства сужени били, и подъ тѣми подписано, что Государь указалъ и бояре приговорили, быть тако. А въ высочайшемъ имянномъ В. И. В. указѣ іюня въ 5 день 1750 г. состоявшемся въ 4 пунктѣ повелѣно обрѣтающимся въ Малой Россіи въ Ген. К—ри, въ судѣ генеральномъ и въ комисіяхъ экономіи, щетной и объ обидахъ великороссійскимъ членамъ не быть, и оныя комисіи и Министерскую Канц. отставить, во исполненіе котораго указа Министер. Канц. и показанные комисіи и бывшіе у дѣлъ великороссійскіе чины отъ оныхъ дѣлъ отставлены; а ежели нынѣ быть при упоминаемому челобитческому дѣлу великороссійскому офицеру въ депутатахъ, то сіе признается всѣмъ малороссійскимъ правамъ въ отѣнность, предосужденіе и недѣвѣренность, что въ толь многомъ числѣ малороссійскихъ чиновъ ни одного ему, Ц., выбрать было не можно, на котораго вѣрность и справедливость повѣрится могъ, при томъ депутатъ великороссійскій малороссійскимъ правамъ будетъ не за обыкновенъ. Того ради всеподданнѣйше прошу В. И. В.

вышепроеписанное опредѣленіе Коллегіи отставить“.

На это послѣдовала грамота сент. 27-го въ которой между прочимъ сказано: „повелѣваемъ депутату быть при слѣдствіи непремѣнно, для того что сіе не въ предосужденіе и не довѣренность и ни въ какую обиду вамъ и всему малороссійскому народу, такожь не въ отмѣнность постановленныхъ съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ пунктовъ, а особливо указа нашего 1750 г., какъ вы представляете, учинено, ибо слѣдователи и судьи, опредѣленные вами, будутъ малороссійскіе, а оный депутатъ при слѣдствіи и рѣшеніи дѣла будетъ токмо для того, чтобы дѣло произведено было безъ поноровки на сторону суперниковъ Ц. и чтобы уже онъ, Ц., на малороссійскихъ слѣдователей болѣе ложныхъ подозрѣній показывать не могъ и тѣмъ бы сіе давно безъ всякаго еще начала продолжающееся и уже весьма скучное дѣло скорѣе окончить, да и для того депутату притомъ быть надлежитъ, что Ц. не малороссіянинъ, но полякъ, для нѣкоторыхъ его услугъ и обстоятельствъ въ нашемъ подданствѣ оставленный“.

На основаніи всѣхъ этихъ грамотъ и ордеровъ гетмана, Генер. К—рія поручила бунчуковымъ товарищамъ Максиму Жуковскому и Петру Маламѣ, въ присутствіи депутата Глуховскаго гарнизоннаго полку капитана Изота Рогова, произвести слѣдствіе по всѣмъ дѣламъ касающимся Ц. „и всѣ тѣ дѣла разсмотря въ самой скорости рѣшить на основаніи

указовъ Е. И. В. и правъ малороссійскихъ неотмѣнно и не окончивъ тѣхъ дѣлъ никуда не отлучаться, но оныя производить съ возможнымъ успѣхомъ“. Слѣдственная коммисія открыла свои дѣйствія въ м. Потокѣ. Всѣхъ дѣлъ рассмотрено и изслѣдовано ею 16 по жалобамъ обывателей на Ц. и 12 по искамъ Ц. на старшинъ и обывателей. Составивъ протоколы по каждому дѣлу, коммисія, съ своими мнѣніями, экстрактомъ и всѣми дѣлами „безъ остатка“ представила въ Генер. К—рію при рапортѣ 20 фев. 1756 г. Изъ этихъ дѣлъ пять окончено миромъ, четыре оставлены безъ рѣшенія „за безвѣстною отлучкою истцовъ“, а по семи дѣламъ Ц. заявилъ неудовольствіе противъ рѣшенія и мнѣнія коммисіи. Ген. К—рія представила все слѣдственное производство Разумовскому, который повелѣлъ рассмотреть дѣло обще всѣмъ присутствующимъ какъ въ Ген. К—ріи такъ и въ судѣ генеральномъ и „учиня по нимъ на основаніи указовъ Е. И. В. и малороссійскихъ правъ мнѣніе“, представить къ нему „немедительно“.

Генер. Канц., представляя при рапортѣ отъ 8-го окт. 1756 г. все дѣло, доноситъ гетману, что слѣдствен. дѣло о Ц. „въ Ген. Войск. Канц. и въ судѣ генеральномъ рассмотрено и мнѣнія особо по каждому иску учинены, которые при семъ съ коммисійскими мнѣніями и экстрактами на благо-разсмотрѣніе посылаются“.

Всѣ дѣла имѣютъ одинъ характеръ; это жалобы на „гвалтовныя находы на дома“, разореніе,

грабежи, побои и проч. Ц., состоя смотрителемъ надъ посполитыми людьми, считалъ себя властью, которой должны были подчиняться и посполитые и козаки, и самоправно чинилъ судъ и расправу надъ людьми, въ чемъ вибудь провинившимися передъ нимъ, не оказывавшими ему должнаго почтенія. Такъ, заподозривъ жену козака Коваленка въ прелюбодѣяннїи, онъ напалъ на ее домъ, забралъ имущество ее, а ее арестовалъ и держалъ подъ карауломъ у себя въ домѣ, гдѣ она повѣсилась. По жалобѣ одного посполитаго, вора, на миргородскаго асаула Волевача за то, что Волевачъ поймалъ этого вора съ украденною у него лошадыю и держалъ его у себя на привязи, Ц. „съ командою“ напалъ на домъ Волевача, разорилъ и ограбилъ все имущество, а самага Волевача избилъ до смерти; остальные дѣла такого же содержанія. Козаки и посполитые ненавидѣли Ц., какъ пришельца и притомъ человѣка сомнительной нравственности; по отрѣшенія его отъ смотрительства, они съ своей стороны причиняли ему всевозможныя обиды и оскорбленія; „полковая старшина“ была также противъ него, презирала его, какъ выскочку, пришельца, и притомъ ябедника и безпокойнаго человѣка, поэтому онъ не могъ найти себѣ поддержки въ нихъ.

Мы не передаемъ подробно содержанія всѣхъ дѣлъ, такъ какъ они не имѣютъ особеннаго интереса, сообщимъ только рѣшенія, состоявшіяся по этимъ дѣламъ въ Ген. К—ріи и въ судѣ генеральномъ, и представленныя на усмотрѣніе Разумовскаго.

По жалобамъ обывателей на Цибулевскаго:

1) По иску козака сотни Потоцкой Саввы Коваленка „за побой отца его при гвалтовномъ нахожденіи на домъ его брата Грицька Коваленка приговорено: взискать съ Цибулевскаго гвалту 12 р., а за бой отца 48 р. и высидѣть ему 12 недѣль въ тюрьмѣ.

2) По иску козака сотни Кременчугской деревни Савиной Николая Коваленка о насильномъ взятіи его и жены его и держаніи подъ карауломъ, подъ которымъ она жена невѣдомо какимъ случаемъ умерщвлена, и о заборѣ разныхъ пожитковъ приговорено: заплатить Коваленку гвалту 12 р., а навязки шляхецкой 80 копъ правнихъ чего всего чинить 110 р. 40 к., за гвалтъ же и держаніе подъ арестомъ жены его сугубо то есть 220 р. 80 к., а сверхъ того высидѣть въ тюрьмѣ за истца 12 недѣль, а за жену его сугубо 24 недѣли и всѣ заграбленные вещи возвратить; о подозрѣніи же во умерщвленіи жены, ему, Ц., за присягою быть свободну.

3) По иску миргородскаго полковаго асаула Волевача о гвалтовномъ Ц. на людей и на самого его нападеніи и забратіи его, Волевача, пожитковъ на 36 р., взискать съ Ц. за ограбленіе людей 48 р., а ограбленные въ самого Волевача пожитки возвратить съ навязкою.

4) По иску того же асаула Волевача о гвалтовномъ Ц. на домъ его нападеніи и приключенномъ ему и женѣ его бои и о разграбленіи его

имущество присуждено: повеже Ц. находу на истцевъ домъ не потаился; во взятіи же истца и жены его подъ карауль, хотя запиралися, однако въ томъ свидѣтелями изобличень, для того въ дополненіе свидѣтельствъ истцу съ женою его ту жалобу свою подтвердить присягою, а по присягѣ взыскать съ Ц. за безчестіе шляхецкое правной навязки обомъ 144 р. и заграбленные пожитки сугубо возратить, а сверхъ того за гвалтовные находы и бои сослать его вмѣсто смертной казни въ Рогорвикъ вѣчно, а помощникамъ его, бывшему войту Креничу и Павлу Очеретяному (вору) сидѣть въ тюрьмѣ 12 недѣль.

5) По иску значковаго товарища Ивана Мѣзина о бои и о забраніи пожитковъ на 94 р. приговорено: Ц. заплатить Мѣзину за взятіе его подъ карауль и бой гвалту 12 р., а навязки сугубой 80 копѣ, всего 110 р. 40 к. и высидѣть въ тюрьмѣ четверть года, а забранные пожитки возратить *).

*) Послѣ составленія настоящей статьи попался мнѣ въ руки еще одинъ томъ въ 1137 листовъ дѣлъ о Цибулевскомъ, возбужденныхъ разными обывателями. Въ одномъ изъ нихъ, между прочимъ, находится жалоба оспаповскаго приходскаго священника Ерастава Иванова, который такъ изобразилъ свое столкновеніе съ нимъ 6-го генваря 1750 г.: „будучи въ м. Остави Циб. позвалъ мене и жему мою к себѣ на квартиру, гдѣ посиди мало сталъ выговаривать: для чего ты почь за полковника и сотника на лугурги просишь Бога (довать ви?) скажете, что и гетманъ будетъ, да не дождете, мене же Циб—го не знаете. И жъ я ему Ц—му отказалъ: должность священническая просить за нихъ Бога, и видя его в злобѣ хотѣлъ с хаты выйти и о палкѣ своей, бывшой в порога, спросилъ, то оны, Ц—ій бросилъ на мене пивною склянницею и ономъ разбилъ лобъ

По жалобамъ Цибулевскаго на старшинъ и обывателей:

6) По иску Ц. на атамана бывшего сотни власовской села Рублевки Григорія Бережняка о заграбленіи мерина гнѣдого торечнаго и харчеваго возка опредѣлено отвѣтчику Бережняку отъ иску Ц. яко бездоказательнаго, отприсягтися и по присягѣ быть свободну отъ того иску.

7) По иску Ц. на умершаго бунчуковаго то-

до самой кости и всего окровавилъ и подкомандничъ своимъ приказалъ, назадъ руки возжами зажавши, привязать и привязаннаго билъ по щекамъ довольно и сыловалъ пить горелку, а вѣсла положи налокю билъ жестоко. О чемъ увѣдѣлся отецъ мой іерей Иванъ Василіевъ и мать также и жена, когда на оную квартиру прибѣжали и стали его Ц-го просить, то онъ Ц-ій отца моего и матку и жену билъ и схаты выбилъ, потомъ же мене отызвавши велѣлъ имѣющую на мнѣ кровь обмыть и дать росписку, якобы никакою обмы и бою отъ него надо мною не было; но что крови обмывать и росписки давать не хотѣлъ, за то жестокае билъ мене тростию по плечамъ и по щекамъ рукою и на своихъ подкомандничъ кричалъ: дайте саблю пела зазолотъ! И таково ругательство и тиранское мордерство чинилъ, не выпуская схаты до полунощи, от якого бою не мало я на здоровью засталъ изувѣченъ и по прозвѣдѣ матки и другихъ людей возумреть в домъ отведенъ и не мало оттого боленъ; якого бою знаки свидѣтельствовали на мнѣ от духовной наместникъ крестовой Оставовской и от сотеннаго правленія.

Въ свидѣльствованіи боевыхъ знаковъ сказано: «Голова верхъ лѣвой брови в двохъ мѣстахъ разбита до крови, лѣвая рука на локтѣ опузла и снята, на плечахъ и по влѣбахъ болшіе синія знаки во многихъ мѣстахъ, от якого бою сорочка, кафтанъ, леве-гевда и хустка знатно в крови находится» подписали о свидѣльствованіи: іерей Григорій Евстафиевъ Вілоцерковскій, Воздвиженскій, Оставовской церкви викарій Василій, діаконъ Свято-Воздвиженскій Оставовскій Сильвестръ Михайловъ, отаманъ городовой Петръ Руковецъ, писарь сотенный Григорій Андрузскій.

варища Ивана Остроградскаго о заграбленіи якобы его, Ц., кобылицы до коляски приговорено за кобылицу яко доморослую и неграбленную, но самимъ Ц. отданную для прокормленія, уплатить Ц. по праву 2 р. 40 к.; а о коляски къ бунчуковому товарищу Леонтовичу (яко по слѣдствію явилось, что онъ у Ц. ту коляску взялъ по своей претензіи) предложить дабы онъ, Леонтовичъ, коляску отдалъ Ц. за роспискою, а въ своей претензіи вѣдался съ нимъ гдѣ надлежить.

8) По иску Ц. за заграбленіе якобы пчель 15 ульевъ и коляски его полковникомъ миргородскимъ Остроградскимъ опредѣлено, такъ какъ Ц. призналъ, что пчелы у Юрковскаго мужика, а коляска у тамошняго войта самимъ Ц. оставлены, то отыскавъ оныя отдать истцу за роспискою.

9) По жалобѣ Ц. на войта кременчугскаго Ивана Литвина о заграбленіи кобылицы и шкуръ овчинныхъ приговорено отвѣтчику Литвину въ томъ, что принялъ (какъ по слѣдствію явилось) отъ Ц. не кобыльную но однолѣтнюю лошыцю и далъ ему за оную рубля, такожъ и взятые овчины употребилъ на починку его, Ц., кожуховъ, выконать присягу, а по присягѣ отъ того иску учинить Литвина свободнымъ.

10) По иску Ц. на писаря сотеннаго потоцкаго Федора Васильева о заборѣ якобы 16 лошадей и сѣна такожъ о заграбленіи козакомъ Бѣлохортомъ сѣна, присуждено: за свидѣтельскимъ доказательствомъ, что сѣна грабить отъ писаря не посылаво

и по засвидѣтельствванію урядовому, что лошади отгонились къ Ц. обратно не одинажды, но не приняты были и самимъ Ц. въ домъ пригнаны были, быть оному писарю отъ иску свободну; а козаку Бѣлохорту въ томъ, что за непринятіе Ц. изъ пригнанныхъ къ нему изъ сотенной канцеляріи, по причинѣ заграбленнаго имъ сѣна, для прокормленія лошадей, одиннадцать кобылицъ пали у него не чрезъ каково изнуреніе, либо употребленіе, ни чрезъ неимѣніе дальнего корму, а пять лошадей отданы женѣ Ц. и оною приняты, учинить присягу, а по присягѣ отъ претензій быть свободну, а истцу съ палыхъ лошадей принять шкуры.

11) По жалобѣ Ц. на сотникову потоцкую Анну Сахатову о выбитіи якобы табуномъ ея ярой пшеницы и о взятіи изъ стада вола дознано, что Сахатова табунъ пшеницы не выбивалъ, а вола мужъ ее взялъ, яко невѣдомаго, и привелъ въ потоцкую канц., приговорено Ц—му въ жалобѣ отказать, а вола розыскать и отдать истцу.

12) По иску Ц. на значкового товарища Ивана Мѣзина о находѣ якобы на домъ его, въ стрѣляннн и выбитіи окончинъ и въ приключеніи ему и женѣ его бои присуждено: за недоказательствомъ истца, отвѣтчику Мѣзину съ тремя братьями учинить присягу, а по присягѣ отъ иску быть свободными.

Остальныя дѣла окончены миромъ и оставлены безъ рѣшенія за неприбытіемъ истцовъ.

Гр. Разумовскій представилъ все слѣдственное производство, съ мнѣніями комисіи и Ген. К—ріи

и суда, въ Прав. Сенать при рапортѣ отъ 27 мая 1758 года, въ которомъ пишетъ: „дѣло нами разсматривано и понеже по нашему разсмотрѣнію явилось, что оныя мнѣнія учинены въ соблюденіе указовъ и правъ надлежаще, того ради мы съ оными мнѣніями согласны; и понеже онъ, Ц., за дерзновенные свои поступки, въ силу указовъ и правъ, кромѣ сидѣнія въ тюрьмѣ подъ арестомъ, осужденъ вмѣсто смерти, къ сылкѣ, да съ него же опредѣлено быть взыскаіію за одни гвалты и побои до 700 р, къ награжденію обиженнымъ отъ него, въ имущество жъ и самъ въ себѣ онъ человекъ не состоятельный, и про то все иногда увѣдавъ онъ не могъ бы куда скрытса и тѣмъ избѣгнуть отъ такого присужденія, которое можетъ быть отъ Сената апробуется, для того не соблагоизволено лъ будетъ до окончанія дѣла задержать его подъ карауломъ“.

Между тѣмъ Ц. подалъ и отъ себя въ Сенать челобитную съ экстрактомъ, въ которой писалъ, что „нѣкоторыхъ свидѣтелей при томъ слѣдствіи не допрашивали“ и просилъ „о томъ разсмотрѣніи ежели на томъ экстрактѣ утвердиться не можно, то взять къ разсмотрѣнію въ Сенать подлинное дѣло, а какое мнѣніе дано гетманомъ въ Сенать о томъ онъ не знаетъ“. Сенать, грамотою отъ іюня 22-го 1760 года, повелѣлъ гр. Разумовскому: „справлясь донестъ, подлинно ли, учиненное вами по оному слѣдственному дѣлу, опредѣленіе Ц—му не объявлено; ибо по малороссійскимъ правамъ книги статута раздѣлу 4 по артикулу 90-му пове-

лѣвается: кому по приговорѣ судовомъ покажется быть обидя, то долженъ того жъ часа, не сходя изъ суда, апелѣвать; и по силѣ того права надлежитъ неотмѣнно истцу и отвѣтчику рѣшительный приговоръ объявлять, ибо не выдавъ приговора не можно апелациіи учинить; и для того имѣете вы приказать учиненное вами опредѣленіе Ц—му объявить по полученіи сей грамоты немедленно; а ему, Ц—му, высмотря то опредѣленіе, буди оно покажется неправымъ, то подать въ Сенатъ апелацию, съ точнымъ показаніемъ: какая именно неправость учинена и какимъ же именно указамъ и малоросійскимъ правамъ противно, прописавъ числа указамъ и артикулы малоросійскимъ правамъ, и сего ради его, Ц., въ Малой Россіи, когда онъ туда, для выслушанія онаго опредѣленія, приѣдетъ, подъ карауломъ не держать“.

Гр. Разумовскій ордеромъ Ген. К—ріи приказалъ собрать всѣхъ истцовъ и отвѣтчиковъ и Ц—го и объявить грамоту Сената. 24 іюля 1760 г. Ц. прибывъ изъ С.-Петербурга явился въ Ген. К—рію, для слушанія опредѣленія, но по случаю каниккулярнаго времени присутствіе К—ріи не могло состояться, при томъ прочіе истцы и отвѣтчики не явились. Съ него взята была подписка въ томъ, что онъ явится на 25 сентября, на которое число вызваны и прочіе заинтересованные лица. 25 сентября Ц. явился въ Глуховъ въ Ген. К—рію и, выслушавъ въ присутствіи прочихъ истцовъ и отвѣтчиковъ опредѣленія по 5 дѣламъ, заявилъ свое не-

удовольствие „и не похотѣлъ ни на одномъ подписаться“. Не выслушавъ опредѣлений по прочимъ дѣламъ, онъ 28 сентября „мимо вѣдома К—рія“ уѣхалъ изъ Глухова. Ген. К—рія 1 окт. предписала Миргородской полк. канц. „выслать Ц. въ Ген. К—рію немедленно; еслижъ бы онъ ѣхалъ поупрямился, то командою препроводить его сюда, однакъ при взятіи его наблюдать дабы какой драки и ссоры не происходило“.

Этимъ предписаніемъ оканчивается разсмотрѣнное дѣло.

III.

Дѣло Кіев. Нам. Пр. 1782 г. „по доношенію польскаго шляхтича Гаврила Урбановича о сѣлѣви ему отъ золотоношскаго исправника Базилевича обидь и притѣсненій“.

Польскій выходець Урбановичъ подалъ 17-го мар. 1782 г. въ Кіев. Намѣстнич. Правленіе доношеніе такого содержанія: „уроженецъ я королевства польскаго воеводства волинскаго, повѣту луцкаго, мѣстечка Доробожья, сынъ шляхтича польскаго Стефана, отъколь вышелъ въ Россію прошлаго 1769 г. и, купивши себѣ полку переяславскаго, сотни бубновской, въ с. Сушкахъ грунтъ, поселился на ономъ; нынѣ земскій исправникъ Базилевичъ, сыскавши мене, въ домъ свой въ селѣ Прохоровкѣ, забилъ въ колодку, содержалъ подъ карауломъ и наконецъ отправилъ подъ онымъ въ с. Сушки, гдѣ я жительствую, къ сельскому атаману съ приказомъ вверстать мене въ число поселянъ. Для того низайше прошу для свободнаго жительства дать мнѣ паспортъ, а поколь я о своемъ шляхетствѣ доказательство учиню, оному исправнику запретить дабы онъ на ряду съ прочими поселянами меня не причислялъ и никакихъ обидь и притѣсненій дѣлать не дерзалъ, чтобъ я могъ доста-

вить о породѣ своей доказательства къ вступленію по онимъ и сыну моему въ службу“.

Намѣстнич. Правленіе указомъ 4-го апрѣля предписало исправнику Базилевичу „никакихъ при- тѣсненій Урбановичу не дѣлать, а произвести слѣд- ствіе подлинноль онъ, Урбановичъ, польскій уроже- нецъ и какъ давно и почему въ Россію зашелъ“. Исправникъ 15 мая донесъ, что „Урбановичъ есть польскій уроженецъ, въ Россію зашелъ въ 1769 г. золотоношскаго уѣзда, въ с. Сушки, гдѣ купя себѣ козачій грунтъ жительствоуетъ съ своимъ семейст- вомъ и отбывалъ въ числѣ козаковъ подпомощниковъ повинности, и находился по иностранству своему подъ вѣдѣніемъ сотеннаго правленія и что онъ бу- дучи въ Польшѣ въ услуженіи былъ состоянія по- рядочнаго представилъ на польскомъ діалектѣ двое засвидѣтельствованій и что онъ польскій шляхтичъ предъявилъ данный ему отъ 20 польскихъ шлхти- чей аттестатъ, кой вмѣстѣ съ просителемъ пред- ставляю Нам. Правленію; въ каковую жъ его съ семьею статью написать по сочиняемой нынѣ новой ревизіи, въ числѣ ли козаковъ, или самъ отъ себя повиненъ дать сказку, ожидаю повелѣнія“. Намѣст. Правленіе 2 іюня предписало золотоношскому ниж- нему земскому суду „приведь онго Урбановича на вѣрность къ присягѣ дать на свободное житель- ство свидѣтельство; въ сочиняющуюся жъ ревизію написать его съ прочими того селенія жителями, съ означеніемъ его польскимъ выходцемъ“.

Слѣдованіе сербовъ команды ген.-м. Шевича черезъ Малороссію.

I.

Переходившіе въ Россію для поселенія въ Новой Сербіи сербы по долгу оставались въ Кіевѣ и нельзя сказать, чтобы они были пріятными гостями для мѣстныхъ обывателей. Расквартированіе и продовольствіе сербовъ причиняло, кажется, не мало затрудненій и для населенія и для администраціи. Впервые прибыли въ Кіевъ сербы съ ген. Хорватомъ въ октябрѣ 1751 г.

Изъ многихъ разрозненныхъ дѣлъ, относящихся къ пребыванію сербовъ въ Малороссіи, я разсмотрѣлъ лишь четыре „дѣла“, изъ которыхъ и представляю здѣсь краткія извлеченія.

Одно изъ „дѣлъ“ заключаетъ въ себѣ списки сербскихъ офицеровъ команды ген. Шевича и обширную переписку относительно утвержденія ихъ въ чинахъ и приводѣ къ присягѣ.

2-го октября 1753 г. именнымъ указомъ въ Пр. Сечатъ вышедшіе съ ген.-м. Шевичемъ офицеры утверждены въ чинахъ, какими они были представлены въ табели. Нѣкоторые изъ нихъ приведены

б. къ присягѣ въ Москвѣ (подполк. Иванъ Шевичъ, капитаны: Георгій Причъ, Ив. Меоновичъ, Степанъ Сабовъ, Игнатій Меоновичъ, поручики: Вас. Зоричъ и Гавр. Поповъ), другіе же въ Кіевѣ, а именно: сек.-маіоръ Петръ Шевичъ, кап. Конст. Эзбашъ, поручики: Мануйло Вунчинъ, Георг. Майновичъ, Николай Грачановъ, Конст. Поповъ, Жывво Радончинъ, Петръ Сентанинъ, Лазарь Сабовъ, Петръ Ивановъ; прапорщики: Лаз. Салтанинъ, Мих. Стоиковъ, Вас. Сабовъ, Пав. Ивановъ, Сѣва Поповъ, Макс. Киричъ, Николай Ружичъ, Георг. Арсеновъ, Георг. Петровъ, адъютантъ Петръ Руничъ. Всѣ они были приведены къ присягѣ 9-го ноября.

Во время пребыванія сербовъ въ Кіевѣ происходило не мало столкновеній съ ними мѣстныхъ жителей, не мало возникало частныхъ жалобъ, к—рыя подавались и въ маг—тъ и въ ген.-губ. кан. Одно изъ нихъ, между прочимъ, возникло по поводу вообще насмѣшекъ и невѣжливаго обращенія кіевлянъ съ сербскими женщинами.

Генераль-гевалтигеръ Степанъ Пучковъ, находившійся въ Кіевѣ въ качествѣ комиссара при сербахъ, „репортомъ“ къ ген.-губ. Леонтьеву отъ 5 января 1752 г. заявлялъ *): „вчерашняго дня, въ бытность мою въ домѣ г. ген.-м. Хорватъ де Куртича, приносила мнѣ жалобу г-жа генеральша, в

*) 1752 г. Дѣло К. Г. К. „генер. Пучкова доношеніе, по которому посланъ въ кіев. маг—тъ указъ о запрещеніи ругательного посѣванія находящихся въ Кіевѣ сербско-словенскаго народа“.

присутствіи г. серб. полковника, такожъ и оберъ-офицеровъ, что здѣшніе подольскіе обыватели и многіе студенты не малое посмѣятельство имъ чинятъ и с великимъ поруганіемъ называютъ какъ ихъ служащихъ, такъ и ундеръ-офицерскихъ женъ цыганками, потому что они имѣютъ на головѣ уборъ, булавками заткнутой, и будто бы пріѣхали сюда булавками торговать. Сверхъ же того, понеже здѣшніе обыватели вѣдаютъ, что гусары за наймалѣйшее ихъ преступленіе наказываются, то тѣмъ пользуясь, большіе чинятъ имъ нападки, нарочно всякіе пакостныя клеветы и жалобы изыскиваютъ толко для того, чтобъ у нихъ никто не стоялъ, и я сначала имъ во угодность все чинилъ, но нынѣ уже до того доходить, что почитай на всякую недѣлю надобно квартиры перемѣнять". При этомъ Пучковъ приводитъ случай буйства одного мѣщанина, выгнавшаго отъ себя сербскаго гусара, и въ заключеніе проситъ Леонтьева, „чтобъ при новоприведенныхъ сербахъ имѣющійся всякой женской полъ отъ такого ругательнаго посмѣятельства защищенъ былъ, тако жъ и о тѣхъ хозяяхъ, которые будутъ напрасно вымышленныя и клеветныя жалобы приносить и дѣлать вышней командѣ напрасныя затрудненія, магистратомъ запретить“.

Ген.-губ—ръ далъ маг—ту соотвѣтствующій указъ: изложенные въ репортѣ Пучкова „весьма непорядочніе поступки поправить“. Магистратъ съ своей стороны сдѣлалъ по цехамъ и сотнямъ письменныя „притвержденія“ о томъ, чтобы обыватели

съ сербами „обходилися по единовѣрїю дружелюбно и ласково, а не грубіански“.

Но мира, видно, не было между кїевскими обывателями и ихъ квартирантами сербами, которые, очевидно, въ продолженїи своего пребыванїя порядочно надоѣли обывателямъ, много разъ возносившимъ на нихъ жалобы. Въ маѣ м—цѣ 1754 г. магистратъ въ письмѣ въ Петербургъ къ своему ново-назначенному войту Светевскому просилъ его, между прочимъ, похлопотать и по жалобамъ маг—та на сербовъ: „квартирующіе въ нижнемъ городѣ Кїевѣ чрезъ нѣсколько уже годъ прибывшіе з Венгріи и здѣ нововписуючіеся сербы неудобъ сносїе маг—ту и мѣщанству обиды и озлобленїя дѣлають“.

Въ жалобѣ же своей, поданной въ 1754 году въ Гос. Кол. Ин. дѣль (которой подчиненъ былъ тогда кїев. маг—тъ), магистратъ писалъ:

„Всемилоствѣйше жалованными высокомонаршими предковъ Е. И. В. грамотами и Е. И. В. подтвердительною всемил. грамотою утверждено за всякія волныя употребленїя платитъ з маг—та кїев. повсягодно въ казну Государеву по 600 рублевъ и бити тому твердо, крѣпко, неподвижно и во всякомъ исполненїи непорушимо, такожъ и ни в какіе наряды, кои имѣють битъ в Малой Россїи кїев. мѣщанъ не включать и дѣла не имѣть, да сверхъ платежа постоями, кормами и поборами не отягощать и бити то не имѣеть, такожъ въ обозъ не ходить, а около города себе оберегать; нинѣ-же кромѣ всегдашняго лѣтнаго и зымнаго времени

переездомъ квартирующихъ, несходно се третье лѣто сербами квартирующими благащеніи, от которыхъ поносимъ опроче дровъ всякія нужды, разоренія, пакосты и крайнее поруганіе, а многихъ и бьютъ, о чемъ неоднократно з маг—та кiev. въ Кiev. Губ. Канц. доношенія поданны, сатисфакціи же или дозлетвореня обидимые у командировъ сербскихъ накогода не получили; тѣ жъ сербы прошлаго 1753 году сѣнокосные лугы до остатка спаслы и нинѣ за оскудѣніемъ сѣна крайняя нужда, кое випустошеніе сѣнокосныхъ луговъ по представленію маг—та кiev. зъ Канц. Губ. опредѣленными осматриванно и опись учиненна и въ К. Г. К. та опись имѣется, и хотя до сербскихъ командировъ отъ К. Г. К. неоднократно посланно о дозлетвореніи, но не воспослѣдовало и принужденны хозяи дорогою ценою сѣна возъ покупать; тымъ же сербамъ на опаль дровъ сего единого году з маг—та, понеже хозяи иные, гдѣ квартируютъ а въ единомъ точію градѣ Кievѣ крайне убогин, виданно 3500 колодь.

Монастырей власти братско-училищного, петропавловского, да дѣвичого фроловского кievскихъ, особливо сотникъ кiev. Павель Гудимъ, который сынъ мѣщанской и понинѣ отецъ и братья его мѣщане, по проискавъ своимъ получивъ отъ Войск. Ген. Канц. сотництво и уповая на свое богатство, въ протывность высокомонаршимъ грамотамъ и премоощнѣйшимъ указамъ и бывшой въ Мал. Росіи Коллегіи указа и указа жъ Е. И. В. изъ Пр.

Севата, 1751 г. мая—д. пожалованного, о шивкованіи тако жъ и запретительныхъ гетманскихъ унѣверсаловъ, съ выраженіемъ—которій бы козакъ или сотникъ самъ дерзнулъ горѣлкою шивковать—непоблажного наказанія, изъ компуту козацкого вимазанъ будетъ, да забирати все имущество и самихъ таковыхъ магистратовимъ позволяетъ забивъ в колодки в Глуховъ отослать, а хочай бывають на нихъ самовольниковъ, яко и на самого сотника, от маг—та за шивкованіе и ругательства жалобы, точію никакогого къ дозвѣтствованію и по явнымъ доказательствамъ успѣха нѣтъ, ибо от времени до времени к розыску дѣло, оныя же шивковали и шивкують, не утрашаясь, безъ опасности, чого рады крайняя мѣскимъ шивкамъ учивилась остановка и не малій уронъ; а меновите самъ сотникъ и сего году на двѣсти куфовъ купилъ горѣлки и от полученія себѣ сотництва, купуючи горѣлку и самъ шивкуеть в четырехъ дворахъ и козакамъ подкоманднимъ своимъ раздаетъ вѣдрами горѣлку и шивкують безопасно; а ежели віемка бываетъ, то оныя собрався многолюдно опредѣленныхъ магистратовихъ бьють и до смерти убивають, о чомъ и въ высокопр. Сенатъ прошлаго 1743 году въ пунктахъ от маг—та выраженно о убійствѣ жалоба и указъ в В. Г. К. посланъ, но доселѣ о томъ смертномъ убійствѣ лавника и городничого Федора Малченка, да урядника Юсифа Бучми присяглихъ вершеніемъ дѣло не произведено; онъ же сотникъ Гудимъ многихъ з мѣщанъ в козаки пріянялъ и къ

присяги поприводилъ, а гетман. унѣверсалы и декретъ состоялся суда воинск. ген. з мѣщанъ в козаки не принимать.

А кромѣ вышпенисавнихъ шинковъ внутри града мст—рскихъ и козацкихъ, внѣ града на Плоскому подданства мст—ря кирилского между подьгородьемъ мѣскимъ Преоркою многы построены винокурнѣ и три шинки мст—рскіе безъ жалованныхъ грамотъ, и яко в тихъ шинкахъ, такъ и винокурники з позволенія мст—рского в роздробъ шинкуютъ горѣлкою; за силу же крѣпостей, кои всемил. в. монарш. кiev. маг—ту жалов. грамотами и премошн. указами подтвержденны—а внѣ внутрь, а внѣ внѣ града нѣкому никакими напитками не шинковать—меновите изображенно.

Въ черкасскихъ городѣхъ кiev. мѣщанамъ свободно без пошлины торговать, а измѣнникъ Мазепа наложилъ бילו индугу, потомъ гетманъ Иванъ Скоропадскій, по немъ бывшая Мал. Коллегія указомъ, послѣди гетманъ Данилъ Апостолъ унѣверсалами своими накрѣпко утвердили отъ кiev. купечества от шленскихъ и гданскихъ перевѣдую воевъ взимать би индукти и эвекти по 3 рубля, а от чумаковъ с воза по золотому или с рубля по копѣйки, а нинѣ закупщва войсковой малороссійской индукти сотника глинского Антона Крижановскаго опредѣленіи, не взирая на в. монарш. грамоти и указъ б. М. Кол., такожь и на гетм. унѣверсалы, с рубля по двѣ копѣйки кромѣ презентовъ съ купеческихъ мѣщанъ кiev. емлють, в дворъ прозываемій индук-

тарскій насильно з возами затагають и по килки дней перевѣдую удержують, а инныхъ въ арештъ до погребѣ засаживають, да и кромѣ купцовъ показанныхъ, кои привозять з заграници жито, дрова возами и рѣкою Днѣпромъ плоти дровяніе попель и доски, за все индукту емлють и нивѣ того всего з заграницѣ в привозѣ иѣтъ, чего ради привужденны жито и протчое покупать дорогою цѣною. Еще кромѣ вишевираженнаго что монету иностранную з заграници привезенную менялъ и за то самъ эксакторъ взялъ индукту, а когда упоминался за квитъ, даби по другимъ ярмаркамъ в другое индукта не взята, то онъ билъ якъ хотѣлъ, и занесены по судебнымъ избамъ от кiev. мѣщ. Артема Андреева протесты.

За границею поляки кiev. мѣщанамъ подѣзали и безпрестанно дѣлають грабительства крайне по претензіямъ своимъ фалшивимъ, а хочай въ пограничной генеральной комисіи скаргу заносять о грабительствѣ и упоминаются, точію дозлетворенія с начала комисіи не получаютъ и затимъ обидимые разворилися.

И въ вышепрописанныхъ кiev. маг—ту и гражданству безпреривныхъ сербовъ постоемъ тяжелоносныхъ отягощеніяхъ и протчихъ послѣдовавшихъ обидахъ, да во издержанной на габу, шуби и сапоги и во время военное на подводы и лоцманы суммѣ всего по троиамъ статьямъ и 14,055 р. 60 к., о чомъ всемирениѣйше отъ маг—та кiev. представленія внесены. Нижайше высокомон. матерного

помилованія вѣрно присяжные и вѣчные подданные
рабски просимъ.

Бурмистры: Михайло Іосифовичъ, Петръ Ти-
хоновичъ, Василій Балабуха, Данило Чишиничъ.

Райци: Семень Козелскій, Григорій Богдано-
вичъ, Василій Жукъ, Козма Кулешъ и Михайло
Тохай*.

II.

Дѣло 1753 г. „о довольствованіи прибывающихъ изъ Венгріи въ Кіевъ сербовъ фуражемъ, собираемъ отъ малороссійскихъ обывателей“.

1753 г. января 25 послѣдовалъ указъ Императрицы Елисаветы Петровны на имя гетмана гр. К. Г. Разумовскаго слѣдующаго содержанія: „представленіе ваше отъ 26 мивувшаго октября 1752 г. о мивованіи малороссійскихъ обывателей отъ поставки на прибывающихъ въ Кіевъ сербовъ фуража, а о довольствованіи ихъ изъ магазиновъ, или покупкою, въ нашемъ Сенатѣ въ разсужденіе принято было: но понеже изъ сербовъ нѣкоторые вновь, какъ вамъ извѣстно, предъ симъ въ Кіевъ уже прибыли, а вскорѣ и другіе прибыть, но для лошадей въ фуражъ нужду имѣть могутъ, котораго въ кіев. магазинахъ не приготовлено, да и приготвить вскорѣ не можно, и на покупку оного тамо особой денежной суммы не находится, они же, сербы, времянно тамо въ Кіевѣ пробудутъ, пока на поселеніе отправятся. Того ради указами мы означенныхъ, прибывающихъ въ Кіевъ, сербъ въ до будущаго объ нихъ опредѣленія фуражемъ (кромѣ

провіанта, за который велѣно производить деньгами) по прежде отправленной къ вамъ нашей грамотѣ довольствоваться, собирая съ малороссійскихъ обывателей подъ квитанціи во всемъ противъ того, какъ и высочайшимъ нашимъ имяннымъ указамъ, перво вышедшимъ, того народа съ генераль-маіоромъ Хорватомъ людямъ, опредѣлено было“.

Гр. Разумовскій того же года 29 января, согласно полученному указу, предписываетъ Г. В. К. распорядиться „о выдачѣ для прибывающихъ сербовъ фуража, взятаго отъ малорос. обывателей; а сколько на оныхъ сербовъ команды Шевичевой фуража отъ малорос. обывателей выстатчено и выдано въ Кіевѣ и еще отдастся, о томъ потребовать отъ надлежащихъ полк. канцелярій вѣдомостей съ показаніемъ цѣвъ, сколько за все то потребно заплатитъ обывателямъ, прислать оныя вѣдомости къ намъ“.

Г. В. К. исполненіе по этому предписанію поручила кіев. полк—ку Дарагану, который того же іюля 23 дня представлялъ въ Г. В. К. рапортъ съ вѣдомостью „о произведенномъ подъ квитанціями опредѣленному къ приему изъ кіев. губ. канц. кіев. гарнизона нѣжинскаго полку капитану Ивану Лясиву, съ полку кіевскаго на лошади оныхъ, вышедшихъ изъ заграницы команды Шевичевой сербовъ въ прошломъ 752 и семъ 753 годахъ, фуражѣ по цѣнѣ, всего, такожъ и за перевозку оного, на три тысячи шестьсотъ шестьдесятъ руб. сорокъ коп. и три чети и одну осмью“. Г. В. К. на этомъ основаніи и просила „о дачѣ въ заплату обывате-

ламъ за тотъ фуражъ вышеозначеннымъ числомъ денегъ“.

1753 г. октября 14-го гр. Разумовскій получилъ высоч. указъ, которымъ предписывалось: „за употребленный на довольствіе тѣхъ нововыѣзжихъ сербовъ лошадей фуражъ по настоящимъ тамошнимъ въ Кіевѣ цѣнамъ изъ опредѣленной на довольство сербовъ суммы заплату произвести безъ передачи; и вамъ въ томъ симъ объявляется въ извѣстіе; почему имѣете вы о приѣмѣ въ Кіевѣ за тотъ фуражъ надлежащихъ денегъ, кого потребно, отъ себя ордеровать“.

Гр. Разумовскій, тогда же предписалъ Г. В. К. о выдачѣ „въ полности надлежащей обывателямъ за фуражъ заплаты“.

Г. В. К. отъ 26 ноября доносить гр. Разумовскому слѣдующее относительно полученія денегъ, отпущенныхъ въ уплату обывателямъ за фуражъ: „во исполненіе оного В. Я. повелит. ордера, такожъ и по присланному въ Г. В. К. отъ бригадира и кіев. оберкоменданта Костюрина объ оной же заплатѣ письменному сообщенію, предлагано изъ Г. В. К. къ полк—ку кіев. Дарагану о посылкѣ въ кіев. губ. канцелярію нарочного кого изъ старшины полковой или сотниковъ одного съ надлежащими документами для полученія за тотъ, произведенный отъ обывателей полку кіевского на означенныхъ сербовъ лошадей, фуражъ надлежащей заплаты. А сего ноября 26 дня присланнымъ въ Г. В. К. изъ полк. кіев. канцеляріи довошеніемъ

представлено: хотя де для полученія оной заплаты за произведенный на сербовъ фуражъ и отправленъ былъ въ Кіевъ нарочный старшина, токмо будетъ ли и за перевозку того фуража заплата учинена; яко того не показано, полк. кiev. канц. состоитъ въ сумнительствѣ. А на требованіе де той полк. канц. г. бригадиръ и кiev. оберкомендантъ Костюринъ письменно объявилъ, яко де въ указѣ Пр. Севата, въ К. Г. К. присланномъ, (коего де и копія при томъ приложена) за перевозку оного фуража заплаты производить не показано. Той же заплаты за самую перевозку фуража изъ п. кiev. канц. вѣдомости показано, надлежитъ обывателямъ получить *тысячу семьсотъ девять руб. шестьдесятъ коп.*, и ежели оной заплаты за перевозку фуража произведено не будетъ, то обыватели чрезъ то, яко имъ въ перевозкѣ оного изъ дальныхъ мѣстъ въ Кіевъ слѣдовало, какъ въ томъ доношеніи выражено, не малая трудность, могутъ остаться въ крайней обидѣ“.

Г. В. К. съ своей стороны, доказывая, что слѣдуетъ выдать обывателямъ деньги и за перевозку фуража, ссылается на примѣръ 751 года, когда, „какъ за произведенный отъ обывателей полковъ кievского и переясловского на сербскихъ же лошадехъ команды г. генераль-маіора Хорвата фуражъ, такъ и за перевозку оного поверстныя деньги, сколько по вѣдомостямъ полк. канцелярій подлежало, столько по указу Г. К. Ин. д. изъ штатсконторы и выдано въ Москвѣ нарочно опредѣлен-

нымъ отъ В. Я. для приему оныхъ денегъ бунч. тов. Павлу Миклашевскому да канцеляристу войск. Лашкевичу, и тѣхъ всѣхъ денегъ тогда выдано за оный фуражъ и за перевозку оного 5916 р. 54 к., которые приняты отъ нихъ, Миклашевского и Лашкевича, въ московскій В. Я. домъ, а вмѣсто оныхъ денегъ по оному же, присланному отъ В. Я. мнувшого апрѣля 3 дня въ Г. В. К., ордеру, съ скарбу войскового отъ канцеляріи сборовъ отпущено толикимъ же числомъ въ тѣ полки кievскій и переяславскій, сколько въ который надлежало по вѣдомостямъ къ раздачѣ обывателямъ. Вслѣдствіе чего и нынѣ означеннымъ кiev. полку обывателямъ, по мнѣнію Г. В. К., надлежитъ получать заплату и за перевозку выстатченнаго прошлой зимы на сербовъ фуража“.

На ходатайство Ген. Канц. послѣдовала слѣдующая резолюція гр. Разумовскаго: „въ неполученіи за перевозку оного фуража поверстныхъ денегъ обыватели, коимъ перевозка оного въ Кіевъ съ дальнихъ мѣсть была съ немалымъ трудомъ и, по содержанію при той перевозкѣ на довольство себя и своего скота харчей, съ убыткомъ, могутъ остаться въ обидѣ, того ради прошу, какъ за предпоказанный, поставленный въ Кіевъ прошлой 752 г, зимы на довольство сербовъ отъ малороссійскихъ кievского полку обывателей фуражъ по надлежащей цѣнѣ, такъ и за перевозку оного поверстныхъ денегъ, сколько по вѣдомости показано, онымъ обывателямъ въ заплату произвести“.

„Вѣдомость, коликое число фуража, т. е. овса четвертей и сѣна пудовъ, произведено и за перевозку оного заплата, счисляя на версту отъ лошади и отъ вола по денежкѣ“.

	О в с а		Сѣна	Ц ѣ н а	
	Четвертей.	Четвериковъ.	Пуд.	Руб.	Коп.
1752 года въ мѣсяцѣ октябрѣ	20	—	1440	—	—
За оной фуражъ считая по торговымъ цѣнамъ овса четв. по 23 ¹ / ₂ к., а сѣна пудъ по 4 к.	—	—	—	1627 ¹ / ₂	—
За овесь	—	—	—	57	60
За сѣно	—	—	—	—	—
Въ ноябрѣ того же года	273	4	3933	—	—
За овесь	—	—	—	63	48 ³ / ₄
За сѣно	—	—	—	157	32
Въ декабрѣ	418	—	9045	—	—
За овесь	—	—	—	97	18 ¹ / ₂
За сѣно	—	—	—	248	73 ³ / ₄
Въ 1753 г. въ январѣ	418	—	9045	—	—
За овесь	—	—	—	97	18 ¹ / ₂
За сѣно	—	—	—	248	73 ³ / ₄
Въ февралѣ	418	—	9045	—	—
За овесь	—	—	—	117	4
За сѣно	—	—	—	271	35
Въ мартѣ	418	—	9045	—	—
За овесь	—	—	—	125	40
За сѣно	—	—	—	293	96 ¹ / ₄
Въ апрѣлѣ	100	4	4522 п.	—	—
			20 ф.		

За овесъ	—	—	—	32	16
За сѣно	—	—	—	124	36 ^{21/48}
Итого всего фуража съ полку кievского произведено	2115	4 четв. 4 гарн.	46075и 20 ф.		
За оной весь фуражъ денегъ	—	—	—	1950	80 ^{21/48}
Да особливо за пере- возку оного	—	—	—	1709	60
А всѣхъ за фуражъ и за перевозку оного.	—	—	—	3660	40^{21/48}

III.

Дѣло Ген. Войск. Кави. 1754 г. „о почивенныхъ саѣдовлашею чрезъ Переяславъ и Лубни сербскою генераль-маіора Прерадовича командою обидяхъ“.

Въ 1754 г. чрезъ г. Переяславъ и Лубни проходили сербскіе команды генераловъ Прерадовича и Шевича въ Бахмутъ. Несмотря на предупредительность мѣстныхъ властей къ устраненію путевыхъ неудобствъ для проходящихъ, эти послѣдніе причинили не мало непріятностей мѣстнымъ жителямъ. О притѣсненіяхъ, произведенныхъ сербами, поданы были жалобы отъ разныхъ лицъ, какъ должностныхъ, такъ и частныхъ.

Полк. переясл. Сулима въ сентябрѣ м—цѣ доносилъ въ Ген. Войск. Канц.: „въ силѣ полученнаго изъ Г. В. К. ордера, надлежащія къ пріѣзду въ Переяславъ генераль-маіора Прерадовича съ его командою, въ заблаговременномъ изготовленіи довольно числа подводъ и въ опредѣленіи для провожденія той команды комиссаровъ, распорядки отъ полк. переясл. канц. учреждены, и все въ готовности до пріѣзду оного Прерадовича съ командою содерживано было; и за вступленіемъ его въ Переяславъ, по характеру его, какъ ему, генераль-маіору, такъ и команды его офицерамъ и рядовымъ

пристойныя квартири ассигнованы были; но офицеры, не смотря на учиненную имъ квартиру ассигнацію, сами по своей волѣ, не взирая и старшинскихъ домовъ, по квартирамъ становились, и, стоя въ квартирахъ, вмѣсто добродѣтельного и ласкового обхожденія, какъ имъ и поступать повелѣно, оказывали себя недобропорядочно и поступали съ хозяевами неучтиво и съ явною обидою. И хотя за тѣ обиды требовано чрезъ адъютанта, при ономъ ген.-маіорѣ находившагося, надлежащихъ сатисфакцій, однако безъ всякого обидимыхъ удовольствованія оный ген.-маіоръ съ Переяслава уѣхалъ“.

При этомъ полк. Сулимою приложены слѣдующія заявленія объ обидахъ:

1) Посланные отъ полк. пер. канц. въ качествѣ комиссаровъ, для сопровожденія сербскихъ командъ; значк. тов. Матвѣй Тимченко и Федоръ Вертинорохъ заявили, что „при слѣдованіи оной команды отъ дер. Полужниковъ за село Коломійце къ полку лубенскому, гдѣ за неимѣніемъ поставленныхъ верстовыхъ столбовъ, по показанію обывателей, состоитъ разстоянія 25 верстъ, отъ оной команды за взятіе 160 подводъ плачево только за 12 верстъ прогонныя деньги, а за 13 вер., что надлежало на оныя 160 подводъ прогонныхъ денегъ, 10 р. 40 к. удержано и оныхъ по требованію ихъ, комиссаровъ, не уплочено, отговариваясь невѣдѣніемъ верстовыхъ столбовъ“.

2) Переяславскій магистратъ сообщалъ: „по требованію полк. канц. подъ ген.-маіора Шрерадо-

вича и его команду надлежащее число подводъ отъ магистрату заготовано; но съ приѣзду его, ген.-маіора, въ Переяславъ отъ 14 августа до выѣзду, т. е. до 16 числа, отъ его подкоманднихъ происходили обиды слѣдующія: въ дому бурмистра Алексѣя Романова прапорщикъ Дим. Марковичъ, состоя на квартирѣ, самовольно и безденежно, пусти лошадь въ сбродъ, сѣно стравилъ и побилъ не мало; да его же прапорщика команды гусары, въ райцы Дмитра Гребенника егда на квартирѣ своровали барилецъ двѣ, и оное въ нихъ все найдено, то оные, за то вщавши брань и шумъ, жену его и дѣтей похвалялись бить, отъ чего оные съ двора бѣжали, между чѣмъ и пропало вещей не мало. Съ причины которыхъ обидъ, когда ему, прапорщику, отъ магистрату по его требованію таковой квитанціи, что та команда никакихъ обидъ и налоговъ не причинила, — недано, то первѣе той прапорщикъ съ прочими гусарами въ магистратъ, не почитая оного яко урядового приказного мѣста и указовъ, имъ представляемыхъ, вщаль шумъ, крикъ и брань и, засѣдавшихъ тогда въ магистратѣ, урядниковъ бранилъ и ругалъ, какъ ему угодно было; причемъ тотъ прапорщикъ и то сказалъ: ой, вы де малоросейцы! За какія рѣчи, егда его отъ магистратскихъ спрошено: въ чемъ тая отъ малоросейскихъ его рѣчь состоитъ и чѣмъ малоросейцы худы, и что онъ знаетъ? то оный прапорщикъ, поишовши зъ магистрату, привелъ гусаръ съ фузіями на дворъ магистратовый арестовать и взять подводы, и, хо-

тя не дали ему перво подводъ, представлено было отъ магистрату ген.-маіору Прерадовичу, токмо никакихъ сатисфакцій не получено; но еще урядники магистратскіе маіоромъ его были руганы, а потомъ самъ же оный маіоръ, зъ многолюдствіа нашедши въ магистратъ и ходя въ шапкѣ по магистрату, съ крикомъ урядниковъ мерзкими рѣчами бранилъ и кидался бить, а потомъ прапорщику насильно взяты подводы (приказаль). Отъ такого происхожденія не толь простой народъ, но въ магистратѣ пришли въ немалый страхъ и смятеніе, в принуждены были, оставя магистратъ, бѣжать и скриваться“. Это заявленіе подписали: войск. канцеляристъ Гр. Гуртовичъ, бурмистръ Алексѣй Романовъ и рочній райца Дмитро Гребенникъ.

3) Заявленіе „асаулины полк. переяславской Анаст. Михайловой Лукашевичевой“, которая жалуется на ген.-м. Прерадовича за незаконное принятіе ея слуги въ службу, въ число сербовъ своей команды. Слуга этотъ „породы малороссійской“, служилъ у Лукашевичевой конюхомъ. Получивъ слѣдующую ему по уговору уплату за годъ впередъ, онъ, не дослуживъ до года и обворовавши хозяевъ, бѣжалъ къ Прерадовичу и былъ принятъ имъ на службу въ свою команду, „какъ иноземець“. Кроме того, за оставшеюся у Лукашевичевой одеждою бывшаго ея слуги „отъ Прерадовича прислано было немалое число разъ до семи гусаръ, кои, ваходя на домъ гвалтомъ, отбивая ворота, чинили немалые съ бранію крики и похвалялись самую

Лукашевичеву да и слугъ вбить и домъ ее въ конецъ разорить намѣревались, при которомъ разореніи и смертного убійства мало не послѣдовало; отъ чего если бы полк. переясл. канцелярія даннымъ карауломъ не охранила, то пришлось бы, оставя весь свой домъ и имущество, съ оного сойтись^а.

4) Войск. канцеляристъ Иванъ Бачевскій подалъ въ полк. переясл. канцелярію слѣд. заявленіе: „августа 15 польской націи отставной драгунъ Кавиміръ Тарасовскій, пришедъ ко мнѣ, сидячему въ избѣ въ домѣ моемъ, кричалъ своимъ партіемъ, объявляя, что между проходившею чрезъ г. Переяславъ сербской націи командою ген.-маіора Прерадовича позналъ онъ, Тарасовскій, собственную свою вѣнчанную жену Агафію Іосифовну, которую де онъ въ ринку и гонилъ по самый мой дворъ; желая оную снять, но за недопущеніемъ де гусаровъ того учинить не въ состояніи былъ; а она де жена его и нынѣ въ состоящихъ на квартирахъ гусаровъ крывается, и просилъ моего въ сыску тоей жены его вспомошествованія. Егда же я ему объявилъ, что я здѣсь никакой команды и силыности къ отысканію жены его не имѣю, то онъ, зная мене письменного, кричалъ, усильно требуя, дабы я о таковой его криминальной обидѣ написалъ, куда надлежитъ, доношеніе; почему отъ неотступного его убѣжденія я, будучи зневоленъ, началъ писать въ полк. пер. канц.—рію доношеніе; а между тѣмъ помянутой же команды ген. маіора Прерадовича 6 человекъ гусары, набѣгъ разбойнически въ домъ

мой и бросаюсь прямо къ сидячему мнѣ въ избу, начали съ звѣриною свирѣпостью бранить мене мерзкими блядословіями, похваляясь мене Хумертвить. Егда же я закричалъ, охраняя себе высоч. именемъ Е. И. В., побѣжавъ зъ дому, врознь скрылись. Я же, опасаясь другимъ разомъ такова разбойническаго набѣгу, вышедъ за дворъ мой, паки предъ мною собравшимся при дворѣ моемъ народомъ довольно протестовалъ и во охраненіе себе кричалъ—караулъ! а между тѣмъ чрезъ посланного отъ себе мальчика пол. пер. канц.—ріи вѣдомо учинилъ, и потому отъ оной полк. канц. посланъ былъ знач. тов. Мат. Тимченко съ требованіемъ, дабы происходящіи отъ оныхъ неусмиранныхъ нахальщиковъ гусаровъ аяармы и свирѣпства усмирены были; почему отъ Прерадовича посланы были два унтеръ-офицера для усмиренія того аяарму, которые съ нимъ, Тимченкомъ, и были въ мене, находившагося уже тогда въ домѣ знач. тов. Стеф. Драгаманова по опасности, чтобъ, въ случаѣ намѣренія ихъ къ вторичному на домъ мой набѣгу, умертвить мене не могли“.

За такія обиды ни онъ самъ, ни Тарасовскій не получили удовлетворенія.

Полковникъ лубенскій Апостоль также жалуется на проходившія серб. команды за неуплату ими слѣдуемыхъ прогоновъ. Въ доношеніи своемъ въ Г. В. К. онъ говоритъ: „Августа среднихъ чиселъ г. ген.-маіоръ Прерадовичъ, да кiev. гарн. кап. Иванъ Улявъ, съ командою и казною слѣдующи

изъ Кіева чрезъ Лубны до Бахмута, взимали въ г. Лубнахъ обывательскихъ девяностъ двѣ подводы до м. Хорола, за которыя прогонныхъ денегъ уплачено только на каждую подводу за 19 в. по семи коп. съ девежкой, а за 11 в. тѣхъ прогонныхъ на показанное число подводъ отъ нихъ не дано. Другимъ выстатчено было подѣ переѣздъ оногъ жъ ген.-маіора Прерадовича на его команду подводъ восемьдесятъ; съ коихъ она команда употребила для своего переѣзда зъ г. Лубенъ до м. Хорола, разстояніемъ отъ Лубенъ въ 30 в., семьдесятъ двѣ подводы и за оныя отъ той команды уплачено прогоновъ за 69, на возную подводу по девять коп. съ денежкой, а за 3 подводы ничего не уплачено; съ чего яко обывателямъ надѣ указъ Е. И. В. послѣдовала обида“.

Получивъ эти заявленія, гр. Кир. Гр. Разумовскій представилъ ихъ 26 октября въ Кол. Ин. д. Коллегія, въ отвѣтъ на это представленіе, только 18 августа слѣдующаго 1755 г. сообщила гр. Разумовскому, что она съ своей стороны писала въ Воен. Коллегію, прося „по командѣ ген.-маіора Прерадовича ордеровать, чтобъ онъ виновныхъ изъ той его команды людей, за учивенныя ими пакости и озорничества, надлежащимъ образомъ штрафовать и обиженнымъ малорос. обывателямъ справедливое удовольствіе немедленно учинилъ; на что изъ военной коллегіи отъ 25 іюля промеморіею въ Кол. Ин. д. звать дано, что, по опредѣленію той Коллегіи, велѣно, какъ по промеморіи Кол. Ин. д., такъ и по

доношенію изъ бахмутской провинціальной канц. объ учиненныхъ командъ ген.-маіоровъ Шевича и Прерадовича штабъ, оберъ, унтеръ-офицерами и рядовыми малороссійскимъ и бахмутскимъ обывателямъ обидахъ во всемъ г. опредѣленному къ поселенію оныхъ ген.-маіоровъ Шевича и Прерадовича съ командами инженеръ-полковнику Бибикову накрѣпко изслѣдовать: для чего такія обиды и своевольства чинены и кѣмъ они къ такой слабости и озорничеству допущены, а между тѣмъ, взятое обиднымъ со всякимъ удовольствіемъ велѣтъ возвратить; и впредь такихъ обидъ чинить съ найстрожайшимъ подтвержденіемъ запретить подь страхомъ воинского суда и штрафа по воинскимъ правамъ безъ всякого послабленія; о чемъ въ командахъ всѣмъ съ подписками объявить“.

Ген.-маіорамъ Шевичу и Прерадовичу посланы особые указы, которыми подтверждено, чтобъ они за подчиненными своими найпристойнѣйшее смотрѣніе имѣли и туда какихъ непорядковъ и противныхъ ихъ должности поступковъ не допускали, но содержали бы ихъ, какъ по воинскимъ правамъ надлежитъ, въ надлежащей дисциплиніи со всякою строгостію, ибо въ противномъ случаѣ въ томъ сами они неотмѣнно отвѣтствовать будутъ должны“.

Въ 1756 г., января 19-го, Г. В. К. докладывала гр. Разумовскому, что „изъ славяносербской комисіи отъ полковника Бибикова, присланною въ пол. пер. канц.—рію промеморією, объявляя, что безъ доказательства, или безъ повѣренныхъ отъ

полку переясл. того слѣдствія начать никакъ не возможно, — требовано въ оную славяносербскую комиссію тихъ самихъ хозяевъ, кому какія обиды причинены, или повѣренныхъ отъ нихъ присылки немедленно, и ежели въ ту комиссію, которая полагается быть въ произвожденіи при Бахмутѣ, а до Бахмута съ Переяславля состоитъ разстояніе не малое, обиженнымъ туда ѣхать, или повѣренныхъ посылать, хотя они въ доказательствѣ обидъ своихъ несомнительныя находятъ, то кромѣ ихъ той уже обиды найвищіяя обида и разореніе приключиться можетъ, и съ того вѣдая слѣдующее имъ надъполученіе въ прежнихъ ихъ обидахъ удовольствія, разореніе, принуждены будутъ, во избавленіе себе отъ того, тѣ обиды безъ доказательства оставить. По мнѣнію же де полк. канц—рім, кажется, приличнѣе быть тому слѣдствію тамо, какъ-то въ г. Переяславѣ, гдѣ обида послѣдовала и обидимые состоятъ, какъ уже до сего въ подобныхъ сему обидахъ слѣдствія производились тамо безъ большихъ убытковъ и затрудненій обывательскихъ, яко жъ при такихъ обь обидахъ слѣдствіяхъ, по неимѣнію на то письменныхъ доводовъ, свидѣтельскія доказательства быть должны, а безъ того и слѣдствія окончить невозможно будетъ“.

Гр. Разумовскій и съ своей стороны представлялъ въ Пр. Сенатъ, что слѣдствію обь обидахъ „способнѣе быть въ переяславскомъ и лубенскомъ полкахъ, гдѣ тѣ обиды чинимы“, на что въ декабрѣ 1756 г. состоялось такое опредѣленіе Пр. Сената:

„буде обиженные сами за отдаленностью въ Бахмутъ ѣхать не пожелаютъ, то велѣтъ имъ отъ себя повѣренныхъ послать, а сверхъ того, гетману малороссійской стороны и депутата отправить же туда; а по опредѣленію вашему, (т. е. гр. Разумовскаго) о бытіи тому слѣдствию въ Луб. и Переясл. полкахъ опредѣленія учинить не можно; для того что какъ слѣдователи отъ порученнаго дѣла отлучать, такъ и новоселившихся отъ ихъ домовъ, яко еще не обзаводившихся, высылать, дабы имъ отъ того разоренія не послѣдовало, не надлежитъ“.

Отстаивая интересы обиженныхъ малорос. обывателей, гр. Разумовскій въ томъ же декабрѣ 1756 г. представлялъ въ Сенатъ, что отъ отправки потерпѣвшихъ или ихъ повѣренныхъ въ Бахмутъ для присутствія при слѣдствіи и отъ вызова туда же свидѣтелей „ващія токмо веѣмъ имъ приключиться могутъ убытки“. Такъ одвой, кажется, перепиской все это дѣло и кончилось.

„Умаленіе“ и обѣднѣніе выборныхъ козаковъ.

Дѣло Ген. Войск. Канц. 1758 г. „по доношенію полк. лубенскій о представленіи къ Е. Я. съ приложеніемъ того доношенія копіи о новомъ распоряженіи того полку выборныхъ козаковъ“.

Полковникъ лубенскаго полка Иванъ Кулябка подалъ въ Ген. Войск. Канц. „доношеніе“ слѣдующаго содержанія: „сначала учрежденія въ Малой Россіи выборныхъ козаковъ опредѣлено оныхъ быть въ полку лубенскомъ тремъ тысячамъ семи ступидцати семи человекамъ; какое число тогда было набрано и содержано; а какъ чрезъ бывшее послѣднее съ турками военное время этого числа выборныхъ козаковъ разными случаями въ походахъ и въ домѣхъ до нѣсколько сотъ убыло, то въ прошедшемъ 741 г. паки оны набраны и комплектованы были, и при бывшемъ тогда генеральномъ смотру хотя въ полномъ вышенисанномъ числѣ состояли, однакъ нынѣ знову до полного комплекта многаго числа нѣтъ, и набрать уже оныхъ и совсѣмъ, какъ выборному козаку должно быть, исправить крайняя предвидится неудобность, посему что многіе съ тѣхъ козаковъ чрезъ ежегодныя и почти непрестанныя, въ походы на форпосты ко Днѣпру

и за Днѣпръ, въ Новую Сербію, на ливію и въ другія мѣста, командираціи, въ коихъ часто лишаются лошадей, принуждены по колько кратъ оныя покупать, и иные же чрезъ пожары и съ жильемъ, съ имуществы, обкраденные ворами, чрезъ падежъ скоту и лошадей, съ недороду и покунку дорогими цѣнами для пропитанія хлѣба, и другіе многіе разнообразныя припадки и случаи такъ обнищали и въ убожество пришли, что уже далѣ себе къ службѣ посправить крайне симъ не могутъ; многіе змерли, въ старость пришли, безвѣстно и въ извѣстныя мѣста по дозволителъному высокомонаршему указу, спровадъ разнообразными способами, *мимо вѣдома старшинъ сотенныхъ своихъ*, на исправленіе и въ службѣ потребностей и лошадей, и на заплату долговъ, якіе имѣли грунтяки, походили. Съ козаковъ же подпомощныхъ на нѣкоторыя убылія мѣста, якія казались лучшія на имуществѣ, хотя и опредѣляются, однакъ и тѣ уже, отправляя частыя командираціи, исправляя себе всѣми подлежащими потребностями и запасами харчевыми, а особливо покупая лошадямъ кошты и самыя лошади по кильку кратъ не дешевою цѣною, знищали, и уже прійти въ состоявіе къ содержанію себе въ надлежащей исправности не могутъ; послѣдніе же подпомощники тожъ самыя нищетніе остались, не только къ службѣ въ выборѣ себе исправить, но едва консистенскія дачи и другія народныя повинности выстатчатъ могутъ; якожь и сами большимъ числомъ только въ однихъ избахъ живутъ, неимѣя

нимало своихъ грунтовъ и пахатной земли, съ работковъ и зажону въ другихъ пропитаніе имѣютъ. Держатся же и къ службѣ состоятельными еще оказываются по большей части точію тѣ, которые семянные, и отправляютъ службу поочередно, перемѣняя одивъ другаго братьями невоинственными; но между оными таковы суть, что къ службѣ годности не имѣютъ и затѣмъ на своихъ мѣстахъ своихъ же другихъ родственниковъ, либо тамошнихъ казаковъ по уговору съ ними хотя высылаютъ въ наряды, однакъ таковы почитаются за наемниковъ и негодныхъ, и о томъ происходятъ къ командамъ представленія; а по представленіяхъ старшинамъ слѣдуютъ реприманды и отвѣты. А понеже по силѣ прочихъ указовъ и высокихъ В. Я. ордеровъ повелѣно показанныхъ выборныхъ козаковъ въ полномъ комплектѣ всегда и во всякой принадлежащей исправности къ службѣ годныхъ и проворныхъ содержать, и къ тому заобучая, и тѣхъ заобученныхъ уже другими не перемѣнять. Того ради, за при нынѣшнемъ моемъ по высочайшей милости воспринятіи надъ полкомъ лубенскимъ команды, намѣренъ самоперсонально всѣхъ наличныхъ выборныхъ козаковъ и ихъ братьевъ и другихъ свойственниковъ, на еднихъ дворѣхъ жіючихъ и службу за одно отправляющихъ, и одинокихъ пересмотрѣть и учинить нижеслѣдующее:

1) Которые козаки въ еднихъ дворѣхъ живутъ съ братами и другими родственниками, а имѣютъ всѣ къ службѣ годности, тѣхъ всѣхъ годныхъ на-

писать къ службѣ, которую за едно съ двора то-
чюю очередно отправляли; и для того изъ оныхъ
одного обуча къ службѣ и дѣйствию ружьемъ, про-
ворства и другаго, чего надобно, приказать, чтобъ
тотъ обученный и другихъ домашнихъ, въ службу
записанныхъ, годныхъ того же самого обучилъ, и
тѣ уже токмо обученные одни должны будутъ вся-
кіе походы и командиращіи поочередно отправлять.

2) Которые же въ какихъ дворахъ явятся преста-
рѣлые, дряхлые и слабые въ здоровьѣ, либо съ
другими причинами къ службѣ несостоятельные,
тѣхъ въ службу не употреблять, а должны оныя
точюю служащихъ помогать всякими потребностями
къ службѣ, и за отлучкою въ походъ годныхъ
въ хозяйствѣ женамъ ихъ помоществованіе чинить.

3) Которые выборные козаки состарѣлись и къ слу-
жбѣ уже не годятся, а другіе змерли, и дѣтей и
свойственниковъ къ службѣ годныхъ не осталось,
а грунта у нихъ и прочее имущество достаточное,
тѣмъ на всемъ ихъ коштѣ съ семейныхъ подпо-
мощниковъ къ службѣ годныхъ опредѣлить; и когда
тотъ опредѣленный въ походѣ будетъ, чрезъ то
время съ него полагаемыхъ консистенскихъ дачъ
не взыскивать, а должно тую дачу платить остат-
нымъ, на одномъ съ нимъ дворѣ живущимъ, братомъ
не войственникомъ; тотъ же, за кого къ службѣ
опредѣленъ, повиненъ за то время, чрезъ какое за
него въ походѣ будетъ, платить за мѣсяцъ, если
дальній походъ, по восемьдесятъ, а если близкій,
яко то: на форпосты, на линію, въ заднѣпренныя

мѣста, по шестьдесятъ коп. 4) Затѣмъ пересмотромъ и опредѣленіемъ въ службу у козаковъ, что не доставатыметъ до полнаго вышечисаннаго на полкъ лубенскій положеннаго числа выборныхъ, въ такомъ случаѣ всѣхъ подпомощниковъ семянистыхъ и одинокихъ, сколько ихъ на дворахъ жительствоуютъ, и кто съ нихъ какіе грунта и другое имущество имѣеть, переписать, и тѣхъ семянистыхъ, которые явятся къ службѣ годные, недостающее выборныхъ число набравъ и въ службу записавъ, прочихъ подпомощниковъ къ нимъ опредѣлить, чтобъ оныя къ службѣ записанныхъ во всемъ исправили, и во время нарядовъ въ походѣ вспомогали потребнымъ, а тѣ выбранные къ службѣ должны по переѣмамъ нарядъ отправлять. 5) Буде же за крайнимъ убожествомъ съ подпомощниковъ укомплектовать выборныхъ, а паче исправить потребнымъ будетъ невозможно, то яко въ томъ исправленіи первая и найважшая состоитъ трудность въ лошадяхъ, яко же оныхъ предлежитъ всякому имѣть по двое, которыя часто у козаковъ разными случаи пропадаютъ, и на тѣ мѣста другія покупаемы бывають не дешевою цѣною; въ такой наипаче покупки, и особливо покупая въ походахъ на оныя лошади коштъ приходятъ въ обнищаніе и къ службѣ несостояніе, то съ такихъ обстоятельствъ, по мнѣнію моему, довлѣло бѣ въ полку лубенскомъ быть выборнымъ коннымъ только тремъ тысячамъ; а прочимъ семи стамъ тридцати семи выборнымъ же пѣшимъ, которые могутъ, когда военный походъ по-

слѣдуетъ полку, при полковой артилеріи и обозѣ полковомъ слѣдовать; и въ случаѣ военнаго дѣйствія оную артилерію и обозъ отъ противнаго наступательства охранять и въ пути полковой же обозъ и артилерію прикрывать, и караулы какъ въ походѣ, такъ и въ домѣ, будутъ при полковой канцеляріи, при судѣ полковомъ, и гдѣ подлежатъ, содержать, и тѣ пѣшіе во всемъ бы такову же исправность въ мундирѣ и ружьѣ имѣли, какъ и конные; да для возки провіанту и прочаго въ недалекой походѣ; на чтирѣхъ, а въ большой на трехъ человекъ по одной, а хотя и по двѣ подъемныя лошади, а особливо всѣхъ тѣхъ козаковъ за обыкновенными и непотребными древними ихъ непорядочными перемѣнками, сколько бы ни стараться какъ полковымъ, такъ и сотеннымъ старшинамъ, никакими мѣрами привести къ добропорядочному военному дѣйствию крайне невозможно; ибо по такимъ ихъ (?) свойственными наемниками и другими бываемыми перемѣнками, всегда въ потребномъ случаѣ необученные козаки не токмо сами торопясь дѣйствовать ничего не могутъ, но изъ обученныхъ и проворность къ военному дѣйствию имѣющихъ сбиваютъ и немалое чинятъ замѣшательство. Для того я самъ всѣхъ оныхъ какъ конныхъ, такъ и пѣшихъ козаковъ, если ихъ по вышесписанному набору и укомплектованію учинить, повелѣно будетъ по прошествіи полевыхъ работъ, въ удобное время и мѣсто собрать, съ ружья цѣлко палить, проворность въ случаѣ потребномъ имѣть, и другому та-

ковому должности козачей принадлежащему военному дѣйствию приобучить рачительное по прилежной моей должности старательство имѣтиму, и незабвенно не только въ военное, но и въ мирное время какъ сотеннымъ старшинамъ въ томъ ихъ козаковъ ежечастьо экзерцировать предлагать буду; такъ и самъ надъ ними непрестанно того наблюдать долженствую; но яко по тому предпринятому мною намѣренію къ вышечисанному козакамъ ко укомплектованію въ полное число набору и исправленію; паче же если конными укомплектовать будетъ невозможно, пѣшихъ набирать, не имѣя на то дозволительнаго В. Я. съ войсковою канцеляріи резолюціи и повелѣнія, дерзости взять не смѣю, такъ подъ высокое Я. В. все тое благоусмотрѣніе симъ низайше представляя, что повелѣно будетъ, высокую резолюцію ордера ожидать должность имѣю“.

Разсмотрѣвъ представленіе полк. Кулябки, Г. В. К. съ своей стороны пришла къ слѣдующему заключенію: „ежели де въ разсужденіи прописанныхъ въ доношеніи ономъ обстоятельствъ какова поправленіе къ лучшему содержанію выборныхъ козаковъ воспріято не будетъ, то оныя и во всѣхъ прочихъ полкахъ отъ времени до времени могутъ умаляться, оскудѣвать и въ крайнемъ далѣе остаться въ исправленіи себе лошадьми, мундиромъ и аммуниціею не въ состояніи“.

Такое заключеніе Г. В. К. представила вмѣстѣ съ доношеніемъ полк. Кулябки на усмотрѣніе гр. Разумовскаго, который ордеромъ въ В. Г. К. предписываетъ: „поправленіе въ выборныхъ коза-

кахъ, въ какъ наилучшемъ ихъ всегда и во всемъ надобномъ содержаніи, отдать на разсмотрѣніе и прилежное старательство полковническое, а и съ опредѣленіемъ пѣшихъ выборныхъ поудержаться впредь до усмотрѣнія; конныхъ же выборныхъ полный былъ комплектъ. А что оный полковникъ въ томъ доношеніи своемъ между инымъ упомянулъ: съ козаковъ де многіе безвѣстно и въ извѣстныя мѣста, спровадивъ разнообразными способами, мимо вѣдома старшинъ сотенныхъ якіе имѣли грунтники, посходили, то о извѣстныхъ, кто куда сошелъ и свои грунта кому, когда, какъ, по продажѣ или инако оставилъ и за кѣмъ оныя теперь, велѣтъ ему полковнику, собравъ съ сотень вѣрныя вѣдомости, прислать въ Г. В. К., а оной, разсмотрѣвъ обо всемъ, учинить опредѣленіе въ согласіе указовъ и правъ; и грунты козачіе, за запретительнымъ 739 году указомъ кому либо уступленные, или инако завѣденные, приказать, отобрать, отдать, кому ближае принадлежатъ въ родъ козачій къ отбуванію войсковой службы, дабы въ оной умаленія не было. А ежели Г. В. К. усмотрѣно будетъ съ другихъ отъ полковъ представленій сіе, чтобы съ какихъ случаевъ могли умаляться козаки выборные, въ такомъ случаѣ можетъ Г. В. К. къ недопущенію до умаленія и о наилучшемъ содержаніи предпринять такія мѣры, каковы бѣ сходственны были съ указными повелѣніями, состоявшими съ начала учрежденія тѣхъ выборныхъ козаковъ“.

Этотъ ордеръ данъ 1758 г. іюня 18.

Магистратская вѣдомость г. Кіева 1775 г.

Дѣло 1775 г. „по сообщеніямъ госуд. комерцъ-коллегіи о присылкѣ къ оную коллегію о всемъ городѣ Кіевѣ и уѣздѣ нужныхъ свѣдѣній“.

Кіев. ген.-губ—ръ Воейковъ получилъ сообщеніе изъ Гос. Ком.-Кол. отъ 5 генв. 1775 г. о томъ, что Коллегія, „не имѣя у себя по нынѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній касательно до купечества, жителей городскихъ фабрикантовъ и проч., минувшаго ноября ст. г. опредѣлила оныя, откуда надлежить, истребовать“, почему Коллегія и просить ген.-губ—ра оказать содѣйствіе къ скорѣйшему полученію изъ разныхъ мѣстъ затребованныхъ свѣдѣній. Въ силу полученнаго отъ Воейкова кіев. маг—томъ требованія, составлена была, по присланной программѣ, приводимая ниже вѣдомость, которую подписали: надворный совѣтникъ и кіевскій войтъ *Григорій Цивоваховъ*, бурмистръ и городскій голова *Яковъ Давидовскій*, бурмистры: *Аванасій Александровичъ*, *Иосифъ Гудимъ*, *Иванъ Силенко-Ньчай*, *Герасимъ Кувичинскій*, райцы: *Стефанъ Дмитровичъ*, *Дмитрій Александровичъ*, *Илія Скрѣбницкій* и *Василій Ризенко*, писарь *Николай Леонтовичъ* и реентъ *Да-*

нито Слюсарскій. Вѣдомость эта отличается еще большимъ отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній, статистическихъ данныхъ, чѣмъ помѣщенное нами раньше (вып. 3-й Ист. Мат.) описаніе г. Кіева, составленное въ Кіев. Губ. Канцеляріи.

„Вѣдомость кіевского магистрата Кіева нижнего города имянуемаго Подола, о мѣщанахъ, купечествомъ промишляющихъ, ремесленныхъ и о прочемъ. 1775 года марта ¹⁹ дня (сочиненная).

1) Оного города Кіева Подола, мещане состоятъ на особливо утвержденныхъ высокомонаршими жалованными сего города магистрату и мещанамъ грамотами, королей полскихъ правахъ, и привилегіяхъ, и потому здешнымъ мещанамъ подушной ревизіи никогда не бываетъ, а состоитъ въ семь городѣ Кіевоподолѣ дворовъ 1928, оного города въ подгородьи Преорки, Кореніовщинѣ и Смирцѣ домовъ 337. Жители сего города расположены по статьямъ, какъ то реестровые и цеховые; подъ знакомъ реестровой корогвы состоятъ: мещанство и купечество, а цеховые раздѣлены по рукоесламъ на цехи, а именно: портной, скорняшной, сапожной, кузнечной, ткацкой, гончарской, плотницкой, рыбалскій, перепечайскій, мясницкій, иконописное и цилюрницкое собранія, и посполитые сотни.

2) Здешніе мещанья по болшей части реестровой корогвы, а нѣкоторые и ремесленные цеховые производять торгъ здесь въ завкахъ нѣмецкими и великороссійскими разными, шелковыми бумажными, шерстяными, пушными і желѣзными товарами,

а нѣкоторые держать отъѣзжіе торги за границу въ Польшу, въ Цесарію, Саксонію, въ Пруссію, Гданскъ, возять товары великороссійскіе пушныя, китайку, холстъ, крашенину, малороссійскіе говяжье сало і воскъ. Цеховые питаются рукодѣліемъ, а чернь, находящаяся въ сотняхъ, питаются работою у партикулярныхъ людей.

3) Въ здѣшнемъ городѣ Кіевоподолѣ въ годъ бываетъ три ярмонки: першая на другой недѣли великаго поста, имянуемой зборной, вторая мая зъ 9-го николская, третья зъ августа 15 чисель успенская, каждая по восемь дней, а торги, бывають обыкновенно въ понеделникъ, среду и пятокъ.

4) Оного города Кіевоподола въ подгородьи Преорки, Кореніовщинѣ и Сырцѣ никакихъ годовыхъ, ярмонковъ и торговъ не бываетъ.

5) Въ городѣ Кіевоподолѣ имѣются казенной шелковой и партикулярныя кожевныя и корпичныя заводы.

6) Въ здѣшнемъ городѣ Кіевоподолѣ и въ подгородьи оного, фабричныхъ людей, которыебъ не на фабрикахъ привилегированныхъ, но особенно на станахъ работали шелковыя, шерстяныя, бумажныя и другія какія матеріи, не состоитъ, а имѣются только ткацкія станы, на коихъ работаютъ здѣшніе ткачи для своихъ и обывательскихъ домашнихъ нуждъ, и на продажъ холстъ, и другіе надобности, какъ то шерстяной мухоаръ, съ котораго монахи одѣваніе носятъ, такожъ сермяжныя сукна и протчіе тѣмъ подобныя вещи.

7) Въ семь городѣ никакихъ особенно достойныхъ по знатности ихъ примѣчанію, промысловъ казенныхъ и партикулярныхъ, или же вообще какому мѣсту, или народу принадлежащихъ, нѣтъ.

8) Металльныхъ и минеральныхъ никакихъ заводовъ равно верфѣ, и такихъ мѣстъ, на которыхъ производится строеніе мореходныхъ партикулярныхъ судовъ, здесь нѣтъ же.

9) Какъ здесь люди волные, то по желаніямъ ихъ въ разныя мѣста для принсканія службы либо работъ безъ удержно, иніе на время, а нѣкоторые и навсегда за пашепортами, отъ сего магистрата отпускаются.

10) Въ городской тюрьмѣ за казенные долги никого нѣтъ, а за партикулярные по зашедшимъ искамъ, не державъ долго въ арестѣ, поступается съ имѣніемъ должника, а въ недостаткѣ оного и съ самымъ имъ по законамъ.

**Въ ожиданіи Высочайшаго посѣщенія Кіева
въ 1744 году.**

Разбитое безъ заглавнаго листа дѣло Кіев. Губ. Канц. 1744 г. заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя, не лишеныя интереса, свѣдѣнія о тѣхъ предосторожностяхъ, какія приняты были въ г. Кіевѣ въ ожиданіи Высочайшаго посѣщенія его Государиней Императрицей. Изъ дѣла этого видно, что 2 іюля 1744 г. Пр. Севать, въ виду предстоявшаго путешествія Государини, издавъ указъ, которымъ предписывалось всѣмъ начальствующимъ по пути отъ Москвы до Кіева лицамъ принять соотвѣтствующія мѣры для удаленія изъ мѣстъ, по которымъ должна проѣзжать Государиня, людей „воспою и корью, лопухою или другою какою сыпью одержимыхъ, и ежели гдѣ явятся, то тѣхъ больныхъ тотчасъ велѣть вывозить, а здоровыхъ, находящихся въ тѣхъ дворахъ, жителей въ другіе дворы никуда кромѣ ихъ одной работы, что домашней нужды надлежитъ, не пускать и того накрѣпко наблюдать и для того къ тѣмъ дворамъ приставить безсмѣнной караулъ“.

Кіев. ген.-губ—ръ, получивъ этотъ указъ, далъ знать о немъ всѣмъ подчиненнымъ ему учре-

жденіямъ и лицамъ, къ кому это относится могло, предписывая „чинить“ по тому указу. Между прочимъ, находимъ письма его къ митрополиту Рафаилу, лаврскому архимандриту Тимофею Щербацкому, межигорскаго монастыря архим. Герасиму Завадовскому, ордеры къ кiev. войту Войничу и командирамъ пѣх. полковъ Шлиссельбургскаго фонъ-Гегейму и С.-Петербургскаго майору фонъ-Доршену.

Начались „изслѣдованія“ и составлялись вѣдомости о больныхъ и препровождались къ кiev. ген.-губ—ру. Въ нѣкоторыхъ вѣдомостяхъ показывались не только больные упомянутыми въ указѣ болѣзнями, а всякіе. Такъ напр. при доношеніи арх. межигорскаго мн—ря находимъ слѣдующую вѣдомость, составленную войтомъ с. Вышгорода:

„1744 года іюля 15 дня скоро по полученіи зъ монастыря межигорскаго писанія заразъ того жъ часу я войтъ ходилъ по селу и списали больныхъ людей, а именно: у Ковала Матвѣя дитя малое больно на животъ; Михайло Евфимчикъ болѣтъ ногами и руками не владѣтъ; у Федора Добрашенка дитя малое въ кору лежитъ; дяка Выжгородскаго жена на кашель недужа; у Евфима Кадчинскаго мати на ноги болѣтъ, госціюва хороба“.

Кіевскій войтъ Войничъ отъ 23-го іюля доносилъ, что по полученіи имъ упомянутаго указа 23 іюля, „того жъ часу въ нижнемъ городѣ Кіевѣ на Подолѣ по всѣмъ улицамъ съ барабаннымъ боемъ публикація учинена“, затѣмъ сдѣлана была „обстоятельная всѣхъ дворовъ ревизія“ и составлена всѣмъ

больнымъ слѣдующая вѣдомость, приложенная къ доношенію:

„Вѣдомость по улицѣ мостовой отъ брамы крещатицкой до брамы воскресенской правою стороною ко Днѣпру кто осною и синко болѣзнию обдержимы нижей яветуеть:

Въ парахиі Добро-Николаевской кievской сотни козака Андрея Шпака дочь Марія отъ роду ей годъ четвертый говоритъ синко.

Отца Алексѣя Ооменка, священника Борисо-Гайбского, дочь его Параскевія отъ роду годъ пятой болѣла воспою въ іюнѣ м—цѣ, уже присхла совсѣмъ.

Отъ тое жъ крещатицкой брамы до брамы жъ воскресенской лѣвою стороною кугорѣ:

Въ парахиі Покровской вдовы Катерины попадьи дочь дѣвка Горпина и хлопецъ Оедоръ Кондратовъ мѣють на рукахъ коросту.

Въ дворѣ Михайла Кравця сусѣдка Настя Юсициха Золотарка имѣеть на рукахъ коросту.

У Гаврила Термичника сынъ его Иванъ Гавриловъ на рукахъ имѣеть коросту.

Въ парахиі Добро-Николаевской у Василя целюрика два ученика Иванъ Гавриловъ и Евхимъ Евдокимовъ на головѣ шолуди имѣють.

Въ парахиі Василевской въ дворѣ Науменковомъ у Андрея Бикувского дочь его дѣвчина Варка Андреевна мѣеть на рукахъ коросту.

Въ парахиі Притиско-Никольской вдовы Домны

Василихи дочь дѣвчина Харитина мѣть на рукахъ коросту.

У козака Ивана Судового жена и дочь имѣютъ на рукахъ коросту.

А кору и оспы ни у кого по сіе число 26 іюля не явилось.

За брамою крещатицкою въ Кожемякахъ въ парахіяхъ Константиновской, во Введенской повз. полѣсадъ къ притиски и по подвалъ:

Въ Кожемякахъ козакъ сотни кіевской Семень Смолянченко говоритъ сичко.

Въ парахіи Константиновской Тимоша Гапоненка жена Алена говоритъ сичко.

У Ивана Призучкого челядки дѣвки Евдокія на шокѣ и на плечу болячки.

Кіев. Губ. Канц—рія, по полученіи этой вѣдомости, немедленно дала указъ войту Войничу всѣхъ поименованныхъ въ ней лицъ „вывести изъ Кіева нижняго города въ отдаленное село или деревню и изъ того села или деревни отнюдь никому во время высоч. Е. И. В. въ Кіевъ пришествія во все то время, пока Е. И. В. пробыть изволятъ, ко двору Е. И. В. приходитъ запретить и для того приставить къ нимъ особливой караулъ“.

Такая же вѣдомость была прислава и митрополитомъ Рафаиломъ о больныхъ на Звѣринцѣ, находившемся въ вѣдомствѣ Выдубицкаго мит—ря, а равно и упомянутыми выше полковыми командирами.

Относительно всѣхъ этихъ больныхъ сдѣлано было такое же распоряженіе, какое приведено выше.

Между тѣмъ, ген.-губ—ръ Леонтьевъ получилъ слѣдующее письмо отъ 14-го августа 1744 г. изъ с. Козары отъ „кабинетнаго статскаго совѣтника“ Василя Демидова.

„Понеже Ея Императорскому Величеству извѣстно учинилось, что въ Кіевъ много приходятъ изъ разныхъ странъ боляція, между которыми находятся тяжкими недугами одержимые люди, и особливо апелексією: того ради Е. И. В. указала В. П—ву надлежащее при томъ смотрѣніе употребить съ найкрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, дабы во время Ея И. В. въ Кіевѣ пребыванія такіе недужные какъ въ монастырь, такъ и въ прочія св. церкви, гдѣ иногда Ея Величество присутствовать изволить, допущены не были, и для того приставить нарочныхъ офицеровъ съ командами, и при впускѣ народа велѣть такихъ спрашивать, и ежели какія найдутся, то высылать вонъ и отсылать за городъ; также всѣмъ жителямъ кіевскимъ объявить: ежели у кого въ домѣхъ имѣется воспою, корью, лопухою и другою какою сыпью одержимые люди, и тѣ бы обыватели и никто изъ домовъ ихъ во дворецъ, гдѣ Ея И. В. пребывать изволить, отнюдь никто не ходилъ и на пути къ Ея И. В. и къ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Государю и Великому Князю, и Великой Княжнѣ нигдѣ не подходилъ и къ придворнымъ ни къ кому не ходили и къ себѣ не зазывали и квартиръ у такихъ людей придворнымъ никому не отводить, о чемъ объява остаюсь съ должнымъ почтеніемъ“.

Ген.-губ—ръ, сообщая о полученномъ имъ письмѣ Демидова, прежде всего обратился къ кiev. оберъ-коменданту, давъ ему слѣдующую инструкцію:

„(1) Отъ кievскихъ гарнизонныхъ полковъ трехъ оберъ-офицеровъ и съ надлежащими командами откомандировать и снабдить пристойными инструкціями и учредить при всѣхъ Кіево-печерской Лавры воротахъ велѣть поступать и найкрѣпчайшимъ образомъ всегда того наблюдать противъ вышечисланнаго непремѣнно.

(2) А для лучшаго предусмотрѣнія дабы таковыя какъ въ Кіево-печерскую и въ Старокіевскую крѣпости впускаемы не были, о томъ караульнымъ офицерамъ съ найкрѣпчайшимъ подтвержденіемъ предложить.

(3) Особливо же какъ во оныхъ крѣпостяхъ такъ и за крѣпостями всегда жителямъ кievскимъ и во всѣхъ кievскихъ гарнизонныхъ полкахъ объявить ежели у кого въ домахъ имѣется воспою, корью, лопухою и другою какою сыпью одержимыя люди и тѣ-бъ обыватели и никто изъ домовъ ихъ во дворецъ Ея И. В. отнюдь никто ходить не дерзали и на пути къ Ея Императорскому Величеству и къ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Государю Великому Князю и Великой Княжнѣ нигдѣ не подходили и съ придворными нигдѣ не ходили и къ себѣ не зазывали и квартиръ у таковыхъ людей придворнымъ никому не отводить.

(4) А нищихъ кои изъ за границы и изъ за Днѣпра пришедшіе шатаются по силѣ прежняго

ордера собравъ выслать изъ Кіева заднірскихъ за Дніпръ по прежнему, а заграничныхъ для высылки за границу прислать въ Кіев. Губ. Канц.

(5) И что по сему воспослѣдуетъ меня репортовать.

(6) А егда куда изъ Кіево-печерской крѣпости высочайшее Ея Импер. Величества и Ихъ Импер. Высочествъ шествіе будетъ, тогда и означеннымъ офицерамъ и съ командами быть тамо надлежитъ и исполненіе чинить по тѣмъ же инструкціямъ.

Предосторожности противъ эпидеміи въ 1771—72 г.

Дѣло 1771 и 1772 годовъ „по указамъ Пр. Сената каса-
тельно до предохраненія и врачеванія заразительной язвы“.

Копія съ ордера даннаго г-ну г.-маіору кiev-
скому оберъ-коменданту и кавалеру Елчанинову
отъ 16-го апрѣля 1771 года.

Какъ сохраненіе всѣхъ полезныхъ порядковъ
есть весьма необходимо надобный предметъ, безъ
котораго обойтись не можно, а особливо нынѣ по-
слѣ бывшаго здѣсь нещаднаго прилучая зарази-
тельной болѣзни, чего ради и по должности моеѣ
во всѣхъ частяхъ г. Кіева нахожу учинить слѣд.
учрежденіе:

1) Всѣмъ находящимся въ жительствѣ мало-
россійскимъ людямъ и другимъ всякаго чина и зва-
нія разночинцамъ, кто оныя имяны, какого званія
люди, откуда въ жительство сюда зашли и по ка-
кимъ случаямъ прежнія свои мѣста и жилища оставя
здѣсь проживаютъ учинить переписавъ въ старо-
кievской крѣпости за коменданта примерь-маіору
Раевскому и быть имъ въ вѣдомствѣ его, а въ пе-
черскомъ форштатѣ полицмейстеру то жъ учинить
не исключая гарнизонныхъ и прочихъ воинскихъ

чиновъ и командъ, кои имѣють свои дома и раздѣля на десятки и сотни, выбравъ изъ нихъ по усмотрѣнію кого надлежитъ сотскихъ и десятскихъ давъ имъ о тѣхъ раздѣленіяхъ имянныя списки найстрожайше подтвердить при томъ, чтобъ оныя ежесуточно по утру и вечеру въ своемъ десяткѣ и сотнѣ по дворамъ ходя перекликали и о прибыли и убыли тожъ и кто ежели заболитъ репортовали, о старокіевскихъ объявленнаго за коменданта примеръ-маіора Раевского, а о печерскихъ полицмейстера, а имъ маіору и полицмейстеру имѣвъ для отмѣтки въ половину листа имянной списокъ противъ заболѣвшаго имени замѣтя того-жъ часу съ тѣмъ спискомъ послать лѣкаря велѣвъ смотрѣть онаго и какою болѣзнію записать и о тѣхъ больныхъ съ показаніемъ болѣзней посуточно по командѣ писменно доносить по учиненіи-жъ переписки и по раздѣленіи на сотни и на десятки и кто при нихъ оныя выбраны съ приложеніемъ вѣдомости ко мнѣ знать дать.

2) Выморочные маленькіе и негодные домики и холупки для наилучшей предосторожности, а особливо такія, отъ которыхъ отъ пожара прочимъ опасности быть не можетъ сечь, отъ какихъ опасности быть можетъ разломавъ вывоза изъ города въ удобныхъ мѣстахъ потому-жъ огнемъ истребить.

3) Небезвѣстно есть, что отъ непорядочнаго обычая каждой безъ дозволенія и отвода строить себѣ дома, гдѣ только кто похочетъ, ко пресѣченію такого неустройства должно наблюдать непре-

мѣнно, чтобъ никто впредь не отваживался безъ дозволенія отъ начальства какъ въ крѣпостяхъ, такъ и въ принадлежащихъ къ онымъ форпостамъ новыхъ дворовъ строить, но ежели кому въ томъ будетъ надобность, тобъ требовали дозволенія, показавъ имянно гдѣ на сколькихъ саженьяхъ и въ какихъ мѣстахъ строится желаетъ, почему не оставлено будетъ въ дачѣ дозволеніе учинить не медлительнаго разсмотрѣнія.

Копія съ репорта доктора Силы Митрофанова отъ 11 іюля 1771 г. поданнаго къ г-ню г.-поручику и кавалеру фонз-Сиверсу.

Въ силѣ ордера В. Впр—ва о способахъ кои я употреблялъ на Подолѣ для выкуриванія магазейна съ мундирными и амуничными вещами съ великимъ успѣхомъ какъ В. Впр. извѣстно, имѣю честь въ покорности моей донести, что оные способы суть слѣдующіе:

1) Селитра, сѣра горячая и гумми, мирѣ оныхъ двухъ объявленныхъ три части, а сей послѣдней одну часть надобно взять и смѣшавъ хорошо, и такъ будетъ курительный порошокъ, противу язвы порошкомъ можно избавить не точію дома зараженныя, но и вещи въ нихъ находящіяся какъ я уже довольными опытами будучи на Подолѣ сіе доказалъ, чему кievскій магистратъ и подольскіе жители засвидѣтельствуютъ.

2) Помянутый магазейнъ съ амуничными вещами кромѣ окуриванія вывѣтривался и всѣ вещи

на холодной воздухъ вывѣшивали и все сіе продолжалъ 4 недѣли, а о благополучныхъ успѣхахъ сего моего дѣйствія В. Впр. уже довольно извѣстно и такъ я смѣло могу передъ В. Впр. сказать, что вышеобъявленные способы въ зараженныхъ вещахъ народу болѣе могутъ принести пользы нежели огонь, а въ прочемъ сдаюсь на разсужденіе В. Впр—ва; какія лѣкарства я на Подолѣ въ зараженномъ лазоретѣ для больныхъ употреблялъ явствуетъ приложенный рецептъ: рвотные, проносные и потовые лѣкарства въ заразительной болѣзни весьма вредительны, и такъ всѣмъ тѣмъ, кои о такихъ лѣкарствахъ говорятъ вовсе не надобно вѣрить, кушанье и питье для больныхъ должно быть кислое, какъ-то хлѣбъ, щи съ бураками изъ говядины, которая бы не жирва была, питье—вода самая холодная съ уксусомъ и если все сіе акуратно употребляемо быть имѣетъ въ зараженномъ лазоретѣ, то истинно несомнѣнныхъ успѣховъ ожидать надобно, я же сіе пишу не теоріей, но практикою утвердившись и В. Впр. доношу по самой справедливости“.

Копія съ этой бумаги были посланы разнымъ лицамъ въ Кіевѣ для принятія къ свѣдѣнію.

18-го октября 1771 г. Ф. Воейковъ далъ К. Губ. Канц. слѣдующее предложеніе: „Гд—въ гвардіи маоръ Шиповъ письменно мнѣ сообщаетъ: 1) чтобъ единожды на всегда сдѣлать учрежденіе и повелѣть, дабы всѣ безъ изыятія въ Кіево-печерскомъ форштатѣ, хотя и разныхъ командъ, чиновники, въ собственныхъ своихъ или нанятыхъ и въ

постои отводимыхъ домахъ живущіе, соединены были послушаніемъ всему тому, что отъ полиціи поставляемо будетъ безъ прекословія, дабы тѣмъ полиція ежедневное и ежечасное имѣла свѣдѣніе о благосостояніи жителей. 2) Какъ де дѣйствительно наступило холодное время и морозы, тобъ вездѣ по дворамъ приказать имѣть дымокуреніе и на ономъ каждому жителю вынося по часту всѣ свои изъ сундуковъ и другихъ сокровенныхъ мѣсть вещи окуривать и провѣтривать. Я, признавая всѣ вышеписанные весьма нужными и внутреннему благоустройству полезными и къ прекращенію настоящихъ прискорбныхъ обстоятельствъ весьма способствующими средствами, за должное нахожу Кіев. Губ. Канц. найприлежнѣйше рекомендовать о строжайшемъ подтвержденіи всѣмъ вѣдомства оной канцеляріи чинамъ, дабы они безпрекословно и подъ жесточайшимъ взысканіемъ вышеписанному учрежденію повиновались ибо отъ сего зависить цѣлость и спасеніе всего общества.

Изъ дѣлъ пограничной комисіи.

1.

Дѣло 1737 г. „объ отправленіи для слѣдствіи про гайдамаковъ и ляхагося у нихъ знамена, которые въ Польшѣ тамошнимъ подданнымъ причинили разныя обиды, изъ кiev. гарнизона полковника Никиту Мерликаина, подполк. В. Демяновскаго и др“.

23 декабря 1736 г. послѣдовалъ изъ Пр. Сената на имя кiev. губернатора Сукина такой указъ:

„Понеже въ прошломъ 1732 г. сентября 15 д., по приговору Пр. Сената, и посланнымъ в погранич. с Польшею губерніи новгородскую, бѣлогородскую, кievскую, смоленскую и в провинціи псковскую и великолудскую указомъ велѣно во оныхъ публиковать дабы тамошніе жители, коимъ какія отъ поляковъ обиды приключены или впредь учинятся, такожъ и о уходящихъ отъ нихъ за рубежъ польской россійскихъ людехъ и крестьянехъ, ежели у кого что укравъ унесутъ, погранич. комисарамъ обстоятельныя вѣдомости подавали, по чему бь могли въ удовольствіе опредѣленнымъ от польской стороны комисарамъ представить и съ ними о тѣхъ дѣлахъ без продолженія в комисію вступить и прежде того с пограничными польскими управители о томъ переписку имѣть и в Коллегію Ин.

дѣлъ репортовать; а въ которыхъ мѣстахъ комиссаровъ нѣтъ, а именно, *в кievской губерніи* и в великолуцкой провинціи, то такія о обидахъ вѣдомости собирать губернаторамъ и воеводамъ и в томъ какимъ образомъ поступать, какъ и комиссарамъ повелѣно чинить. А нынѣ в Сенатъ Коллегія Ин. д. доношеніемъ представляла, что в тую Коллегію опредѣленный во псковскую провинцію погр. комисаръ Квашнинъ-Самарнинъ доносить: прошлаго де 735 и нынѣшняго 736 годовъ, по указу Е. И. В. имѣющіеся в Польшѣ и Литвѣ российскіе подданные бѣгле солдаты и всякаго чина люди и крестьяне чрез нарочные команды какъ от арміи, бывшей в Польшѣ, так и из Смоленска сыскиваны и отбираны и в Россію на прежнія жилища высланы, в томъ числѣ псковской пров., как в дворцовые и архіерейскіе и в монастырскіе вотчины, так и помѣщикамъ и вотчинникамъ бѣглыхъ ихъ людей и крестьянъ выслано и выдано не малое число, о которыхъ нѣкоторые помѣщики словесно объязываютъ, что из оныхъ выданныхъ к нимъ, помѣщикамъ, паки побѣжали от нихъ по прежнему в Польшу, что де можетъ быть и у многихъ псковской пров. помѣщиковъ таковыя бѣглецы имѣются, а письменно как о томъ такъ и о прочемъ учиненныхъ имъ с польской стороны обидахъ к комисіи пограничныхъ дѣлъ вѣдомостей не подаютъ; чего ради от него, Квашнина-Самарнина во пск. пров. канц. как в прош. так и в нынѣш. 736 годѣхъ письменно представлено, чтоб из оной пров. канц. велѣно было в городѣ Псковѣ и в провинціи о подаваніи к комисіи погр. дѣлъ вѣдомостей публиковать, а в которыхъ числахъ оная публикація учинена будетъ, такожь и в прошлыхъ годѣхъ в которыхъ мѣсяцахъ и

числехъ публиковано было, о томъ бы пск. пров. канц. ему для вѣдома письменно сообщила, котораго де сообщенія от той канц. по н—нѣ ему, Самарину, не учинено, а в комисіи погр. дѣл в поданіи оныхъ вѣдомостей об ушедшихъ людехъ и крестьянехъ по прежнему в Польшу, которые в прошлыхъ 735 и 736 годѣхъ были оттуда выданы, самое малое число; а из словъ де псковск. пров. помѣщиковъ и нынѣ слышно, что от многихъ такіе бѣглецы имѣются. Того ради, по указу Е. И. В. Пр. Сенатъ, по требованію оной Кол. Ин. д., приказалъ: в пограничныя с Польшею губерніи новгородскую, смоленскую, кіевскую, бѣлогородскую, такожъ во псковскую и великолуцкую губерніи, послать указы, велѣть во оныхъ всѣхъ пограничныхъ с Польшею мѣстахъ публиковать, чтобъ тамошніе жители, коимъ какія от поляковъ обиды приключены или впредь учинятся, такожъ и о уходящихъ от нихъ за рубежъ польской людехъ и крестьянехъ и сносѣ и о пр. опредѣленнымъ погр. комисаромъ в провинціяхъ во псковской Ивану Квашнину-Самарину, в новгородской Ивану Лутохину, в Смоленску Григорію Дагановскому обстоятельныя вѣдомости приносили, почему могли оныя в состояніи быть, когда польскіе комисары опредѣлятся, с ними о тѣхъ дѣлахъ без продолженія в комисію вступить и прежде того съ погранич. польскими управителями о томъ переписку имѣть и в Коллегію Ин. д. репортовать; а в кіевской и бѣлогородской губерніяхъ и в великолуцкой провинціи, в которыхъ комисаровъ нѣтъ, такія вѣдомости собирать губернаторамъ и воеводамъ и в томъ такимъ же образомъ поступать, какъ и комисарамъ повелѣно чинить, и г. ген.-м. и кіев. губ. Сукину чинить о томъ по сему Е. И. В. указу“.

Одновременно съ этимъ получилъ Сукинъ и письмо (отъ 1 генв. 1737 г.) гр. Миниха такого содержания:

„Г. г. гетманы польской великокоронный гр. Потоцкій да литовскій кн. Вишневецкій чрезъ приславные ко мнѣ письма приносили жалобу на запорожскихъ козаковъ объ учиненныхъ ими въ польскихъ жилищахъ обидахъ и разореніяхъ и требовали о учиненіи въ томъ надлежащей сатисфакціи, объявляя якобы изъ тѣхъ запорожскихъ козаковъ и при томъ разореніи бывшихъ нѣкоторые и пойманы, и что они, запорожцы о томъ и допросомъ показали. А понеже объ ономъ отъ польской стороны, подлинно ли то помянутыми запорож. козаками учинено, не вовсе доказано, понеже какъ въ именномъ Е. И. В. указѣ ко мнѣ присланномъ объявлено, что не меньше того вѣроятно есть, яко то отъ Орляковой компаніи и отъ тѣхъ бездѣльниковъ козаковъ, которые при немъ обрѣтаются, такожь де и отъ собственного ихъ польского протвнника Эперіуса, которой до сего времени не хотя короля и Рѣчи Посполитой должно покориться, къ туркамъ приближише взявъ при нихъ содержится, происходить, а взятое у тѣхъ бездѣльниковъ знамя, съ котораго чертежь ко мнѣ сообщенъ, явно вышешоказанное подтверждаетъ, якожь оное никогда запорожское и россійское не бывало. Чего ради для настоящаго въ томъ изслѣдованія, подлинно ль то запорожскими козаками учинено велѣво учредить какъ съ польской такъ и нашей стороны надлежаще комисію, командировавъ къ тому съ нашей стороны надлежащее число штабъ и оберъ-офицеровъ, а отъ поляковъ, какъ въ письма реченныхъ господъ видно, надлежащіе комисары уже опредѣлены. Чего

ради съ присланныхъ о томъ ко мнѣ писемъ копій, также и изъ именного Е. И. В. указу экстрактъ, а со взятого отъ поляковъ у тѣхъ бездѣльниковъ знамя чертежъ при семъ сообщаются, по которымъ для изслѣдованія, по силѣ вышеписанного именного Е. И. В. указу, изъ полковъ кiev. гарнизона командировать добрыхъ штабъ и оберъ офицеровъ и отправить оныхъ, по сношенію съ реченымъ г. великорон. гетманомъ гр. Потоцкимъ, въ то мѣсто, гдѣ оной комисіи быть надлежитъ и приказать о томъ обще съ опредѣленными отъ польской стороны комисары изслѣдовать, и ежели изъ запорожскихъ козаковъ при томъ разореніи бывшихъ въ содержаніи имѣются, оныхъ требовать при той комисіи надлежащимъ образомъ допрашивать, подлинно ль то ими учинено и помянутое знамя запорожское или иное какое, о томъ чрезъ тѣхъ козаковъ накрѣпко развѣдывать и, что по тому слѣдствію явится, о томъ меня со обстоятельствомъ репортовать. При помянутомъ же слѣдствіи онымъ командированнымъ офицерамъ приказать поступать съ крайнею осторожностію и осмотрительно, дабы чрезъ польскія претензіи напрасно оныя запорожскіе козаки обвинены и чрезъ то къ неправильнымъ претензіямъ польской стороны поводъ поданъ не былъ. И для того ко оному слѣдствію такихъ офицеровъ опредѣлите извольте, на которыхъ въ томъ положиться было возможно, а кто командированы будутъ меня репортовать. И понеже какъ отъ В. П. такъ отъ прочаго генералитета ко мнѣ представлено, что подданнымъ Е. И. В. въ бытность въ Польшѣ для ихъ нуждъ, также и посланнымъ для Е. И. В. дѣлъ, чинены немалые обиды, грабежи и многіе отъ польскихъ шляхтичей безвинно мучены, коимъ

еще никакого удовольствія по нынѣ не учинено и пограбленного не возвращено, а по сосѣдственной между обоими государствами дружбѣ о томъ при нынѣшнемъ учреждающемся съ обѣихъ сторонъ къ прекращенію происходящихъ между подданными ссоръ слѣдствіи къ удовольствію обидимыхъ и о томъ надлежащимъ образомъ вслѣдовать потребно, дабы чрезъ порядочное слѣдствіе всѣ тѣ ссоры и съ обѣихъ сторонъ претензіи прекращены быть могли, того ради В. П. изволите приказать, справя съ кiev губернской и гарнизонною канцеляріями и снестись съ генералтетомъ, о такихъ подданнымъ Е. И. В. отъ поляковъ показанныхъ обидахъ къ реченнымъ командированнымъ офицерамъ со обстоятельствомъ сообщать, коимъ велѣтъ по изслѣдованіи требовать о учиненіи надлежащаго удовольствія, и такое прилежное и неусыпное стараніе имѣть, дабы оная коммисія надлежащимъ и порядочнымъ образомъ и безъ малѣйшаго времени праздноупущенія окончала и подданные Е. И. В. отъ поляковъ обидимые удовольствованы были. Какіе жъ о томъ тѣмъ офицерамъ извѣстія сообщены будутъ, таковы жъ и ко мнѣ прислать“.

Получивъ этотъ ордеръ, кiev губернаторъ приказалъ для указаннаго слѣдствія, командировать изъ кiev гарнизона полковника Никиту Мерлякина, подполк. Венедикта Демяновскаго, майора Христофора Лавга, а при нихъ капитана, поручика, прапорщика, сержантовъ двухъ, капраловъ двухъ же, солдатъ сорокъ восемь чл—къ и для дѣйствія в томъ слѣдствіи дать имъ инскрукцію, которой для принатія и с писемъ гг. короннаго и литовскаго

гетмановъ копей о присылкѣ ихъ в кіево-губернскую канцелярію к ген.-м. и кіев. оберъ коменданту Нейбушу послать указъ; а о показанныхъ с польской стороны рос. Е. И. В. подданнымъ обидахъ в генералитетомъ и с прочими, с кѣмъ надлежить, гдѣ в оныхъ обидахъ находятся челобитные и протестаціи учинить сношеніе и требовать обстоятельныхъ вѣдомостей и подлинныхъ дѣлъ“.

31-го генваря Нейбушъ командировалъ въ К. Губ. Канц. названныхъ выше лицъ съ капитаномъ Горностаевымъ, поручч. Антроповымъ и прап. Лутковскимъ. Между тѣмъ отъ 26 генв. кіев. губернаторъ доносилъ гр. Миниху, что „о опредѣленіи с польской стороны командировъ“, и о томъ, гдѣ комисія должна собраться, ниоткуда не получаетъ извѣстія, а также затрудняется вопросомъ такого рода: въ указѣ сказано вѣдомости объ обидахъ собирать ему, губернатору, а по ордеру Миниха для этого уже назначены особые комисары; „только из наличныхъ кіев. гарнизона офицеровъ, сколько ихъ видѣть могу, к такимъ важнымъ дѣламъ надежно аттестовать не смѣю, развѣ бы армейскихъ, что паче на мудрое В. Вгр. Сіятельства оставляю разсмотрѣніе“. Гр. Минихъ на это отвѣчалъ, что „по опредѣленной по указу Е. И. В. комисіи офицеровъ из армейскихъ полковъ, ради наступающей компаніи опредѣлить невозможно, а изволите стараніе имѣть, дабы к сей комисіи из полковъ кіев. гарнизона офицеры командированы были люди достойные и к тому надежные, чтобъ она надлежа-

щимъ образомъ произведена и подданные Е. И. В. в ихъ претензіяхъ надлежаще удовольствованы и всѣ тѣ происшедшіе несогласія прекращены были“. О назначеніи комисіи губернаторъ увѣдомилъ митрополита, намѣстника Кіево-печ. лавры, князя Бяратинскаго въ Глухове, о томъ же опубликовано было по городамъ „при народномъ собраніи з барабаннымъ боемъ“.

котораго „за старостию и болѣзнями“ приходилось уволить отъ комиссарства, назначивъ на его мѣсто единственнаго валичнаго полковника вѣжинскаго полка Аврама Миронова.

Мионовъ былъ назначень 28 ноября, а въ декабрѣ онъ принялъ отъ Кошелева всѣ дѣла съ 1737 г., о чемъ и репортовалъ 31 декабря. Вторымъ же комиссаромъ, вмѣсто бывшаго Григорія Борозны, назначень былъ бунч. тов. Стефанъ Томара.

Изъ доношенія ком. Кошелева отъ 11 ноября видно, что польскіе комиссары на этотъ годъ сами было назначили съѣздъ на 7 ноября въ Мотовиловкѣ, куда русскіе комиссары и прибыли 4, но польскихъ не дождались, а полученныя затѣмъ отъ нихъ письма въ Оришковѣ отправили въ Гос. Кол. Ин. д., а копіи съ нихъ въ переводѣ къ ген. губ.—ру *).

*) Первое изъ этихъ писемъ изъ Городища отъ обоихъ пол. комиссаровъ, Казимира Потоцкаго и Луки Богдановскаго: 1) Вельможные г—да погр. рос. судьи, наши г—да товарищи братья и гд—ри. Хотя вы вельможные г—да съ нами соглашались не хотите или силы не имѣете, мы же, поелику касается къ нашей должности, всегда съ вами согласіе при справедливости хравить желаемъ и къ настоящей нашихъ пограничныхъ судовъ компетенціи въ Мотовиловку прѣхать желали бы, но повеже у насъ нынѣ сеймъ въ Варшавѣ дѣйствительно по силѣ нашихъ польскихъ правъ производитъ, на которомъ не токмо что вѣкоторые персоны, призываемые къ пограничнымъ судамъ, тамъ нынѣ обрѣтаются, но можетъ быть что и намъ по публичномъ согласіи между господами министрами, какъ вашими такъ и російскими, по волѣ Е. И. В. вашего мѣств—го гсд—рд, воспослѣдуетъ опредѣленіе, и того для ежели не скорѣе, то непременно въ маѣ м—цѣ будущаго 1749 г. на приводящей сторонѣ нашихъ судамъ обыквой прѣхать приговариваемъ, а нынѣ должной вашими вельможностями яко нашимъ

Назначенный вторымъ комиссаромъ Томара на первыхъ же порахъ обнаружилъ неисправность и не прибылъ къ сроку, что видно изъ доношенія Мирнова отъ 26 апрѣля 1749 г. (изъ Мотовиловки), который просилъ кiev. ген.-губ. канц. „послать за нимъ, Томарою, на его коштъ нарочного, дабы паче чаянiя, за прибытiемъ пол. комиссаровъ, за неимѣнiемъ его, Томары, здѣсь на границѣ въ произвожденiи комисскихъ дѣлъ не воспослѣдовало разврату и дальнѣйшаго на россiйскую сторону порицанiя“.

товарищамъ отдавъ поклонъ пребываеиъ съ постояннымъ сердцемъ и прилежнiю. Второе же письмо отъ Потоцкаго изъ Ярешекъ къ Григорiю Борознѣ касается частнаго дѣла. „По силѣ нашего бывшаго во время судовъ въ Мотовиловкѣ уговору къ издѣлiю дерева на колеску и изготовленiя къ наступающей коденци въ ноябрѣ, писалъ Потоцкiй, то я къ тому числу приказалъ изготовить“. Повторяя извѣстiе перваго письма объ отравленiи своемъ въ Варшаву, въ заключенiи напоминаетъ Борознѣ „о присылкѣ миѣ по обѣщанiю двухъ медвѣдихъ кожъ и двухъ паръ смаржевыхъ ремней, которые вы для меня приобѣщались купить, и прошу приказать ту покупку съ объявленiемъ цѣны прислать къ границѣ въ Мотовиловку, а издержавное на то съ благодаренiемъ отдамъ; колесочное дерево подряжено за десять рублей и издѣлаю изрядно“.

3.

1761 г. „По указу Пр. Сената о произведеніи кап. Шыкова въ кол. ассесоры и о битіи ему въ погр. ком. вторымъ комиссаромъ“.

1761 г. мая 25 данъ былъ изъ Пр. Сената указъ „находящагося во учрежденной съ польскимъ кiev. воеводствомъ погр. комисіи вторымъ комиссаромъ кiev. гарн. кап. Михаила Шыкова, за долгое время его съ 1729 году службу, дальніе и трудные за границу посылки и исправность въ пограничныхъ дѣлахъ, по представленію къ удостоинству оной Коллегіи (Ин. дѣл.), выключая изъ кiev. гарнизона, произвестъ въ коллежскіе ассесоры и быть ему по прежнему въ той же комисіи вторымъ комиссаромъ, а жалованья и сверхъ того во время сѣздовъ съ польскими комиссарами мѣсячные деньги производить ему, Шыкову, противъ находящагося въ другой зѣ брацлавскимъ воеводствомъ пограничной комисіи вторымъ же комиссаромъ кол. ас. Наковалива, а именно: жалованья по двѣсти по сороку рублевъ въ годъ, а мѣсячныхъ во время сѣздовъ по 50 р. на м—ць, дабы онъ, Шыковъ, какъ Коллегія представляла, во всемъ содержать себя могъ исправно и непостыдно предъ польскими комиссарами и шляхетствомъ, какъ того высоч. Е. И. В. честь и слава требуетъ“.

Шыковъ по этому поводу приведенъ былъ къ присягѣ 20 іюня въ церкви св. Благ. Кн. Владимира священникомъ той церкви Николаемъ Мелашкевичемъ.

4.

1744 и 1745 г. „Дѣло кiev. мѣщан. Ивана Александренки в претензіяхъ с польскимъ шляхтичемъ грабіемъ Тарнавскимъ.

Тутъ же в чернѣ пашпорти о пропускѣ его до Бендеръ для продажи двойнаго хлѣбнаго вина и для покупки волоского вина“.

Большинство дѣлъ погр. комисіи, какія встрѣчались мнѣ, изъ первыхъ лѣтъ ея существованія, относятся къ денежнымъ претензіямъ, возникшимъ между пограничными жителями. Таковою напр. претензіей, болѣе или менѣе значительною, была претензія гр. Тарнавскаго къ кiev. мѣщанину Ивану Александренку (рѣчь ивъ) италлою коно унтер-и мпо 29-го февр. 1744 г. кiev. мѣщ. Иванъ Александровъ подалъ Кiev. Губ. Канц. на высоч. имя такую челобитную: намолахъ въ германовскомъ римо-риво 1) „В прошломъ 1725 году декабря 25 числа польской области владѣльцы Кайтанъ да Францишка грабя Тернавскіе, будучи в Кievѣ, завяли у меня по ихъ своеручному облику тысячу золотыхъ польскихъ, а на російскую манету, сто дватцать пять рублевъ, за которые заложили въ Германовскомъ ключу свое селище, названное Семіоновку, пустое без всякой оседлости, такожъ и мельницу; в которомъ пустомъ селищи и потому ихъ облику построилъ хуторъ, мельницу и всякого строенія собственнымъ своимъ иждивеніемъ по цене на тысячу золотыхъ польскихъ, а на російскую манету сто рублевъ сорокъ копеекъ, и владель всемъ тѣмъ съ 1726 по 1740 годъ, а в томъ году іюня 20 числа вышенисанной Кайтанъ, не заплатя мне той суммы

тысячи золотыхъ, такъ и за пристройку ста рублей сорокъ конеекъ, приказалъ своему губернатору Яну Новицкому имеющіяся в томъ хуторе собственные мои всякіе пожитки и скоть заграбить все без остатку. Почему оной Новицкой означенного числа в томъ хуторе все без остатку и пограбилъ, не знаемо за что, а имянно: 60 лошадей ценою 1200 р., скота рогатого 70 скотинъ ценою 830 р., оливокъ 2000 окъ ценою 400 р., сѣна 30 скирдовъ ценою 180 р., посуды деревяной кадокъ и бочекъ на 8 р. 60 к., саней и воевъ волѣвыхъ на 16 р. 80 к., колесъ болшихъ на 12 р., да въ 1736 г. оного жъ Каитана факторъ ево жидъ Шмиръ по облику взялъ 459 р., итого по цене по онымъ обликамъ за пристройку и за пограбленное взято на три тысячи на триста на тридцать на одинъ рубль на восемьдесятъ копѣекъ.

2) Да в прошлыхъ же 1736 и 1737 годехъ Тернавского служитель Антоній Ждановскій комисаръ германовскій взялъ по четыремъ обликамъ денегъ 819 руб. и обѣщаль за тѣ деньги поставить в Кіевъ хлеба, которого ни единой четверти и до сего не поставилъ и денегъ в возвратъ не отдалъ, и за тою его того хлеба не поставкою учинилъ мне убытку на 600 р., которые денги заплатилъ я калужскому купцу Василью Тишкову за каждую четверть по рублю по осмидесятъ копѣекъ, ибо тотъ хлѣбъ ему, Тишкову, от меня былъ запроданъ, и того со учиненнымъ имъ, Ждановскимъ, мнѣ убыткомъ на 1419 р., а по исчисленію всей той суммы

оними Каитаномъ и его факторомъ жидомъ Шмиромъ да Францишкомъ грабею Тернавскимъ и служителемъ Антоніемъ Ждановскимъ по обликамъ у меня взято такожь заграблено і убытку учинено на четыре тысячи семьсотъ пятьдесятъ рублей на восемьдесятъ копеекъ.

3) И о взыскаіи и возвратѣ оныхъ моихъ собственныхъ денегъ вышеписанного числа 4750 р. 80 к., по прежнему мне во учрежденную генеральную от малоросійского краю комисію в прошлыхъ 738 и 743 годѣхъ доношеніи, такожь и в градѣ Брѣмянцѣ протесты от меня поданы, но токмо и по тѣмъ моимъ доношеніямъ и протесту никакой сатисфакціи неучинено, чрезъ что я пришелъ во всеконечное раззореніе“.

Ген. губ—ръ по поводу этой жалобы написалъ 10-го марта письмо къ гр. Тернавскому, который отвѣчалъ изъ Янова отъ 22 апрѣля. „Съ немалымъ удивленіемъ, писалъ графъ *), вырази́лъ я напрасныя жалобы Ивана Александренка и всѣ его ложныя ко мнѣ иски, ибо онъ полтрета года содержа мой дѣдичной германовской уѣздъ, долженъ остался нѣсколько десятъ тысячъ денегъ, кромѣ мужичихъ исковъ, да за убитіе войта, почему долженъ меня настояще здѣсь удовольствовать, да кромѣ того далъ на себя письмо, съ котораго копію прилагаю. И вида, что онъ не по силѣ своей росписки поступалъ, то скотъ его и лошадиной та-

*) Письмо приводимъ въ переводѣ.

бунъ приарештованъ, какъ онъ прописалъ, и все то я велю отдать, только бѣ онъ меня удовольствоваль. Я у Е. П. г. генерала Даровскаго, да полномоч. посла г. Кейзерлинга просилъ о учиненіи мнѣ съ него праведнаго суда, токмо и по вынѣ я оного не узваль. Соболи, китайка, кобилицы въ зачотъ приняты. И далъ бы ли онъ на себя добровольно такое обязательное письмо, ежелибъ я ему былъ долженъ, а не онъ мнѣ? Почему можете В. Я. удобно разсудить, что напрасную отъ него поношу обиду. Когда же я возымѣю свободное время, то или самъ приѣду или комисара пришлю для разсмотрѣнія при границѣ тѣхъ счетовъ. Что же фutora у него не отбирало, но добровольно оной оставилъ, жить же ему въ немъ до времени не возбраняю. Заарештованную скотину, лошадей выдать велю, только бѣ онъ меня удовольствовалъ“.

При письмѣ своемъ Тернавскій приложилъ и слѣдующую копію изъ письма Александренка.

„Я Иванъ Александренко, житель кievской будувин здороль тѣломъ і умомъ, даю на себя сіе добровольное обязательство, гд—ну Кастану Аморъ грабѣ, на Тарновѣ Тернавскому графу, что, имѣя я повѣренныя себѣ ево дѣдичныя вотчины (т. е. весь германовской уѣздъ, имѣющыяся въ кievскомъ воеводствѣ от гд—на Домнянка Дульскаго, бывшаго тогда губернатора германовскаго, котора от наступающихъ тогда возмущеній, а наипаче от своевольныхъ казаковъ бѣжалъ) совсѣмъ имѣніемъ, скотомъ, табунами, і съ хлѣбными въ полѣ засѣвами і съ дѣйствительными тѣхъ вот-

чинъ приходами, и тотъ уѣздъ небылъ разоренъ, і чрезъ полъ-третя года тѣми вотчинами і приходами съ оныхъ управлялъ по моей волѣ, и понеже по долго продолжаемомъ тамъ возмущеніи і разнымъ мовмъ дѣламъ неприключилось миѣ тотчасъ на грунтѣ при отдачѣ тѣхъ вотчинъ чрезъ комисара гд—мъ і владѣльцамъ помянутаго уѣзду отдать надлежащіе щоты, того ради я, вѣдая себя быть должнымъ, нарочно і добровольно приѣхалъ я до Козина, для здачи надлежащихъ щотовъ, гдѣ, немѣя явнихъ доказательствъ, учинить тово щоту немогъ, и для тово для выщнаго увѣренія, по свидѣтельству громады германовскаго уѣзда, на томъ же германовскомъ уѣздѣ обстоятелнія имѣя брать щоты; нынѣ же долженъ нахожусь гд—ну Каетану Амору грабѣ Тарнавскому за оранду Шевеліову, (съ которой онъ часть казны увезъ, а остальные долговныя денги я отъ громады отобралъ) золотыхъ копейками 4897; і ту суму денегъ имѣю по первомъ востребованію губернатора германовскаго отдать; а ежели на грунтѣ германовскомъ, по праведномъ сознаниі тамошнихъ громадъ окажется, что я за моего тамъ правленія зборы себѣ бралъ, и должнымъ останусь, то тотчасъ имѣю то отчестъ въ казну онаго гд—на Тарнавскаго, и къ учиненію того щоту на означенное число по первому спросу или увѣдомленію отъ самого гд—на Тарнавскаго или отъ ево комисаровъ опредѣленныхъ къ тѣмъ щотамъ долженъ буду явиться, подъ штрафомъ съ заплатою другой таковой суммы въ казну всепресвѣтлѣйшей Императрицы Государини моей мл—тливой; а ежели бы я чрезъ права і клопоты несправедливо имѣлъ

поступить и при семъ неустоять, то таковое на себя даю обязательство, что ни есть бы я имѣлъ съ скотинъ табуновъ і всякихъ движимыхъ вещей имѣющихся на полскихъ грунтахъ, то на все то добровольной позволяю арестъ, і конфискацію. И сію ассекрацію въ таковой силѣ хочу дабы была, якобы въ кievской Е. И. В. канцелярии записана и апробована, и сіе обязательное письмо для лучшего увѣренія собственною подписую рукою. Дано въ Козинѣ 12 апрѣля 1739 году. Иванъ Александренко“.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1745 г. о претензіи гр. Тарнавскаго писалъ къ ген.-губ—ру Леонтьеву и великокор. гетманъ гр. Іосифъ Потоцкій съ просьбой взискать съ Александренка по означенной претензіи.

Переводъ съ письма гр. Тарнавскаго къ ген. губ. Леонтьеву.

„Повторяя къ В. Я. чрез сіе мое писаніе первое мое доношеніе, что Иванъ Александренко великую мнѣ учинилъ обиду, пбо, будучи ему вотчины мои т. е. германовскій уѣздъ отданъ въ содержаніе, какъ до вѣрнихъ рукъ, долженъ мнѣ остался за то содержаніе до нѣскольکو десятъ тысячъ полскихъ золотыхъ, въ чемъ имѣется и обязательное от него мнѣ данное письмо, которое по силѣ нашихъ коронныхъ правъ и стверждено; и понеже онъ, по силѣ своего обязательства, къ означенному времени не исполнилъ, то я по силѣ оногo обязательства удержалъ былъ на моемъ грунтѣ нѣскольکو его скотинъ; однако между тѣмъ я къ нему писалъ, дабы онъ свое отобралъ, а меня удовлетворялъ по своему обязательству, однако онъ пото-

му ничего не учинилъ, а же его скоть чрезъ немалое время кормомъ содержалъ, а онъ наконецъ гайдацкими образомъ дерзнулъ мнѣ учинять обиду, которой собравъ до пѣсколько десятъ гайдамаковъ ночью на моихъ людей, бывшихъ при табунѣ и волахъ, и повязавъ оныхъ не токмо всю свою скотину, но и моей до пѣсколько десятъ лошадей и скотинъ и моихъ подданныхъ насилно взялъ и чрезъ всю ночь онъ ажъ за границу отогналъ. По силѣ чего я къ В. Я. писалъ, прося о сатифакцію, токмо никакова не получа отвѣта принужденъ былъ первому войскъ нашихъ коронныхъ вождю донести съ объявленіемъ знатной обиды и нападеніи на наши границы, по силѣ сего дѣла, наблюдая ненарушимую пріязнь къ В. Я. отзовъ чинить и по сему справедливому моему дѣлу просить“.

Только въ концѣ 1745 года, а именно 5 ноября сынъ Ивана Александренка Петръ, по случаю тяжелой болѣзни отца, явился въ кiev. губ. канц. для отвѣта по этому дѣлу и показалъ:

„Хотя де отецъ ево Иванъ Александренко и в тяжелой нынѣ находится болѣзни, о чемъ и германовской прикащикъ Новицкой засвидѣтельствовать можетъ, однакожъ в томъ, что германовской уѣздъ в содержаніи имѣлъ, не спорить, а долговыхъ денегъ ничего ему, г. Тарнавскому онъ, Александренко, не долженъ, но еще своихъ долговыхъ денегъ не малую сумму на немъ, Тарнавскомъ, отцу ево претендуетъ, которой претенсіи учина экстрактъ, при семъ представляетъ, а показанныхъ в тѣхъ числахъ собственныхъ своихъ лошадей и скотину отецъ ево с нимъ, Петромъ, да с

трема человекѣки служителми, а не с гайдамаками у па-
 стуховъ, яко власное свое, отобралъ, ибо по многимъ
 отца ево Ивана Александренка прошеніямъ, такожъ
 и по писму Е. Вир. г. ген.-анш. и кiev. губерніи
 ген.-губ.—ра М. И. Леонтьева к нему, Тарнавскому,
 в прошломъ 744 г. писанному, какъ оныхъ лошадей и
 скота добровольнымъ порядкомъ возвращенія отцу ево
 не было, такъ и по претензіи отца ево Александренка
 никакова опредѣленія не учинено, да и арештованіе
 имъ, Тарнавскимъ, учинено безправно по собою, а прот-
 чій людской скотъ и лошадей, не удерживая ни единоп,
 возвращены от отца ево в Германовку по прежнему.
 Что же касаетца до щету отца ево за содержаніе имъ
 германовскаго уѣзду и такова щета отецъ ево, Алек-
 сандренко, какъ прежде не отрекался, такъ и нынѣ
 желаетъ, но токмо самъ онъ, Тарнавской, состоитъ в
 томъ причиною, ибо хотя еще съ 22 апреля прошлого
 744 года писменно обязался, что для оного щету самъ
 на границу приѣдетъ или от себя комисаровъ при-
 шлетъ, однакожь и до сего ни самъ не приѣзжалъ и
 комисаровъ не прислалъ. Да онъ же и отецъ ево
 Александренко объявляетъ, ежели по достовѣрнѣйшему
 щету что останется ему, Тарнавскому, долженъ, то
 платить и удовольствовать ево, Тарнавского, повиненъ,
 а буде онъ, Тарнавской, по тому щету явитца впо-
 венъ, то потому жъ долженъ отца ево удовлетво-
 вать, и желаетъ де оной отецъ ево в такой съ обѣ
 стороны в немалой суммѣ произшедшей спорной пре-
 тензіи для совершеннѣйшаго рознятія и дѣйстви-
 тельнаго окончанія с нимъ, Тарнавскимъ, или с присланнымъ

от него из документами судитца при пограничной комиссії, в которой комиссія от отца ево Александренка уже и протестовано. И в томъ во всемъ онъ, Петръ Александренко, своеручно подписомъ подписался“.

При этомъ представленъ и подробный счетъ всей претензіи, которую Александренко считалъ на Тарнавскомъ на сумму 3384 р. 15 к.

5.

1776—78 г. „Дѣло К.-Печ. Лавры о посяганіи съ польскимъ шляхтичемъ Спендовскимъ по законамъ за написаніе въ претензіи его на г. отца архимандрита Зосиму и всю капитулу безчестные выраженіи и тѣмъ о прачиненіи г. о. архимандриту з братією публичного поруганія“.

Въ погр. комиссії очень часто производились дѣла по отысканію бѣжавшихъ съ польской стороны „подданныхъ“, укрывавшихся въ „монастырскихъ добрахъ“ т. е. въ имѣніяхъ кievскихъ монастырей. На этой так. сказ. почвѣ возникло и дѣло, заглавіе котораго выписано выше. Возбуждено оно архимандритомъ К.-Печ. Лавры Зосимою, который обидѣлся заявленіемъ шляхтича Спендовскаго, что яко бы лаврское начальство укрываетъ подданныхъ его довѣртеля Карвѣцкаго.

16 генваря 1776 г. К.-Печ. Лавры повѣренный васильковской Антоно-Ѳеодосіевской церкви священникъ Іаковъ (Ренской) представилъ въ учрежденную съ польскимъ кievскимъ воеводствомъ пограничную комиссію такое доношевіе:

„Прошлого 1775 г. іюля 24 д. по римскому календарю въ оной погр. комиссії ставши персо-

нално благородный Юсифъ Спендовскій чеськовичъ летичевскій именованъ и по извѣрвію г. Юсифа-Дунина-Карвѣцкаго, реента коронного, на г. отца Зосиму, арх. К.-Печ. Лавры, и на весь соборъ занесъ жалобу, что оной архим. з братією Федора Шакала, бродящаго в селѣ Рокиткахъ въ 1768 г. з женою, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ бѣжавшаго из с. Телешовки, его, Карвѣцкаго наслѣднаго Федора Глеваху въ Боарку з дѣтьми и имуществомъ бѣжавшаго, Семена Салоѣденка в с. Долинѣ Опанаса и Ивана Щербаненковъ з женами и дѣтьми и всѣмъ имуществомъ в добрахъ своихъ передерживаютъ и онимъ во всемъ злѣ поводъ подають, которіи дѣйствіи и болшіе общи слѣдствіемъ доведены будутъ во время судовъ, о чемъ онъ, панъ Спендовскій, занося вторично жалобу, просилъ гг. судей и комисаровъ погр--хъ, дабы оной архим. Зосима на нынѣшней коденціи сталъ, вышешомянутыхъ подданныхъ, яко наслѣдныхъ г. Карвѣцкаго з женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ выдалъ и на сторону польскую поставилъ и за все отвѣщая з награжденіемъ убытковъ правныхъ от дальшихъ таковыхъ же непристойностей воздержался. А понеже вышешомянутый п. Спендовскій г. о. Зосиму и весь соборъ в своей жалобѣ непристойными терминами, не вѣдомо с какова умысла, пред погр. комисіей письменно крайне обезчестилъ, ибо онъ г. о. архм—тъ и весь соборъ не токмо претендуемихъ в его, п. Спендовскаго жалобѣ изображенныхъ людей в добрахъ своихъ не передерживали и ни к

какому злу вольности не подавали, но и сель, в его п. Сп—го жалобѣ выраженныхъ, Боярки и Долины во владѣніи К.-Печ. Лавры не имѣется; того ради учрежд—ой с польск. воевод. погр. комисіи, именемъ св. К.-Печ. Лавры г. о. арх. Зосимы и всей капитулы, по данной мнѣ повѣренности, прошу за таковое его г. о. арх—та з братіей публичное безчестное поруганіе поступить с нимъ, г. Сп—мъ по силѣ указовъ и правъ“.

18-го генваря состоялось постановленіе комисіи о вызовѣ Спендовскаго „предъ судъ погр. комисіи на нынѣшней каденціи“.

Но въ 1776 г. очевидно судъ не состоялся. Въ „дѣлѣ“ находимъ двѣ выписки изъ журналовъ погр. комисіи 1777 г.: первая 27 генваря, а вторая 28 іюля, приводимъ первую цѣликомъ:

„Дѣлалось в мѣстечку Мотовиловкѣ над рекою Студною или Стугною, въ Василкову текущую, на сторонѣ польской 1777 г. генваря 27 дня по римскому календарю а по греческому 16-го.

Между высоко в Богу преподобнѣйшимъ господиномъ Зосимою Кіево-Печерского монастыря отцемъ архимандритомъ и всею братнею Лавры Печерской встцами, чрезъ пречестного отца Паисія того жъ монастыря веромонаха поверенного персонално, в господиномъ Иосифомъ Дунинымъ-Карвицкимъ, ресентомъ канцеляріи коронной отвѣтчикомъ, чрезъ Иосифа Вѣзерского повѣреннаго персонално.

Судъ пограничной комисіи з стороны польской вмѣстѣ совокушленной изъ судомъ Пресвѣтлѣйшей Монархіи російской, разсуждая позовъ исковой стороны

по отвѣтную сторону, до суда своего состоявшійся, достаточнѣйшее записаніе до дѣла и явку быть повелѣваетъ и то тотъ часъ; а понеже г. Спендовскій повелѣнной записи и явки къ суду неучинилъ, для того з г. Карвицкимъ, реентомъ короннымъ, явившимся на нынѣшней каденціи, сего дела разборъ отсрочивши, г. Спендовского вины изгнанія вѣчнаго подверженнаго быть утверждаетъ, и оную вину тотъ часъ огласить доушчаетъ, какъ в протоколѣ записано силою декрета нынѣшняго.

На подлинномъ воднисано тако:

Михаилъ Триволекскій, судія земскій кievскій судия пограничный воеводства кievского.

Максимиліанъ Цотоцкій, мечникъ овруцкій, судия городскій воеводства кievского, пограничной кампсаръ, от кавалеріи поруччикъ.

Въ іюлѣ же на судъ погр. комисіи явились повѣренными отъ о. Зосимы—полк. асаулъ и погр. ком.—сіи переводчикъ Максимъ Леонтовичъ, а отъ Дувина-Карвицкаго и Спендовскаго шляхтичъ Антоній Щенявскій. Въ протоколѣ комисіи находимъ такое заключеніе: „поелику сія задача безъ познанія преступленія, Федору Шакалу и инымъ заданного и доказатись имѣющаго, разсмотрѣнна и разсужена быть не можетъ, для того судъ погр. ком., примѣняясь до справедливости, приостановивши на сіе время сего дѣла осужденіе, потребную поставку частореченныхъ подданныхъ, въ манифестѣ отъ стороны отвѣтной выраженныхъ, судить силою декрета нынѣшняго“.

Узнавши объ этомъ постановленіи, арх. Зосима

написалъ письмо къ пограничнымъ комиссарамъ отъ 26 декабря 1777 г. такого содержанія:

„Лаврскихъ василковскихъ добръ наблюдатель іеромонахъ Пансій приславнымъ въ Лавру репортомъ представилъ, что, по имѣющемуся въ погр. комисіи дѣлу, в иску лавры на полскаго шляхтича Іосифа Спендовскаго за напрасное опороченіе мене зъ братією, впринятіи якобы въ лаврскіе села Боярку и Долину бѣжавшихъ съ полши, владѣнія Іосифа Дунина Карвѣцкаго, реента коронного, съ ключа рекитянскаго мужиковъ, Федора Шакала и Федора Глевахи, и иныхъ подданныхъ, въ дѣлѣ понменахъ и прозваніямъ выраженныхъ, зъ женами, дѣтми и всѣмъ имѣніемъ, подачѣ якобы волности тѣмъ бѣжавшимъ подданнымъ къ своему волству, въ бывшую сего году въ селѣ Мотовиловкѣ іюльскую каденцію въ погр. ком. на полской сторонѣ депретъ состоялся, чтобъ тѣ бѣжавшіе съ Полши мужики представлены были на слѣдующей генварской каденціи въ комисію для узнанія истины; но поелику означенные села Боярка и Долина, до которыхъ показанные отъ Спендовскаго мужики бѣжали, состоятъ во владѣніи Кіево-софѣйскаго катедральнаго монастыря; для того вашихъ высокоблагородій покорнѣйше прошу, всогласіе учиненного отъ погр. пол. комисаровъ депрета, о высылкѣ на слѣдующую генварскую каденцію въ погр. комисію, вышепроисанныхъ бѣжавшихъ съ Полши мужиковъ, впретенсіи Спендовскаго показанныхъ, востребовать писменно отъ оного катедральнаго монастыря, не ради отдачи оныхъ на полскую сторону, но для доказательства его Спендовскаго не-

правости; и о послѣдующемъ по сему увѣдомленіемъ не оставить, пребывающаго съ искреннимъ усердіемъ и почитавіемъ“.

Въ слѣдствіе этого письма и отношенія погр. комисіи, Кіев. Губ. Канц. обратилась къ намѣстнику К.-Соф. каф. мн—ря съ просьбой розыскать и представить въ генварѣ названныхъ мужиковъ.

Генваря 13 слѣдующаго 1778 г. каф. намѣстникъ игумень выдубецкій Мельхиседекъ отвѣчалъ по этому поводу въ погр. комисію:

„При разсмотрѣніи въ здешнемъ катедралнаго Кіево-Софійскаго монастыря правленіи присланныхъ изъ той комисіи въ сіе правленіе писма и сообщенія, открылось, что писмомъ требуется по претензіи полскаго шляхтича Іосифа Спендовскаго, повѣреннаго г. Дунина-Карвѣцкаго, реента короннаго, владѣнія сего монастыря селъ Воерки и долины жителей Федора Шакала, Федора Глевахи для взятія съ нихъ о природѣ ихъ показаній, на границу въ село Мотовиловку присылки; сообщеніемъ же, для доказательствъ в уликѣ по дѣлу въ напрасномъ опсрочиваніи К.-Печ. Лавры г. о архім. Зосимы с братією тѣмъ же полскимъ шляхтичемъ Спендовскимъ, не двухъ, но пяти человекъ, показанныхъ Шакала и Глевахи, а при нихъ Семена Салоѣденка, Опанаса и Івана Щербавенковъ. А какъ въ тѣхъ писмѣ и сообщеніи требованіе не единого содержанія, почему не можно знать съ депутатомъ ли или безъ депутата тѣхъ людей въ комисію представлять, ибо требуемыхъ людей чтобы вписывать въ какое правительство безъ депутата, кромѣ интересныхъ дѣлъ, здешнее правленіе закона не предвидитъ, а паче по

исковимъ дѣламъ; для того благоволено бѣ от оной комисіи сіе правленіе увѣдомить, для свидѣтельства ли какого или по чіему иску требуются помянутіе люди и буди требованіе оныхъ по чіей зсылкѣ и къ доказательству чего либо простирается, то на чіемъ коштѣ оніе въ погр. комисію доставлены и тамо содержаны быть имѣютъ? Ежели жѣ по дѣлу такову, къ которому тѣ требуеміе чемъ либо привязаны, въ томъ случаѣ съ поясненіемъ претензіи требовано бы оныхъ правнимъ порядкомъ, позволю“.

Въ дѣлѣ имѣются двѣ росписки, которыми обязываются явиться въ погр. комисію въ іюльскую каденцію Соф. мн—ря подданный с. Доляны жишель Семень Салоѣденко и того же мн—ря подданная жителька с. Боярки Марина Федориха (жена Глевахи вдова).

Въ іюлѣ м—цѣ 27 числа къ разбирательству дѣла явились въ погр. комисію повѣреннимъ истцовъ, іеромонахъ Исаія, наблюдатель „васильковскихъ добръ“, а Іосифъ Спендовскій явился „персонально“.

Въ состоявшемся 27 іюля допросѣ, между прочимъ, говорится, что, какъ по слѣдствію оказалось, „представленной нынѣ Семень Салоѣденко изъ села Ромашекъ до села Долины, къ мн—тырю софйскому принадлежащего, перешедши, в томъ селѣ, никуда не переходя до сего времени нѣсколко десятковъ лѣтъ живетъ: а Марины мужъ Федоръ Глеваха зъ села Телешовки, того жѣ г. реента коронного наслѣдной, в село Боярку бѣжавшій, въ томъ же

селѣ умеръ; и тѣ оба въ добрахъ К.-П. Лавры не жили“. При этомъ комиссія рѣшила такъ: такъ какъ Спендовскій, за обезщещеніе позванный арх. Зосимою къ суду, не въ своемъ интересѣ, но въ интересахъ и именемъ коронного реента, жаловался на лаврскихъ монаховъ и искалъ бѣжавшихъ въ монастырскіе „добра“ подданныхъ, а затѣмъ „жалобу промолчавши, ничемъ не доводилъ“, исковая жъ сторона т. е. арх. Зосима съ братіей самого г. Карвицкого отъ отвѣта увольнила,—то судъ погр. комисіи „за тое, что онъ, г. Спендовской в публичныя дѣла выше объявленную жалобу въ интересѣ якобы и по дѣлу велможного г. Карвицкого вносилъ, и записывался, и доселѣ правно одного описанія неопровергалъ, его жъ г. Спендовского, за таковой поступокъ виновнымъ быть узнавши, приговариваетъ, дабы от сего времени за дванадцать недѣль въ верхней вежи замку житомирского засѣвши сидѣніе оной чрезъ одну недѣлю продолжалъ, а при выходѣ из вежи гривень полскихъ сто, такожь за нестанье на судъ прошлаго 1777 года генваря 27 дня опредѣленного штрафа два разы четырнадцать гривень, исковой сторонѣ за квитанцію оной или ея повѣренному пред дѣлами пограничными воеводства кievского въ Житомирѣ содержащимся, под виною изгнанія, въ случаѣ сопротивленія огласитись имѣющаго, заплатилъ; а при томъ оную часто упоминаемую жалобу, яко добрую честь исковой стороны вредящую, вынѣшнимъ приговоромъ уничтоженную и ничто оной же исковой

сторонѣ вредить и честь ея поносить не могущую, съ тѣхъ же пограничныхъ дѣлъ, под тоеюжъ строгостію права, исключилъ силою декрета нынѣшняго“.

Однако приговореннаго комиссіей денежнаго штрафа, видно, долго пришлось ожидать исковой сторонѣ, какъ видно это изъ протеста, которымъ оканчивается разсмотрѣнное „дѣло“ и который былъ поданъ въ погр. комиссію 16 генваря 1779 года іеромонахомъ Исаіемъ.

„Хотя я, писалъ этотъ лаврскій повѣренный, въ польск. погр. комисіи ежечастно являясь, и многократно домогательства отдачи приговоренныхъ декретомъ, по дѣлу за опороченіе Лавры пред судомъ яко бы в передерживаніи подданныхъ въ своемъ владѣніи, пол. шляхтича Свендовского, за недоказательство настоящей в томъ справедливости и за нестаче на судъ, положенныхъ ему, С—му в штрафъ, означенныхъ количествомъ въ декретѣ, денегъ, представленныхъ в комиссію отъ одного С—го чрезъ повѣренного своего пол. шл. Антона Щенявскаго,—чинилъ, точію оныхъ мнѣ, невѣдомо съ какой причины, оной повѣренной не отдалъ; для того погр. ком. о неправильномъ означенныхъ денегъ удержаніи протестуя, пок прошу оной протестъ принять и въ журналъ записать и объ отдачѣ тѣхъ денегъ Лаврѣ учинить, куда надлежитъ, представление“.

6.

1787 г., Дѣло по сообщенію кiev. угол. палаты с истребованіемъ чрезъ пограничную комиссію изъ Польши подданнаго премьеръ-маіора Петра Бѣгичева Космы Ситника, отца и всего семейства и о возвращеніи въ Польшу тамошняго жителя Никиты Каваца“.

Кіевская угол. палата 14 генв. 1787 г. сообщила Намѣстн. Правленію, что „по рѣшенію, послѣдовавшему по дѣлу о колодникахъ, подданихъ премьеръ-маіора Петра Бѣгичева, Космѣ Ситникѣ и польскомъ жителѣ Никитѣ Кавацѣ, изъ коихъ 1-й тайво уходилъ отъ своего помѣщика съ отцомъ и братомъ въ Польшу на жительство, а послѣдній дѣлалъ проводъ чрезъ рѣку Днѣпръ изъ Россіи не указанными дорогами, опредѣлено: Каваца безъ наказанія удержать въ Россіи дотоль, пока отецъ Ситника и братья его тожь и семейство, нынѣ въ Польшѣ на жительство находящіеся, добровольною отдачею отъ тамошняго владѣльца возвращены будутъ въ Россію на прежнія жилища, а о истребованіи Ситниковаго отца и всего семейства изъ Польши посредствомъ учрежденной съ польскимъ кievскимъ воеводствомъ пограничной мотовиловской комиссіи, сообщить Намѣстнич. Правленію“. Намѣстн. Правленіе указомъ отъ 6 февр. предписало пограничной комиссіи истребовать изъ Польши въ Россію Ситника со всѣмъ семействомъ; на что комиссія 11 фев. донесла правленію, что „за непоказаніемъ именъ, ни мѣста пребыванія и безъ поведовой стороны отъ польскихъ комиссаровъ требованія учинить не можетъ“. Между тѣмъ кievскій

городничій, надв. сов. Кругловъ донесъ, что содер-
жавшійся подъ стражею колодникъ Кавадь „мая
15 дня, бывъ боленъ натуральною болѣзнію, волею
Божіею умеръ“.

Жалобы прислуги на удержаніе господами ихъ самихъ, противъ ихъ желанія, и ихъ документовъ.

Въ журналахъ К. Г. К. второй половины прошлаго столѣтія (до открытія Намѣстническаго Правленія) довольно часто встрѣчаются жалобы прислуги на удержаніе господами ихъ самихъ противъ ихъ желанія и ихъ документовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ жалобъ можно видѣть, что люди оставляли довольно выгодныя и что наз. насиженыя мѣста просто изъ боязни быть закрѣпощенными. Жалобщики обыкновенно „бѣгали“ отъ хозяевъ и являлись въ Губ. Канц. съ просьбой выдать имъ „отверстый указъ“ на жительство. Къ сожалѣнію, изъ журналовъ не видно (а по другимъ „дѣламъ“ не удалось этого прослѣдить) какимъ образомъ К. Г. К. производила провѣрку подаваемыхъ жалобъ и какъ удовлетворяла жалобщиковъ. Привожу здѣсь два прошенія относящіяся къ 1775 году.

1. (1775 г. 24 сентября). *Въ К. Г. К. курляндской націи отъ уроженца, Крестьяна Иванова сына Ланкшульца нижайшее доношеніе.*

Родился я именованія въ Курляндіи, въ Томашъ мызѣ и назадъ тому лѣтъ болѣе 25, будучи еще въ

малолѣтствѣ, отданъ я отцомъ моимъ Иваномъ Ланк-шульцомъ во услуженіе бывшему тамъ въ Курляндіи лейбъ-гвардіи преображенскаго полку сержанту Ивану Иванову сыну Миллеру, у котораго находился въ С.-Петербургѣ лѣтъ шесть, а отъ онаго отошедъ былъ во услуженіяхъ у г. статскаго дѣйствительнаго совѣтника Варфоломѣя Андреевича сына Ламба лѣтъ 16, а по смерти его, съ даннымъ мнѣ отъ сына его г-на подполковника Ивана Ламба пашпортомъ, отпущенъ и дозволено жить мнѣ гдѣ пожелаю, почему и прибылъ я въ С.-Петербургъ въ Кіевъ піонернаго баталіона съ подпоручикомъ Зальцеромъ, и будучи здѣсь въ Кіевѣ нанялся въ услуженіе у находящегося здѣсь г-на провизора Ивана Веделя цѣною по три рубля на мѣсяць, которому отдавши подъ сохраненіе тотъ данный мнѣ пашпортъ, былъ лѣтъ съ пять, а сего году сентября 20 дня, не желая болѣе у него, Веделя, быть, просилъ, чтобъ онъ меня отпустилъ и какъ тотъ пашпортъ, такъ равно и заслуженные мною у него, Веделя, деньги пятнадцать рублей мнѣ отдать, но онъ, Ведель, ни пашпорту, ни денегъ мнѣ не отдалъ, объявляя, чтобъ мнѣ еще у него, Веделя, жить, но какъ по причинѣ налагаемыхъ на меня чрезвычайныхъ работъ, долѣе у него жить я не могу, то и нашелъ себя принужденнымъ отъ него, Веделя, уйти и оасаясь, чтобъ онъ меня, какъ уже и похваляется, обидѣть не могъ, явиться въ Кіевъ Губ. Канц. и всенижайше просить, дабы повелѣно объ отдачѣ мнѣ имѣющагося упомянутаго пашпорта, такъ же и заслуженныхъ мною денегъ пятнадцать руб., учинить милостивое разсмотрѣніе и опредѣленіе.

2. (1775 года 1-го сентября). *Въ К. Г. К. малорос. полт. п. м. Келеберды отъ уроженца Василя Паненка.*

„Уроженецъ я именованный, какъ вышеозначено, мѣстечка Келеберды, тамошняго умершаго жителя, званія казачьяго, Ивана Паненка сынъ; оставшись въ малолѣтствѣ по смерти отца своего у тамошнихъ же разныхъ людей, пришелъ въ возрастъ, и въ 1757 г., во время набора изъ Малороссіи къ россійской, находящейся тогда въ Пруссіи арміи, за тамошнихъ же жителей своею охотою пошелъ ко оной, и идя туда въ городъ Смоленскѣ опредѣленъ третьяго мушкатерскаго корпуса къ командирующему онымъ генералу-маіору Якову Ивановичу Апостолу денщикомъ и былъ съ нимъ въ Пруссіи, а оттуда возвратясь и въ Петербургъ; и когда въ 1763 году изъ Гос. Воен. Коллегіи данъ мнѣ указъ о вольности моей, гдѣ пожелаю жить, и паки находился при ономъ же генералѣ (кой тогда былъ аншефомъ) и какъ тоже уже знайму въ кухарской должности; по смерти жъ его также находился въ кухарской должности изъ найму жъ при г-нѣ генералѣ-поручикѣ Шпрингѣ чрезъ четыре года, о чемъ отъ него и аттестатъ данъ, а отъ него отошедши былъ въ той же должности при полковникѣ Корффѣ, отъ коего и аттестатъ мнѣ данъ, а отъ него жъ у оренбургскаго оберъ-коменданта генералъ-маіора Ланова чрезъ семь мѣсяцевъ, о чемъ и отъ него аттестатъ данъ же, а потомъ въ таковую жъ должность изъ найму жъ присталъ къ генералу-маіору Черепону и находился при немъ чрезъ три года, отъ коего мнѣ и аттестатъ данъ (который не вѣдаю какимъ образомъ и гдѣ самъ я потерялъ); а напоследокъ въ 1772 году присталъ къ находящемуся въ Васильковѣ доктору Полетекѣ въ

ту жь кухарскую должность съ найму въ годъ по тридцати рублевъ, при коемъ, чему уже слѣдуетъ четвертый годъ, и находился по нынѣ; и хотя я, вида больше у него, Полетники жить несходство, просилъ о увольненіи меня и объ отдачѣ предъозначенныхъ Гос. Воен. Коллегіи указа, тожь и аттестатовъ, токмо онъ, Полетника, не только таковаго увольненія и отдачи аттестатовъ не чинитъ, но и заслуженные мною деньги, коихъ я считаю тридцать пять рублевъ, удерживаетъ, посему принужденъ я сойтить отъ него, Полетники, тайно; и нынѣ, являясь въ Кіев. Губ. Канц., всепокорнѣйше оную прошу объ отдачѣ имъ, Полетникомъ, мнѣ показанныхъ удерживаемыхъ Гос. Воен. Кол. указа, тожь и аттестатовъ и заслуженныхъ моихъ денегъ учинить милостивое разсмотрѣніе“.

**„Промѣръ и опись р. Днѣпра и Сожи“ въ
1784 году.**

Два дѣла изъ Арх. Кіев. Губ. Пр., считая вмѣстѣ: а) „Сообщеніе Госуд. Адмир. Коллегіи, коимъ сообщено, что въ по требованію 2-го ранга капитана Коковца даваны были работники и всякое вспоможеніе“ и б) „Предложеніе Его Сіятельства г. генерал-фельдмаршала сенатора Государева Намѣстника графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго съ приложеніемъ послѣдовавшаго къ Его Сіятельству Всевысочайшаго рескрипта о предписаніи земскимъ исправникамъ, дабы они въ уѣздахъ ихъ судоходныя рѣки промѣрили и гдѣ есть мели означили вѣдами и о прочемъ“.

Въ 1784 г. по повелѣнію Императрицы Екатерины II командированъ былъ изъ Петербурга флота капитанъ 2-го ранга Коковецъ съ командою штабъ и оберъ-офицеровъ и рядовыхъ для промѣра и описи рѣкъ Днѣпра и Сожи и велѣно также изъ Херсона отправить для той же цѣли командира съ командою. Государственная адмиралтейская коллегія, давая знать объ этомъ кіевскому намѣстническому правленію, а также генералъ-губернатору графу Румянцеву-Задунайскому, сообщеніями своими, отъ 29 февраля 1784 г. и отъ 13 іюня того же года просить сдѣлать распоряженіе, чтобы командированнымъ лицамъ даваемы были проводники, подводы, работники „и въ прочемъ бы чинено было

всякое вспоможеніе, равно ежели при описи тѣхъ рѣкъ, найдено будетъ въ какомъ мѣстѣ засореніе оныхъ рѣкъ, тобъ приказано было вычищать, дабы не могло воспослѣдовать какого препятствія въ намѣреваемомъ плаваніи судовъ, которые строятся въ Смоленскѣ по имянному Высочайшему указу къ будущей веснѣ^а. Кіевское Намѣстническое Правленіе указами, отъ 19 марта и 19 іюля предписало земскимъ исправникамъ остерскому, кіевскому, переяславскому, золотоношскому и городижскому, по требованію капитана Коковцева и другихъ команды его штабъ и оберъ-офицеровъ „чинить надлежащее вспоможеніе“ съ тѣмъ однако, чтобы подводы и работники даваемы были не иначе какъ за плату, по законамъ положенную, и о томъ, какіе именно отъ тѣхъ командировъ будутъ требованія и что по нимъ сдѣлано будетъ, довести.

Пр. Сенать указомъ, отъ 14 августа 1784 г. предписываетъ Нам. Пр.: „по случаю преднамѣреваемого будущею весною по рѣкѣ Днѣпрѣ Высочайшаго плаванія, найденныя по той рѣкѣ по осмотру посланныхъ отъ адмиралтейской коллегіи штабъ и оберъ офицеровъ отъ мѣстечка Злобина до устья рѣки Сожи равно если коло другихъ мѣстахъ окажутся рыболовныя заколы очистить чрезъ тѣхъ жителей, коими оныя въ собственную ихъ пользу заведены, не продолжая времени, о чемъ въ смоленское, магилевское, черниговское, екатеринославское Намѣстническія Правленія и оныхъ губерній къ гг. генералъ губернаторамъ указы посланы“, Нам. Прав-

леніе указомъ отъ 3 сент. предписало помянутымъ выше земскимъ исправникамъ „по содержанию онаго указа Пр. Сената учинить непремѣнное и въ самоскорѣйшемъ времени исполненіе“.

11 сентября того же года послѣдовалъ рескриптъ Им. Екатерины графу Румянцеву такого содержания: „Для отвращенія бѣдствій, приключающихся судамъ, по разнымъ рѣкамъ плывущимъ, мы признали за нужное предписать нашимъ генералъ-губернаторамъ и правящимъ ту должность, чтобы каждый изъ нихъ въ губерніяхъ, ему ввѣренныхъ, приказалъ немедленно всѣ судоходныя рѣки, въ оныхъ текуція, промѣрять и, гдѣ найдутся мѣли, оныя означить вѣхами для безопасности водоходства, а притомъ подтвердивъ земскимъ исправникамъ, дабы всякій изъ нихъ въ своемъ уѣздѣ, повѣряя ежегодно промѣръ рѣкъ судоходныхъ, въ немъ протекающихъ, не токмо наблюдалъ за сохраненіемъ поставленныхъ признаковъ мелей, но чтобъ въ случаѣ бываемаго иногда перенесенія таковыхъ мелей или открытія новыхъ, равнымъ же образомъ оныя означены были“. Графъ Румянцевъ предложеніемъ отъ 28 сентября поручилъ Намѣст. Правленію приказать земскимъ исправникамъ исполнить Выс. повелѣніе.

Капитанъ Коковцевъ рапортомъ отъ 30 сент. 1784 г. доноситъ Намѣст. Прав., что „по сдѣланнымъ имъ въ Гомлѣ планамъ оказались лежащіе корчи въ рѣкѣ Днѣпрѣ въ границахъ кіевского нам.,

начиная отъ рѣчки Литвиновки внизъ, а при какихъ именно урочищахъ при семь представляю вѣдомость“.

Изъ вѣдомости видно, что Коковцевымъ найдено въ предѣлахъ кiev. нам. 19 наружныхъ корчей и 1 рыбный заколъ, въ томъ числѣ „противъ рыбнаго стана печерскаго монастыря наруж. корчей 2“. Намѣст. Правленіе предписало исправникамъ показанные въ вѣдомости корчи „непремѣнно тогдашнею осенью очистить“. А губернаторъ Ширковъ ордеромъ отъ 29 декаб. того же года велѣлъ „непремѣнно нынѣшней зимой, какъ скоро въ Днѣпрѣ вода дѣйствительно замерзнетъ, пробить ледъ, употребить всевозможные мѣры и вынятія оныхъ (корчей) изъ воды посредствомъ нарочитыхъ краковъ“.

На всѣ распоряженія, земскіе исправники донесли рапортами Намѣстн. Правленію, что корчи вынуты, заколы рыболовные уничтожены, промѣръ сдѣланъ, вѣхи поставлены. Интересны рапорты городскаго земскаго испр. Бутовскаго. На предписаніе пробить ледъ и вынуть корчи онъ доноситъ въ апрѣлѣ, что въ его уѣздѣ четыре корчи, которыхъ „по прошедшей зимы съ подъ льду вынуть никакъ было не можно, а дожидалъ я сей покой воды, съ помощію коей и оныя корчи съ подъ насыпу пещаннаго разорваты и въ ямы, называемыя подпаламы, сею же водою снесены, для того что шедшая отъ сихъ ямъ быстрина удалена и оттуда вытянуть не можетъ, впредь же по спадѣ воды при промѣрѣ стремнины рѣки Днѣпра о наносныхъ корчахъ что окажется имѣтиму долгъ кiev. Нам. Правленію рапор-

товать“. Другимъ рапортомъ онъ доноситъ, что „въ уѣздѣ Городискомъ по рѣкѣ Днѣпру отъ границы Золотоношскаго уѣзда внизъ до Екатеринославскаго намѣстничества промѣръ по сбытіи нынѣ воды симъ самоудобнѣйшимъ временемъ мною учиненъ и найденные нынѣ по сей рѣкѣ мели вѣхами означены съ приложенными при сихъ вѣхахъ таблицами съ надписью вправо или влево отъ мели званію каждому плывущему по сей рѣкѣ, каковымъ означеніемъ дѣйствительно всѣ уже плывущіе по сей рѣкѣ суда и плоты ходъ свой воспріяли и впредь безопасенъ оной имѣть будутъ“. При этомъ рапортѣ приложено „описаніе мелей и вѣхъ“, въ которомъ означено гдѣ именно мели и вѣхи съ надписями, такъ напр: „при фарпостѣ Гамалѣевскомъ влево сторону и російскому берегу по подѣ островомъ Кочергинымъ отмель, на которой вѣха съ надписью: въ горы плывущій иди право“; „при островѣ Шевченковомъ ниже фарпоста Закатнянскаго вправо отмель, гдѣ вѣха съ надписью зъ горы плывущій иди въ лѣво“, и проч.

Дѣло 1796 г. „по указу Кіев. Намѣст. Правленія объ изслѣдованіи о побоеѣ поссессоромъ села Рубежовки и прочихъ деревень казенныхъ г-номъ Корженіевскимъ тамошняго арендара Лейбы Берковича и отнятіи всего имущества его и брата его Эли“.

1796 года 19 іюля изъ Кіев. Нам. Правленія послѣдоваль на имя управляющаго рожевскою округою надв. сов. Круглова указъ, которымъ предписывалось ему „наиточнѣше изслѣдовать“ обстоятельства дѣла, изложеннаго въ прошеніи еврея Лейбы Береховича, который жаловался Нам. Правленію, что польскій генераль Корженевскій, „при отдачѣ имъ, Береховичемъ, ему, Корженевскому, за содержаніе по договору чрезъ годъ во владѣніе селенія Хмельяѣцкаго и хутора Жукова денегъ, билъ его, Береховича, безвинно и немилосердо, отнял у него вещи и содержитъ самого по нынѣ подъ карауломъ“.

22-го іюля по этому указу состоялся уже въ рожевскомъ окружномъ правленіи первый допросъ еврея Юля Берковича, который вмѣстѣ съ братомъ Лейбою арендовали корчмы села Рубежовки, деревень Забудчи и хутора Жуковаго. О побояхъ и другихъ обидахъ отъ поссессора этихъ селеній г-на Корженевскаго, генераль - адъютанта польскихъ

войскъ, причиненныхъ Лейбъ Берковичу, братъ его Юль показалъ слѣдующее:

„Когда срокъ аренды кончился сего іюля м—ца 24 числа по новому стилю, и онъ съ братомъ Лейбою Берковичемъ желали росквитоваться съ г—номъ поссесоромъ Корженевскимъ, то призваны въ дворъ къ нему г—ну Корженевскому, а по приходѣ онъ г—нъ Корж—скій заразъ велѣлъ деньги ему взнестъ. Братъ его и онъ отозвались, чтобы сдѣлать счетъ поданнымъ отъ него въ принятія до срока денегъ квитамъ, по которымъ дѣйствительно не доведется ему ничего, да еще и лишне переданное, въ разсужденіи, что аренду въ хуторѣ Жуковомъ они давно не пользовались, ибо еще до срока отнялъ онъ, г—нъ Корженевскій, отъ еврея Аврума, поставленнаго отъ его и брата его тоже на аренду, за долгъ ему сего еврея. Г—нъ Корженевскій согласился сосчитаться и по счету точно оказалось, что исключая то время, въ которое они аренду въ томъ хуторѣ не пользовались, еще должно нѣсколько денегъ ему и брату возвратить. Г—нъ же Корженевскій сказалъ, что будто въ контрактѣ, данномъ отъ его и брата его, нѣтъ хутора Жукова написано; но какъ въ контрактѣ его, Корженевскаго, состоитъ сей хуторъ, то смѣло онъ и братъ его утверждали сіе, прося на все то квита одного; онъ, г—нъ Корж., не согласился на то, домогаясь полнаго взноса по контракту денегъ, а онъ съ братомъ тоже на дачу напрасно денегъ не соглашался, и потому г—нъ Корж., разсердясь и схопившись съ стула, вдарилъ

брата его въ правую щеку такъ сильно, что принужденъ былъ поклониться, г—нъ Корж. подошелъ въ другую, потомъ, взявъ за пейсики, ударилъ кулакомъ въ голову, отчего братъ его упалъ на землю почти мертвъ; видя сіе, онъ, Уля, намѣревался поднять его, но уже не можно было даже зубовъ расширить. Г—нъ Корж. приказалъ своимъ слугамъ Николаю Комаровскому и Дроздовскому вытащить его въ сѣни, тутъ также онъ, Уля, не зналъ, чѣмъ помочь, хотя и водою отливали, а г—нъ Корженевскій самъ, смывавъ воды холодной, оною облилъ его и привелъ симъ способомъ въ чувство, чему свидѣтель былъ м. Ясногородки еврей Лейзеръ Йословичъ, а послѣ того заразъ г. Корж. велѣлъ взять подъ карауль какъ одного брата, такъ и его самаго, и забить въ колодки, что и исполнено и они просидѣли пятокъ т. е. 24 іюля по римскому счисленію даже до вечера, между тѣмъ приказалъ забрать все имущество его и брата его до послѣдняго, которое и забрато, какъ то казаны, сундуки и всю движимость, о количествѣ коего заразъ не можетъ пояснить, но подастъ свѣдѣніе совмѣстно съ братомъ при изслѣдованіи на мѣстѣ; въ вечеру жъ того дня отпрошены на шабасъ вышеписаннымъ евреемъ Ясногородскимъ, которой ведѣлъ все вышепрописанное происшествіе, однакожъ по отпускѣ находились подъ присмотромъ десятскихъ и одного козака двороваго; а въ ведѣлю требовалъ г—нъ Корж. опять денегъ, и потому, видя крайнее разореніе, послалъ онъ, Уля, письмо въ село Княжичи къ еврею Елю Йосковичу, арен-

дующему тамъ совмѣстно съ нимъ, Улею, корчму, съ просьбою, чтобъ внесъ жалобу въ Кіевъ, гдѣ слѣдуетъ, о такомъ его разореніи, что онъ и исполнилъ, подавши прошеніе въ Нам. Правленіе, Однакожь, опасаясь бою, отнесли они съ братомъ, хотя и не подлежаще, 170 злотыхъ польскихъ къ г—ну Корж., потомъ во вторникъ опять 150 злотыхъ, но еще требовалъ онъ будто противу контракту, въ коемъ положено за всѣ селенія только 2200, а онъ считалъ 3700 злотыхъ и то безъ хутора; на всѣ сіи деньги далъ два квиты, оставя прежніе у себя, которые схороня принужденъ онъ, Уля тайно уѣхать въ Ясногородку, куда и братъ пріѣхалъ также тайно, бросивъ женъ своихъ и дѣтей въ Рубежовкѣ, изъ Ясногородки жъ поѣхалъ въ Кіевъ, а тамъ получа отъ Намѣст. Правленія резолюцію и указъ къ управляющему рубежовскою округою г—ну надв. сов. Круглову, когда слѣдовали въ Рожевъ, то братъ его послалъ въ Рубежовку къ женамъ и дѣтямъ, а онъ въ Рожевъ. Въ справедливости всего того и присягою подтвердилъ онъ и братъ его и подписался“.

Юля 23-го данъ былъ поручику Мирановскому ордеръ, коимъ предписывалось—, съѣхавъ въ с. Рубежовку во 1-хъ узнавъ, точно ли г—номъ Корженевскимъ у нихъ, евреевъ, имущество заграблено самоуправно и удерживается, заразъ о количествѣ всего такова имѣнія истребовать отъ жалобщиковъ регистръ, по которому объявить г—ну поссессору Корженевскому, чтобы все забратое имѣніе въ цѣ-

лости по силѣ Всевыс. Е. И. В. учрежденій гл. XVIII ст. 243 возвратилъ при бытности вашей за роспискою арендарямъ вышеписаннымъ Берковичамъ, а затѣмъ приступить къ изслѣдованію, и во 2-хъ отъ его, г—на Корженевского взять на россійскомъ діалектѣ объясненіе, почему овъ столь самоуправно поступилъ и билъ такъ изъ тѣхъ арендарей Лейбу Берковича, что сдѣдалъ было почти мертвымъ, ибо и самъ принужденъ отливать водою и послѣ сверхъ того что забилъ въ колодки, забралъ все имущество обоихъ арендарей; въ 3-хъ лакеевъ г—на Корженевского, Комаровскаго и Дроздовскаго, каждаго порознь допросить обстоятельно о происшествіи при побоѣ господиномъ ихъ жида Лейбы Берковича и въ 4-хъ сыскавъ изъ м. Ясногородки еврея Лейзера Юсовича за присягою спросить его о тѣхъ же при побоѣ происшествіяхъ, а буде надобность укажетъ, и другихъ людей, могущихъ въ чемъ-либо посвидѣтельствовать, запытать подъ присягою съ наилучшимъ обнаруживаніемъ виновности и справедливости, и такимъ образомъ, произведя сіе выизслѣдованіе, оное ко мнѣ представить при рапортѣ, но притомъ отнюдь вамъ въ разбирательство претензій арендарей не входитъ, ибо сіе принадлежитъ до формальнаго судопроизводства.

Поручикъ Мироновичъ, какъ видно изъ его рапорта отъ 27 іюля, пріѣхавши въ Рубежовку, не засталъ г. Корженевскаго, который выѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ передъ выѣздомъ письмо на имя Мироновича, представленное этимъ послѣднимъ при

рапортъ г. Круглову. Не лишнимъ будетъ привести здѣсь это письмо съ соблюденіемъ его орфографіи (замѣняя лишь гдѣ нужно одну другую буквы з и ж, которыя очевидно безразлично употреблялъ генералъ Корженевскій).

„Благородни господинъ городничой и поручникъ! Доходитъ мнѣ звистка, якобы жиди арендаръ мое робежовскіе напрасно отдали прозбу в полицію робежовскую на меня, но колы тому правда есть, что тые мошенники на своего добродителя, которми их ратовалъ и так долго своих денѣх по контракции через ихъ подысаннмъ такъ долго жде, выдно что они превелькне плути и несправедливо меня чорнятъ, ибо я своею честь и славу, которую виномъ заслужилъ, перекладаю над вси посесыи и деревни, а той чорной и прескверной народъ напрасно обывателей турбуютъ, бо я завсегда вирной своей Государыни и Ея начальнѣкомъ спокойно сежу и по законахъ себя удержажу, и тие прескверныи жиди, котормъ не належно такъ скоро врить в ихъ плутовстви доводнимъ, не повинни честныхъ людей обиждаты и безпокойства обывателіомъ дилаты, а когда я по контракту моимъ вѣрно до козиѣ государственной денги оплачаю, за щож жиди не хочуть плотить, по своем контракту, мнѣ од нихъ належному и для того сее пысмо пишу до вас, ибо самъ Кіювъ одѣздаю до Его Превосходительства генерала губернатора и жалѣю, что з вами повидится немогу, звинѣте меня в томъ, бо обещался генералу служить въ Кіювъ, а на повротъ с Кіюва сам в Рожовъ сподиваюся прѣхаты и на очно довесты тее, что напрасно жиди тур-

буютъ обязательствъ, при томъ, вашему доброму сердцу и пріятельству получаючи меня, остаюся ваш покорной слуга Іосефъ Антоновичъ Корженевскій генералъ польской“.

Поручикъ Мироновичъ доносилъ, что дѣйстви- тельно Корженевскій разграбилъ евреевъ, „отъ чего уже они и лишены дневнаго пропитанія, какъ то жены и малыя дѣти остаются безъ пищи и экзеку- ція отъ него, (Корженевскаго) поставленная причи- няютъ имъ разныя безчеловѣчныя надругательства, вымогаютъ разныя напитки и сладкую пищу; но какъ законъ преимущественно всему уважаетъ, не позволяетъ тутъ умолчать о такихъ обстоятель- ствахъ;—не благоволено ли будетъ отъ в. вѣл. по- мянутую экзекуцію снять и г—ну Корженевскому предписать, пока слѣдствіе окончится, помянутыхъ же евреевъ такъ больно не изнурялъ бы, то благо- волите еще одного солдата для защиты оныхъ ев- реевъ прислать“.

По распоряженію губ—ра экзекуція была дѣй- ствительно скоро снята; но и слѣдствіе дальнѣй- шее очевидно, было прекращено, такъ какъ г. Кор- женевскій самъ уладилъ свое столкновение съ ев- реями.

магистратами изобрѣли средство имѣть въ запасѣ хлѣба на годовое продовольствіе. Къ свѣдѣнію моему нынѣ доходить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скоть отъ недостатку корма падаетъ, то и долгомъ поставляю препоручить вамъ употребить благовременно всевозможные мѣры и средства и внушить помѣщикамъ, чтобы повелѣнный запасъ хлѣба употребляемъ былъ на самую ту надобность, для которой заготавливается и чтобы ни люди въ хлѣбѣ, ни скоть въ кормѣ нужды не терпѣли; и коль скоро извѣстно уже вамъ или впредь извѣдаете что въ селеніяхъ повѣта есть недостатокъ хлѣба или корма, то нимало немедля самымъ вамъ пригласить зъ собою нижній земскій судъ въ тѣ мѣста отправиться и изслѣдовать отчего недостатокъ происходитъ и обще съ помѣщикомъ возымѣть всеобщее попеченіе о прокормленіи людей и скота, а какіе гдѣ приваты будутъ мѣры доносить мнѣ и Губ. Правленію“.

Такое же предписаніе послано и въ нижніе земскіе суды. Въ отвѣтъ на эти бумаги получены отъ всѣхъ нижнихъ земскихъ судовъ и маршаловъ дворянства рапорты о томъ, что распоряженіе о заготовленіи хлѣба исполнено, что хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и чувствуется недостатокъ въ хлѣбѣ, но помѣщики употребляютъ съ своей стороны всѣ мѣры къ прокормленію крестьянъ. Во всѣхъ рапортахъ сообщается о крайнемъ недостаткѣ корма для скота, который во многихъ мѣстахъ падаетъ отъ голода и отъ сильныхъ морозовъ.

Изъ дѣлъ о польскихъ выходцахъ:

- I. Дѣло ген. войск. канц. 1754 г. „о вышедшемъ съ польск. обл. тамошнемъ родимцу Ольшевскомъ на жительство въ полкъ переясловск. для вѣчного въ Россійск. Имперіи подданства“ 80.
- II. 1753 г. „по грамотѣ Гос. Кол. Ин. д. съ присылкою Ивана Цибулевского, тако жъ челобитья его и приложеніевъ разныхъ“ 92.
- III. Дѣло Кіев. Намѣст. 1782 г. „по доношенію польскаго шляхтича Гаврила Урбановича о сдѣланіи ему отъ золотоношскаго исправника Базилевича обидъ и притѣсненій“ 122.

Слѣдованіе сербовъ команды ген. м. Шевича чрезъ Малороссію 124.

- I. 1752 г. „ген.-м. Пучкова доношеніе, по которому посланъ въ кіев. магистратъ указъ о запрещеніи ругательнаго посмѣянія находящихся въ Кіевѣ сербско-словенск. народа“ 125.
- II. 1753 г. „о довольствіи прибывающихъ изъ Венгріи въ Кіевъ сербовъ фуражемъ, сбираемымъ отъ малороссійскихъ обывателей“ 133.
- III. 1754 г. „о почивенныхъ слѣдовавшей черезъ Переясловъ и Лубны сербскою ген.-м. Прерадовича командою обидяхъ“ 140.

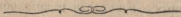
„Умаленіе и объединеніе выборныхъ козаковъ“ 150.*Магистратская вѣдомость о г. Кіевѣ 1875 г.* 158.*Въ ожиданіи Высочайшаго посѣщенія Кіева въ 1744 г.* 162.*Предосторожности противъ эпидеміи въ 1771—72 г.* 169.*Изъ дѣлъ пограничной комисіи:*

- I. Дѣло 1737 г. „объ отиравленіи для слѣдствія про гайдамаковъ и явшагося у нихъ знамени, которые въ Польшѣ тамошнимъ подданнымъ причинили разные обиды, въ кіев. гарн. полков. Никиту Мерлякана и др. 174.

КА-2 25-11/5
2

Стр.

2. 1748 г. „Погр. комисіи доношенія съ приложеніемъ съ польскихъ писемъ переводовъ“ 182.
3. 1761 г. „По указу Пр. Сената о произведеніи кап. І. Івыкова въ кол. ассесоры и о бытіи ему въ погр. комисіи вторымъ комиссаромъ“ 185.
4. 1744 и 45 г. „Дѣло кiev. мѣщанина Ивана Александренка въ претензіяхъ съ польскимъ шляхтичемъ грабіемъ Тарнавскимъ“ 186.
5. 1776—78 г. „Дѣло К.-Печ. Лавры о поступленіи съ польскимъ шляхтичемъ Спендовскимъ по законамъ за написанные въ претензіи его на о. архим. Зосиму и всю капитулу безчестныя выраженія и тѣмъ о причиненіи о. архим. съ братією публичнаго поруганія“ 194.
6. 1787 г. „Дѣло по сообщенію кiev. уголов. палаты о истребованіи чрезъ погр. ком. из Польши подданнаго пр.-маіора П. Бѣгичева, Козьмы Ситнича, отца и всего семейства и о возвращеніи въ Польшу тамош. жителя Никиты Каваца“ 203.
- Жалобы присланы на удержаніе господами ихъ самихъ противъ ихъ желанія и ихъ документовъ.* 205.
- Промѣръ и опись р. Днѣпра и Сожи въ 1784 г.* 209.
- 1796 г. „Дѣло по указу К. Н. П. объ изслѣдованіи о побоѣ поссессоромъ с. Рубежови и прочихъ деревень казенныхъ г. Корженевскимъ тамошняго арендара Лейбы Берковича и отнятіи всего имуществва“ 214.
- 1799 г. „Дѣло о взятіи въ кievской губерніи дворянства маршалами и нижними земскими судами мѣръ къ отвращенію могущихъ произойти въ прокормленіи людей и скота недостатка“ 221.

LIBRARY

LIBRARY

25-

HILBY

0

14/25 26 x 29

Ms. No. 25-

